

Библиотека Р. о. вел. 2910/37

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОМЪ XXXVII.

37.38

Н О В Ъ.

Р О М А Н Ъ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

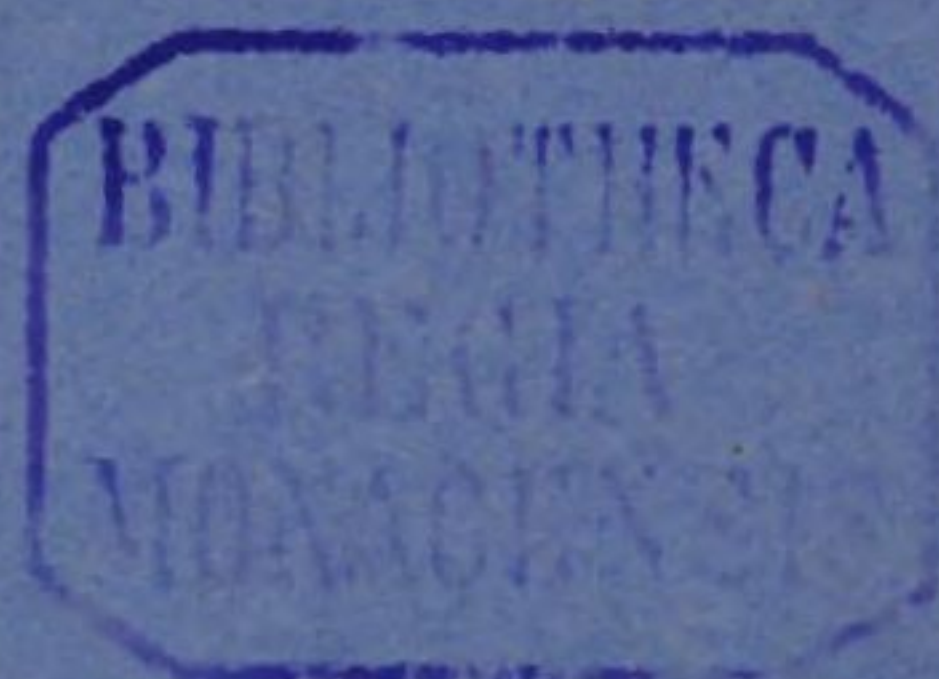
Neuland. Von I. Turgenieff.

I.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.
Центральный книжный магазинъ для славянскихъ
странъ.

1 8 7 7.

6399

Н О В Ъ.

Н О В Ъ.

Р О М А Н Ъ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

„Поднимать слѣдуетъ новъ не повер-
хностно скользящей сохой, но глубоко
„забирающимъ плугомъ.“

Изъ записокъ хозяина-агронома.

I.

ЛЕЙПЦИГЪ,

Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,

Wolfgang Gerhard.

Центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ.

1 8 7 7.

I.

Весною 1868 года, часу въ первомъ дня, въ Петербургѣ, взбирался по черной лѣстницѣ пятиэтажнаго дома въ Офицерской улицѣ человѣкъ лѣтъ двадцати-семи, небрежно и бѣдно одѣтый. Тяжело шлёпая стоптанными калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тѣло, человѣкъ этотъ достигнулъ наконецъ самаго верха лѣстницы, остановился передъ оборванной полураскрытой дверью — и, не позвонивъ въ колокольчикъ, а только шумно, вздохнувъ, ввалился въ небольшую темную переднюю.

— Неждановъ дома? — крикнулъ онъ густымъ и громкимъ голосомъ.

— Его нѣтъ — я здѣсь, войдите, — раздался въ сосѣдней комнатѣ другой, тоже довольно грубоватый женскій голосъ.

— Машурина? — переспросилъ новоприбывшій.

— Она самая и есть. — А вы — Остродумовъ?

— Пименъ Остродумовъ, — отвѣчалъ тотъ, и старательно снявъ сперва калоши, а потомъ повѣсивъ на гвоздь ветхую шинелишку, вошелъ въ комнату, откуда раздался женскій голосъ.

Низкая, неопрятная, со стѣнами выкрашенными мутно-зеленой краской, комната эта едва освѣщалась двумя запыленными окошками. Только и было въ ней мебели, что желѣзная кровать въ углу, да столъ по срединѣ, да нѣсколько стульевъ, да этажерка, заваленная книгами. — Возлѣ стола сидѣла женщина лѣтъ тридцати, простоволосая, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, и курила папироску. Увидѣвъ вошедшаго Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. Тотъ такъ же молча пожалъ ее — и, опустившись на стулъ, досталъ изъ бокового кармана полусломанную сигару. Машурина дала ему огня — онъ закурилъ, и оба, не говоря ни слова и даже не мѣняясь взглядами, принялись пускать струйки синева-таго дыма въ тусклый воздухъ комнаты, уже безъ того достаточно пропитанный имъ.

Въ обоихъ курильщикахъ было нѣчто общее, хотя чертами лица они не походили другъ на

друга. Въ обѣихъ этихъ неряшливыхъ фигурахъ съ крупными губами, зубами, носами (Остродумовъ къ тому-же еще былъ рябъ), сказывалось что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое.

— Видѣли вы Нежданова? — спросилъ наконецъ Остродумовъ.

— Видѣла; онъ сейчасъ придетъ. Книги въ библіотеку понесъ.

Остродумовъ сплюнулъ въ сторону.

— Что это онъ все бѣгать сталъ? Никакъ его не поймаешь.

Машурина достала другую папиросу.

— Скучаетъ, — промолвила она, тщательно ее разжигая.

— Скучаетъ! — повторилъ съ укоризной Остродумовъ. — Вотъ баловство! Подумаешь, занятій у насъ съ нимъ нѣту. Тутъ, дай Богъ всѣ дѣла обломать какъ слѣдуетъ — а онъ скучаетъ!

— Письмо изъ Москвы пришло? — спросила Машурина погода немного.

— Пришло... третьяго дня.

— Вы читали?

Остродумовъ только головой качнулъ.

— Ну... и что же?

— Что? Скоро ѣхать надо будетъ.

Машурина вынула папиросу изо рта. — Это отчего же? Тамъ, слышно, идетъ все хорошо.

— Идетъ, своимъ порядкомъ. Только чело-вѣчекъ одинъ подвернулся ненадежный. Такъ вотъ... смѣстить его надо; а не то и вовсе устранить. Да и другія есть дѣла. — Васъ тоже зовутъ.

— Въ письмѣ?

— Да; въ письмѣ.

Машурина встряхнула своими тяжелыми волосами. Небрежно скрученные сзади въ небольшо-ую косу, они спереди падали ей на лобъ и на брови.

— Ну, что-жъ! — промолвила она: — коли выдетъ распоряженіе — разсуждать тутъ нечего!

— Извѣстно, нечего. Только безъ денегъ никакъ нельзя; а гдѣ ихъ взять, самыя эти деньги?

Машурина задумалась.

— Неждановъ долженъ достать, — проговорила она вполголоса, словно про себя.

— Я за этимъ самымъ и пришелъ, — замѣтилъ Остродумовъ.

— Письмо съ вами? — спросила вдругъ Машурина.

— Со мной. Хотите прочесть?

— Дайте... или нѣтъ, не нужно. Вмѣстѣ прочтемъ... послѣ.

— Вѣрно говорю, — пробурчалъ Остродумовъ; — не сомнѣвайтесь.

— Да я и не сомнѣваюсь.

И оба затихли опять, и только струйки дыма по прежнему бѣжали изъ ихъ безмолвныхъ устъ и поднимались, слабо змѣясь, надъ ихъ волосистыми головами.

Въ передней раздался стукъ калошъ.

— Вотъ онъ! — шепнула Машурина.

Дверь слегка пріотворилась, и въ отверстіе просунулась голова — но только не голова Нежданова.

То была круглая головка съ черными, жесткими волосами, съ широкимъ, морщинистымъ лбомъ, съ карими, очень живыми глазками подгустыми бровями, съ утинымъ, кверху вздернутымъ носомъ и маленькимъ, розовымъ, забавно сложеннымъ ртомъ. Головка эта осмотрѣлась, закивала, засмѣялась — причемъ выказала множество крошечныхъ бѣлыхъ — зубковъ — и вошла въ комнату вмѣстѣ со своимъ тщедушнымъ, туловищемъ, короткими ручками и немного кривыми, немного хромыми ножками. И Машурина, и Остроду-

мовъ, — какъ только увидали эту головку, оба выразили на лицахъ своихъ нѣчто въ родѣ снисходительнаго презрѣнія, точно каждый изъ нихъ внутренно произнесъ: „А! *этотъ*“. И не проронили ни единого слова, даже не пошевелились. Впорчемъ, оказанный ему пріемъ не только не смутилъ ново-появившагося гостя, но, кажется, доставилъ ему нѣкоторое удовлетвореніе.

— Что сіе означаетъ? — произнесъ онъ пискливымъ голоскомъ. — Дуэтъ? Отчего же не тріо? И гдѣ же главный теноръ?

— Вы это о Неждановѣ любопытствуете, г-нъ Паклинъ? — проговорилъ съ серьезнымъ видомъ Остродумовъ.

— Точно такъ, г-нъ Остродумовъ: о немъ.

— Онъ вѣроятно скоро прибудетъ, г-нъ Паклинъ.

— Это очень пріятно слышать, г-нъ Остродумовъ.

Хроменькій человѣкъ обратился къ Машуриной. Она сидѣла, насупившись — и продолжала, не спѣша, попыхивать изъ папироски.

— Какъ вы поживаете, любезнѣйшая... любезнѣйшая... Вѣдь вотъ какъ это досадно! Всегда я забываю, какъ васъ по имени и по отчеству!

Машурина пожала плечами.

— И совсѣмъ это не нужно знать! Вамъ моя фамилія извѣстна. Чего же больше! — И что за вопросъ: какъ вы поживаете? — Развѣ вы не видите, что я живу?

— Совершенно, совершенно справедливо! — воскликнулъ Паклинъ, раздувая ноздри и подергивая бровями: — не были бы вы живы — вашъ покорный слуга не имѣлъ бы удовольствія васъ здѣсь видѣть и бесѣдовать съ вами! — Припишите мой вопросъ застарѣлой дурной привычкѣ. Вотъ и на счетъ имени и отчества... Знаете: какъ-то неловко говорить прямо: Машурина! — Мнѣ, правда, извѣстно, что вы и подъ письмами вашими иначе не подписываетесь какъ: Бонапартъ! — тò-бишь: Машурина! — Но всетаки, въ разговорѣ...

— Да кто васъ просить со мной разговаривать?

Паклинъ засмѣялся нервически, какъ-бы захлёбываясь.

Ну, полноте, милая, голубушка, дайте вашу руку, не сердитесь — вѣтъ я знаю: вы предобрая — и я тоже добрый... Ну?..

Паклинъ протянулъ руку... Машурина посмотрѣла на него мрачно — однако подала ему свою.

— Если вамъ непремѣнно нужно знать мое имя, — промолвила она все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ — извольте: меня зовутъ Ѳеклой.

— А меня — Пименомъ, прибавилъ басомъ Остродумовъ.

— Ахъ! это очень-очень поучительно! Но въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, о, Ѳекла! и вы, о, Пимень! скажите мнѣ, отчего вы оба такъ недружелюбно, такъ постоянно-недружелюбно относитесь ко мнѣ, между тѣмъ какъ я...

— Машурина находитъ, — перебилъ Остродумовъ — и не она одна это находитъ — что, такъ какъ вы на всѣ предметы смотрите съ ихъ смѣшной стороны, то и положиться на васъ нельзя.

Паклинъ круто повернулся на каблукахъ.

— Вотъ она, вотъ постоянная ошибка людей, которые обо мнѣ судятъ, почтеннѣйшій Пимень! Во-первыхъ: я не всегда смѣюсь; а во-вторыхъ — это ничему не мѣшаетъ и положиться на меня можно, что и доказывается лестнымъ довѣріемъ, которымъ я не разъ пользовался въ вашихъ же рядахъ! Я честный человѣкъ, почтеннѣйшій Пимень!

Остродумовъ промычалъ что-то сквозь зубы,

а Паклинъ покачалъ головою и повторилъ, уже безъ всякой улыбки:

— Нѣтъ! я не всегда смѣюсь! Я вовсе не веселый человѣкъ! Вы посмотрите-ка на меня!

Остродумовъ возвелъ на него глаза. — Дѣйствительно, когда Паклинъ не смѣялся, когда онъ молчалъ, лицо его принимало выраженіе почти унылое, почти запуганное: оно становилось забавнымъ и даже злымъ, какъ только онъ раскрывалъ ротъ. Остродумовъ однако ничего не сказалъ.

Паклинъ снова обратился къ Машуриной.

— Ну, а ученіе какъ подвигается? Дѣлаете вы успѣхи въ вашемъ истинно-человѣколюбивомъ искусствѣ? Чай, штука трудная — помогать неопытному гражданину при его первомъ вступленіи на свѣтъ божій?

— Ничего, труда нѣтъ, коли онъ не много больше васъ ростомъ, — отвѣтила Машурина, только-что сдавшая экзаменъ на повѣвальную бабушку — и самодовольно ухмыльнулась. Года полтора тому назадъ, она, бросивъ свою родную, дворянскую, небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилаь

желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, что было сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы.

Услышавъ ея отповѣдь, Паклинъ снова разсмѣялся.

— Вы молодецъ, моя милая! — воскликнулъ онъ. — Славно меня отбрили! По-дѣломъ мнѣ! Зачѣмъ я такимъ карликомъ остался! Однако, гдѣ же это пропадаетъ нашъ хозяинъ?

Паклинъ не безъ умысла перемѣнилъ предметъ разговора. Онъ никакъ не могъ помириться съ крохотнымъ своимъ ростомъ, со всей своей невзрачной фигуркой. Это было ему тѣмъ чувствительнѣе, что онъ страстно любилъ женщинъ. Чего бы онъ не далъ, чтобъ нравиться имъ! Сознаніе своей мизерной наружности гораздо больнѣе грызло его, чѣмъ его низменное происхожденіе, чѣмъ незавидное положеніе его въ обществѣ. Отецъ Паклина былъ простой мѣщанинъ, дослужившійся всякими неправдами до чина титулярнаго совѣтника, ходокъ по тяжбынымъ дѣламъ, аферистъ. Онъ управлялъ имѣніями, домами, и зашибъ-таки копѣйку; но сильно

пилъ подъ конецъ жизни и ничего не оставилъ послѣ своей смерти. Молодой Паклинъ (звали его: Сила, Сила Самсонычъ — что онъ также считалъ насмѣшкой надъ собою) — воспитывался въ коммерческомъ училищѣ, гдѣ отлично выучился нѣмецкому языку. Послѣ различныхъ, довольно тяжелыхъ передрыгъ, онъ попалъ, наконецъ, въ частную контору на 1500 р. с. годового содержанія. Этими деньгами онъ кормилъ себя, больную тѣтку, да горбатую сестру. Во время нашего разсказа ему только-что пошелъ 28-й годъ. Паклинъ знался со множествомъ студентовъ, молодыхъ людей, которымъ онъ нравился своей цинической бойкостью, веселой желчью самоуверенной рѣчи, односторонней, но несомнѣнной начитанностью, безъ педантизма. Лишь изрѣдка ему доставалось отъ нихъ. Разъ онъ какъ-то опоздалъ на „политическую“ сходку... Войдя, тотчасъ началъ торопливо извиняться... — „Трусоватъ былъ Паклинъ бѣдный“ — запѣлъ кто-то въ углу — и всѣ расхохотались. Паклинъ наконецъ засмѣялся самъ, хоть и скребло у него на сердцѣ. „Правду сказалъ, мошенникъ!“, — подумалъ онъ про себя. Съ Неждановымъ онъ познакомился въ греческой кухмистерской, куда ходилъ обѣдать и гдѣ выражалъ подѣ-часъ весьма

свободныя и рѣзкія мнѣнія. Онъ увѣрялъ, что главной причиной его демократическаго настроенія была скверная греческая кухня, которая раздражала его печень.

— Да... именно... гдѣ пропадаетъ нашъ хозяинъ? — повторилъ Паклинъ. — Я замѣчаю: онъ съ нѣкоторыхъ поръ словно не въ духѣ. Ужъ не влюбленъ ли онъ, Боже сохрани!

Машурина нахмурилась.

— Онъ пошелъ въ библіотеку за книгами — а влюбляться ему некогда и не въ кого.

„А въ васъ?“ чуть-было не сорвалось съ губъ у Паклина.

— Я потому желаю его видѣть, — промолвилъ онъ громко, — что мнѣ нужно переговорить съ нимъ по одному важному дѣлу.

— По какому это дѣлу? — вмѣшался Остродумовъ. — По нашему?

— А можетъ быть и по вашему... т.-е. по нашему, общему.

Остродумовъ хмыкнулъ. Въ душѣ онъ усомнился, но тутъ же подумалъ: „А чортъ его знаетъ! Вишь онъ какой пролазъ!“

— Да вотъ онъ идетъ наконецъ, — проговорила вдругъ Машурина — и въ ея маленькихъ некрасивыхъ глазахъ, устремленныхъ на дверь

передней, промелькнуло что-то теплое и нѣжное, какое-то свѣтлое, глубокое, внутреннее пятнышко...

Дверь отворилась — и на этотъ разъ, съ картузомъ на головѣ, со связкой книгъ подъ мышкой, вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, самъ Неждановъ.

II.

При видѣ гостей, находившихся въ его комнатѣ, онъ остановился на порогѣ двери, обвелъ ихъ всѣхъ глазами, сбросилъ картузъ, уронилъ книги прямо на полъ — и молча, добравшись до кровати, прикорнулъ на ея краѣ. Его красивое, бѣлое лицо, казавшееся еще бѣлѣе отъ темнокраснаго цвѣта волнистыхъ рыжихъ волосъ, выражало неудовольствіе и досаду.

Машурина слегка отвернулась и закусилла губу; Остродумовъ проворчалъ:

— Наконецъ-то!

Паклинъ первый приблизился къ Нежданову.

— Чтó съ тобой, Алексѣй Дмитриевичъ, российский Гамлетъ? Огорчилъ кто тебя? Или такъ — безъ причины — взгрустнулось?

— Перестань пожалуйста, российский Мефистофель, — отвѣчалъ раздраженно Неждановъ.

— Мнѣ не до того, чтобы препираться съ тобою плоскими остротами.

Паклинъ засмѣялся.

— Ты неточно выражаешься: коли остро, такъ не плоско — коли плоско, такъ не остро.

— Ну, хорошо, хорошо... Ты, извѣстно, умница.

— А ты въ нервномъ состояннѣ, — произнесъ съ разстановкою Паклинъ. — Али въ самомъ дѣлѣ что случилось?

— Ничего не случилось особеннаго; — а случилось то, что нельзя носу на улицу высунуть, въ этомъ гадкомъ городѣ, въ Петербургѣ, чтобъ не наткнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху! Жить здѣсь больше невозможно.

— То-то ты въ газетахъ публиковалъ, что ищешь кондиціи и согласенъ на отъѣздъ, — проворчалъ опять Остродумовъ.

— И конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ уѣду отсюда! Лишь бы нашелся дуракъ — мѣсто предложилъ!

— Сперва надо здѣсь свою обязанность исполнить, значительно проговорила Машурина, не переставая глядѣть въ сторону.

— То-есть? — спросилъ Неждановъ, круто обернувшись къ ней. Машурина стиснула губы.

— Вамъ Остродумовъ скажетъ.

Неждановъ обернулся къ Остродумову. Но тотъ только крякнулъ и откашлялся: — „погоди-моль.“

— Нѣтъ, не шутя, въ самомъ дѣлѣ, — вмѣшался Паклинъ: — ты узналъ что-нибудь, неприятность какую?

Неждановъ подскочилъ на постели, словно его что подбросило.

— Какая тебѣ еще неприятность нужна? — закричалъ онъ внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ. — Поль-Россіи съ голода помираетъ, „Московскія Вѣдомости“ торжествуютъ, классицизмъ хотятъ ввести, студенческія кассы запрещаются, вездѣ шпіонство, притѣсненія, доносы, ложь и фальшь — шагу намъ ступить некуда... а ему все мало, онъ ждетъ еще новой неприятности, онъ думаетъ, что я шучу... Басанова арестовали, — прибавилъ онъ, нѣсколько понизивъ тонъ: — мнѣ въ библіотекѣ сказывали.

Остродумовъ и Машурина оба разомъ приподняли головы.

— Любезный другъ, Алексѣй Дмитріевичъ, — началъ Паклинъ, — ты взволнованъ — дѣло

понятное... Да развѣ ты забылъ, въ какое время и въ какой странѣ мы живемъ? — Вѣдь у насъ утопающій самъ долженъ сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться! — Гдѣ ужъ тутъ миндальничать?! Надо, братъ, чорту въ глаза умѣть смотрѣть, а не раздражаться по-ребячьи...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! — перебилъ тоскливо Неждановъ, и даже сморщился, словно отъ боли. — Ты, извѣстное дѣло, энергическій мужчина — ты ничего и никого не боишься...

— Я-то никого не боюсь?! — началъ-было Паклинъ...

— Кто только могъ выдать Басанова? — продолжалъ Неждановъ, — не понимаю!

— А извѣстное дѣло — пріятель. — Они на это молодцы — пріатели-то. Съ ними держи ухо востро! Былъ у меня, напимѣръ, пріятель — и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ... — „Представьте“, кричитъ: „какую объ васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили — что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сей часъ къ хозяйкѣ сѣли спиной — и такъ

весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды! — Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!“ — И что же? Годъ спустя, разсорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: „Вы, который уморили своего дядю! — Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной“!... и т. д. и т. д. — Вотъ каковы пріатели!

Остродумовъ переглянулся съ Машуриной.

— Алексѣй Дмитріевичъ! — брякнулъ онъ своимъ тяжелымъ басомъ — онъ явно желалъ прекратить возникавшее бесполезное словоизверженіе — отъ Василя Николаевича письмо изъ Москвы пришло.

Неждановъ слегка дрогнулъ и потупился.

— Что онъ пишетъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— Да вотъ... намъ вотъ съ ней... — Остродумовъ указалъ бровями на Машурину — ѣхать надо.

— Какъ? и ее зовутъ?

— Зовутъ и ее.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Да извѣстно зачѣмъ... за деньгами.

Неждановъ поднялся съ кровати и подошелъ къ окну.

— Много нужно?

— Пятьдесятъ рублей... Меньше нельзя.

Неждановъ помолчалъ.

— У меня теперь ихъ нѣтъ, — прошепталъ онъ наконецъ, постукивая пальцами по стеклу — но... я могу достать. Я достану. Письмо у тебя?

— Письмо-то? Оно... то-есть... конечно...

— Да что вы все отъ меня хоронитесь? — воскликнулъ Паклинъ. — Неужто я не заслужилъ вашего довѣрія? — Если бы я даже не вполне сочувствовалъ... тому, что вы предпринимаете — неужто же вы полагаете, что я въ состояніи измѣнить или разболтать?

— Безъ умысла... пожалуй! — пробасилъ Остродумовъ.

— Ни съ умысломъ, ни безъ умысла! — Вотъ г-жа Машурина глядитъ на меня и улыбается... а я скажу...

— Я нисколько не улыбаюсь, — окрысилась Машурина.

— А я скажу, — продолжалъ Паклинъ, — что у васъ, господа, чутья нѣтъ; что вы не умѣете различить, кто ваши настоящіе друзья!

Человѣкъ смѣется, вы и думаете: онъ несерьёзный...

— А то небось нѣтъ? — вторично окрысилась Машурина.

— Вы, вотъ, напримѣръ, — подхватилъ съ новой силой Паклинъ, на этотъ разъ даже не возражая Машуриной — вы нуждаетесь въ деньгахъ... а у Нежданова ихъ теперь нѣтъ... Такъ я могу дать.

Неждановъ быстро отвернулся отъ окна.

— Нѣтъ... нѣтъ... это къ чему же? Я достану... Я возьму часть пенсіи впередъ... Помнится, *они* остались мнѣ должны. А вотъ что, Остродумовъ: покажи-ка письмо.

Остродумовъ остался сперва нѣкоторое время неподвижнымъ; потомъ осмотрѣлся кругомъ; потомъ всталъ, нагнулся всѣмъ тѣломъ, и, засучивъ панталоны, вытащилъ изъ-за голенища сапога тщательно сложенный клочокъ синей бумаги; вытащивъ этотъ клочокъ, неизвѣстно зачѣмъ подулъ на него и подалъ Нежданову.

Тотъ взялъ бумажку, развернулъ ее, прочелъ внимательно и передалъ Машуриной... Та сперва встала со стула, потомъ тоже прочла и возвратила бумажку Нежданову, хотя Паклинъ протягивалъ за нею руку. Неждановъ пожалъ плечомъ

и передалъ таинственное письмо Паклину. Паклинъ въ свою очередь пробѣжалъ глазами бумажку и, многозначительно сжавъ губы, торжественно и тихо положилъ ее на столъ. Тогда Остродумовъ взялъ ее, зажегъ большую спичку, распространившую сильный запахъ сѣры, и сперва высоко поднялъ бумажку надъ головою, какъ-бы показывая ее всѣмъ присутствовавшимъ, сжегъ ее до тла на спичкѣ, не щадя своихъ пальцевъ, и бросилъ пепелъ въ печку. Никто не произнесъ слова, никто даже не пошевелился въ теченіи этой операціи. Глаза у всѣхъ были опущены. Остродумовъ имѣлъ видъ сосредоточенный и дѣльный, лицо Нежданова казалось злымъ; въ Паклинѣ проявлялось напряженіе, Машурина — священнодѣйствовала.

Такъ прошло минуты двѣ... Потомъ всѣмъ стало немного неловко. Паклинъ первый почувствовалъ необходимость нарушить безмолвіе.

— Такъ что же? — началъ онъ. — Принимается моя жертва на алтарь отечества или нѣтъ? Позволяется мнѣ поднести, если не всѣ пятьдесятъ, то хоть двадцать-пять или тридцать рублей на общее дѣло?

Неждановъ вдругъ вспыхнулъ весь. Казалось, въ немъ накипѣла досада... Торжествен-

ное сжиганіе письма ея не уменьшило, — она ждала только предлога, чтобы вырваться наружу.

— Я уже сказалъ тебѣ, что это не нужно, не нужно... не нужно! Я этого не допущу и не приму. Я достану деньги, я сейчасъ же ихъ достану. Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи!

— Ну, братъ, — промолвилъ Паклинъ — я вижу: ты хоть и революціонеръ — а не демократъ!

— Скажи прямо, что я аристократъ!

— Да ты и точно аристократъ... до нѣкоторой степени.

Неждановъ принужденно засмѣялся.

— То-есть, ты хочешь намекнуть на то, что я незаконный сынъ. Напрасно трудишься, любезный... Я и безъ тебя этого не забываю.

Паклинъ всплеснулъ руками.

— Алёша, помилуй, что съ тобою! Какъ можно такъ понимать мои слова! Я не узнаю тебя сегодня. — Неждановъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой и плечами. — Арестъ Басанова тебя разстроилъ — но вѣдь онъ самъ такъ неосторожно велъ себя...

— Онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій, — сумрачно вмѣшалась Машурина: — не намъ его осуждать!

— Да; только ему слѣдовало бы тоже подумать о другихъ, которыхъ онъ теперь скомпрометтировать можетъ.

— Почему вы такъ о немъ полагаете?... — загудѣлъ въ свою очередь Остродумовъ: — Басановъ человекъ съ характеромъ твердымъ; онъ никого не выдастъ. А что до осторожности... знаете что? Не всякому дано быть осторожнымъ, г-нъ Паклинъ!

Паклинъ обидѣлся и хотѣлъ-было возразить, но Неждановъ остановилъ его.

— Господа! — воскликнулъ онъ, — сдѣлайте одолженіе, бросимте, на время, политику!

Наступило молчаніе.

— Я сегодня встрѣтилъ Скоропихина, — заговорилъ наконецъ Паклинъ, — нашего всероссійскаго критика и эстетика, и энтузіаста. Что за несносное созданіе! Вѣчно закипаетъ и шипитъ, ни дать ни взять бутылка дрянныхъ кислыхъ щей... Половой на бѣгу заткнулъ ее пальцемъ вмѣсто пробки, въ горлышкѣ застрялъ пухлый изюмъ — она вся брызжетъ и свиститъ — а какъ вылетитъ изъ нея вся пѣна — на днѣ остается всего нѣсколько капель прескверной жидкости, которая не только не утоляетъ ничьей жажды — но причиняетъ одну лишь

рѣзь... Превредный для молодыхъ людей индивидуй!

Сравненіе, употребленное Паклинымъ, хотя вѣрное и мѣткое, не вызвало улыбки ни на чьемъ лицѣ. Одинъ Остродумовъ замѣтилъ, что о молодыхъ людяхъ, которые способны интересоваться эстетикой, жалѣть нечего, даже если Скоропихинъ и собьетъ ихъ съ толку.

— Но помилуйте, постойте, — воскликнулъ съ жаромъ Паклинъ — онъ тѣмъ болѣе горячился, чѣмъ менѣе встрѣчалъ себѣ сочувствія: — тутъ вопросъ, положимъ, не политическій, но все-таки важный. Послушать Скоропихина, всякое старое художественное произведеніе уже по тому самому не годится никуда, что оно старо... Да, въ такомъ случаѣ, художество, искусство вообще — не что иное какъ мода — и говорить серьезно о немъ не стòитъ! Если въ немъ нѣтъ ничего неизблемаго, вѣчнаго — такъ чортъ съ нимъ! Въ наукѣ, въ математикѣ, напримѣръ: не считаете же вы Эйлера, Лапласа, Гаусса за отжившихъ пошляковъ? Вы готовы признать ихъ авторитетъ — а Рафаэль или Моцартъ — дураки? и ваша гордость возмущается противъ ихъ авторитета? Законы искусства труднѣе уловить, чѣмъ законы науки... согласенъ; но они существу-

ютъ — и кто ихъ не видитъ, тотъ слѣпецъ; добровольный или недобровольный — все равно!

Паклинъ умолкъ ... и никто ничего не промолвилъ, точно всѣ въ ротъ воды набрали — точно всѣмъ было немножко совѣстно за него. Одинъ Остродумовъ проворчалъ:

— И все-таки я тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ сбиваетъ Скоропихинъ — нисколько не жалѣю.

„А ну васъ съ Богомъ!“ подумалъ Паклинъ.
„Уйду!“

Онъ пришелъ-было къ Нежданову съ тѣмъ, чтобы сообщить ему свои соображенія на-счетъ доставки „Полярной Звѣзды“ изъ заграницы („Колоколъ“ уже не существовалъ) — но разговоръ принялъ такой оборотъ, что лучше было и не поднимать этого вопроса. Паклинъ уже взялся за шапку, какъ вдругъ, безъ всякаго предварительнаго шума и стука, въ передней раздался удивительно-пріятный, мужественный и сочный баритонъ, отъ самаго звука котораго вѣяло чѣмъ-то необыкновенно-благороднымъ, благовоспитаннымъ и даже благоуханнымъ.

— Господинъ Неждановъ дома?

— Всѣ переглянулись въ изумленіи.

— Дома господинъ Неждановъ? — повторилъ баритонъ.

— Дома, — отвѣчалъ наконецъ Неждановъ.

Дверь отворилась скромно и плавно, и, медленно снимая выложенную шляпу съ благообразной, коротко стриженной головы, въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ подь-сорокъ, высокаго росту, стройный и величавый. Одѣтый въ прекраснѣйшее драповое пальто, съ превосходнѣйшимъ бобровымъ воротникомъ, хотя апрѣль мѣсяцъ уже близился къ концу — онъ поразилъ всѣхъ, Нежданова, Паклина, даже Машурину... даже Остродумова! — изящной самоувѣренностью осанки и ласковымъ спокойствіемъ привѣта. Всѣ невольно поднялись при его появленіи.

III.

Изящный мужчина подошелъ къ Нежданову и, благосклонно осклабясь, проговорилъ: „Я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться и даже бесѣдовать съ вами, г-нъ Неждановъ, третьяго дня, если изволите припомнить — въ театрѣ. (Посѣтитель остановился, какъ-бы выжидая; Неждановъ слегка кивнулъ головою и покраснѣлъ.) — Да!... а сегодня я явился къ вамъ вслѣдствіе объявленія, помѣщеннаго вами въ газетахъ. Я

бы желалъ переговорить съ вами, если только не стѣсню г-дѣ присутствующихъ... (Посѣтитель поклонился Машуриной и повелъ рукой, облеченной въ сѣроватую шведскую перчатку, въ направленіи Паклина и Остродумова) — и не помѣшаю имъ...

— Нѣтъ... отчего же... — отвѣчалъ не безъ нѣкотораго труда Неждановъ. — Эти господа позволяютъ... Не угодно-ли вамъ присѣсть?

Посѣтитель пріятно перегнулъ станъ, и, любезно взявшись за спинку стула, приблизилъ его къ себѣ, но не сѣлъ — такъ какъ всѣ въ комнатѣ стояли, — а только повелъ кругомъ своими свѣтлыми, хотъ и полузакрытыми глазами.

— Прощайте, Алексѣй Дмитричъ, — проговорила вдругъ Машурина: — я зайду послѣ.

— И я, — прибавилъ Остродумовъ. — Я тоже... послѣ.

Минуя посѣтителя, и какъ-бы въ пику ему, Машурина взяла руку Нежданова, сильно тряхнула ее и пошла вонъ, никому не поклонившись. Остродумовъ отправился вслѣдъ за нею, безъ нужды стуча сапогами и даже фыркнувъ раза два: „Вотъ-молъ тебѣ, бобровый воротникъ!“ Посѣтитель проводилъ ихъ обоихъ учтивымъ, слегка любопытнымъ взоромъ. Онъ устремилъ

его потомъ на Паклина, какъ-бы ожидая, что и тотъ послѣдуетъ примѣру двухъ удалившихся гостей; но Паклинъ, на лицѣ котораго, съ самаго появленія незнакомца, засвѣтилась особенная сдержанная улыбка, отошелъ въ сторону и пріютился въ уголку. Тогда посѣтитель опустился на стулъ. Неждановъ сѣлъ тоже.

— Моя фамилія — Сипягинъ, можетъ быть, слышали, — съ горделивой скромностью началъ посѣтитель.

Но прежде слѣдуетъ рассказать, какимъ образомъ Неждановъ встрѣтился съ нимъ въ театрѣ.

Давали пьесу Островскаго: „Не въ свои сани не садись“. Передъ обѣдомъ Неждановъ зашелъ въ кассу, гдѣ засталъ довольно много народу. Онъ собирался взять билетъ въ партеръ; — но въ ту минуту, какъ онъ подходилъ къ отверстію кассы, стоявшій за нимъ офицеръ закричалъ кассиру, протягивая черезъ голову Нежданова трехрублевую ассигнацію: „Имъ (т.-е. Нежданову) вѣроятно придется получать сдачу — а мнѣ не надо; — такъ вы дайте мнѣ, пожалуйста, поскорѣй билетъ во второмъ ряду... мнѣ къ спѣху!“ — „Извините, г-нъ офицеръ, — промолвилъ рѣзкимъ голосомъ Неждановъ, — я самъ желаю взять билетъ во второмъ ряду“, — и тутъ

же бросилъ въ окошко трехрублевую бумажку, весь свой наличный капиталъ. Кассиръ выдалъ ему билетъ — и вечеромъ Неждановъ очутился въ аристократическомъ отдѣленіи Александринскаго театра.

Онъ былъ плохо одѣтъ, безъ перчатокъ, въ нечищенныхъ сапогахъ — чувствовалъ себя смущеннымъ и досадовалъ на себя за самое это чувство. Возлѣ него, съ правой стороны, сидѣлъ усѣянный звѣздами генералъ; — съ лѣвой — тотъ самый изящный мужчина, тайный совѣтникъ Сипягинъ, появленіе котораго, два дня спустя, такъ взволновало Машурину и Остродумова. Генералъ изрѣдка взглядывалъ на Нежданова, какъ на нѣчто неприличное, неожиданное и даже оскорбительное; Сипягинъ, напротивъ, бросалъ на него хотя косвенные, но не враждебные взоры. — Всѣ лица, окружавшія Нежданова, казались, во-первыхъ, болѣе особами, нежели лицами; во-вторыхъ, они всѣ очень хорошо знали другъ друга и мѣнялись короткими разговорами, словами или даже простыми восклицаніями и привѣтами — иные опять-таки черезъ голову Нежданова; а онъ сидѣлъ неподвижно и неловко въ своемъ широкомъ, покойномъ креслѣ, — точно парія какой. Горько и стыдно и скверно

было у него на душѣ; мало наслаждался онъ комедіей Островскаго и игрою актеровъ. И вдругъ — о, чудо! — во время одного антракта, сосѣдъ его съ лѣвой стороны — не звѣздоносный генералъ, а другой, безъ всякаго знака отличія на груди, — заговорилъ съ нимъ учтиво и мягко, съ какой-то заискивавшей снисходительностью. Онъ заговорилъ о пьесѣ Островскаго, желая узнать отъ Нежданова, какъ отъ „одного изъ представителей молодого поколѣнія“, — какое было его мнѣніе о ней? Изумленный, чуть не испуганный, Неждановъ отвѣчалъ сперва отрывисто и односложно... даже сердце у него застучало; но потомъ ему стало досадно на себя: съ чего это онъ волнуется? Не такой же ли онъ человѣкъ, какъ всѣ? И онъ пустился излагать свое мнѣніе, не стѣсняясь, безъ утайки, подъ конецъ даже такъ громко и съ такимъ увлеченіемъ, что явно обезпокоивалъ сосѣда-звѣздоносца. Неждановъ былъ горячимъ поклонникомъ Островскаго; — но при всемъ уваженіи къ таланту, выказанному авторомъ въ комедіи: „Не въ свои сани не садись“, не могъ одобрить въ ней явное желаніе унижить цивилизацію въ карикатурномъ лицѣ Вихорева. — Учтивый сосѣдъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, съ уча-

стіемъ — и въ слѣдующій антрактъ заговорилъ съ нимъ опять, но уже не о комедіи Островскаго, а вообще о разныхъ житейскихъ, научныхъ и даже политическихъ предметахъ. Онъ, очевидно, интересовался своимъ молодымъ и краснорѣчивымъ собесѣдникомъ. Неждановъ, по прежнему, не только не стѣснялся, но даже нѣсколько наддавалъ, какъ говорится, пáру. „Коли, молъ, любопытствуешь, — такъ нá же вотъ!“ Въ сосѣдѣ-генералѣ онъ возбуждалъ уже не простое безпокойство, а негодованіе и подозрительность. По окончаніи пьесы, Сипягинъ весьма благосклонно распростился съ Неждановымъ — но не пожелалъ узнать его фамилію и самъ не назвалъ себя. Дожидаясь кареты на лѣстницѣ, онъ столкнулся съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, флигель-адъютантомъ княземъ Г. — Я смотрѣлъ на тебя изъ ложи, — сказалъ ему князь, посмѣиваясь сквозь раздушенные усы: — знаешь ли ты, съ кѣмъ ты это бесѣдовалъ? — Нѣтъ, не знаю; а ты? — Не глупый, небось, малый, а? — Очень неглупый; кто онъ такой? — Тутъ князь наклонился ему на ухо и шепнулъ по-французски: — мой братъ. Да; онъ мой братъ. Побочный сынъ моего отца... зовутъ его Неждановымъ. Я тебѣ когда-нибудь расскажу...

Отецъ никакъ этого не ожидалъ, оттого онъ и Неждановымъ его прозвалъ. Однако устроилъ его судьбу... *il lui a fait un sort...* Мы выдаемъ ему пенсію. Малый съ головой... получилъ, опять-таки по милости отца, хорошее воспитаніе. Только совсѣмъ съ толку сбился, республиканецъ какой-то... Мы его не принимаемъ... *Il est impossible!* Однако прощай; мою карету кричатъ. — Князь удалился, а на слѣдующій день Сипягинъ прочелъ въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе, помѣщенное Неждановымъ — и поѣхалъ къ нему...

— Моя фамилія — Сипягинъ, — говорилъ онъ Нежданову, сидя передъ нимъ на соломенномъ стулѣ и озаряя его своимъ внушительнымъ взглядомъ: — я узналъ изъ газетъ, что вы желаете ѣхать на кондицію — и я пришелъ къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Я женатъ; у меня одинъ сынъ — девяти лѣтъ; мальчикъ, скажу прямо, очень даровитый. Большую часть лѣта и осени мы проводимъ въ деревнѣ, въ С....ой губерніи, въ пяти верстахъ отъ губернскаго города. Такъ вотъ: не угодно ли вамъ будетъ ѣхать туда съ нами на время вакаціи учить моего сына руссійскому языку и исторіи — тѣмъ предметамъ, о которыхъ вы упоминаете въ вашемъ

объявленіи? Смѣю думать, что вы останетесь довольны мною, моимъ семействомъ и самымъ мѣстоположеніемъ усадьбы. Прекрасный садъ, рѣка, воздухъ хорошій, помѣстительный домъ... Согласны вы? Въ такомъ случаѣ остается только узнать ваши условія, хотя я не полагаю, — прибавилъ Сипягинъ съ легкой ужимкой, — чтобы на этотъ счетъ могли возникнуть у насъ съ вами какія-либо затрудненія.

Во все время, пока Сипягинъ говорилъ, Неждановъ неотступно глядѣлъ на него, на его небольшую, нѣсколько назадъ закинутую головку, на его узкій и низкій, но умный лобъ, тонкій римскій носъ, пріятные глаза, правильныя губы, съ которыхъ такъ и лилась умильная рѣчь, на его длинные, на англійскій манеръ висячіе бакены — глядѣлъ и недоумѣвалъ. — „Что это такое“ думалъ онъ. Зачѣмъ этотъ человѣкъ словно заискиваетъ во мнѣ? Этотъ аристократъ — и я?! — Какъ мы сошлись? И что его привело ко мнѣ“?

Онъ до того погрузился въ свои думы, что не разинулъ рта даже тогда, когда Сипягинъ, окончивъ свою рѣчь, умолкъ, ожидая отвѣта. Сипягинъ скользнулъ взглядомъ въ уголъ, гдѣ, пожирая его глазами не хуже Нежданова, прію-

тился Паклинъ. — Ужъ не присутствіе ли этого третьяго лица мѣшало Нежданову высказаться? — Сипягинъ возвелъ брови горѣ, какъ-бы подчиняясь странности той обстановки, въ которую попалъ, по собственной впрочемъ волѣ — и, вслѣдъ за бровями возвысивъ голосъ, повторилъ свой вопросъ.

Неждановъ встрепенулся.

— Конечно, — заговорилъ онъ нѣсколько уторопленнымъ образомъ; — я... согласенъ... съ охотой... хотя я долженъ признаться... что не могу не чувствовать нѣкотораго удивленія... такъ какъ у меня нѣтъ никакой рекомендаціи... да и самыя мнѣнія, которыя я высказалъ третьяго дня въ театрѣ, должны были скорѣй отклонить васъ...

— Въ этомъ вы совершенно ошибаетесь, любезный Алексѣй... Алексѣй Дмитричъ? такъ, кажется? — промолвилъ, осклабясь, Сипягинъ. — Я, смѣю сказать, извѣстенъ какъ человѣкъ убѣжденій либеральныхъ, прогрессивныхъ; и напротивъ, ваши мнѣнія, за устраненіемъ всего того, что въ нихъ свойственно молодости, склонной — не взыщите! — къ нѣкоторому преувеличенію — эти ваши мнѣнія нисколько не противорѣчатъ моимъ — и даже нравятся мнѣ своимъ юношескимъ жаромъ!

Сипягинъ говорилъ безъ малѣйшей запинки: какъ мѣдъ по маслу катилась его круглая, плавная рѣчь.

— Жена моя раздѣляетъ мой образъ мыслей, — продолжалъ онъ: — ея воззрѣнія, быть можетъ, даже ближе подходятъ къ вашимъ, чѣмъ къ моимъ; понятное дѣло: она моложе! Когда, на другой день послѣ нашего свиданія, я прочёлъ въ газетахъ ваше имя, которое вы, замѣчу кстати, противъ общаго обыкновенія опубликовали вмѣстѣ съ вашимъ адресомъ — (а узналъ я ваше имя уже въ театрѣ) — то... это... этотъ фактъ меня поразилъ. Я увидалъ въ немъ — въ этомъ сопоставленіи — нѣкій... извините суевѣрность выраженія... нѣкій, такъ сказать, перстъ рока! — Вы упомянули о рекомендаціи; но мнѣ никакой рекомендаціи не нужно. — Ваша наружность, ваша личность возбуждаютъ мою симпатію. Сего мнѣ довольно. Я привыкъ вѣрить своему глазу. Итакъ — я могу надѣяться? Вы согласны?

— Согласенъ... конечно... — отвѣчалъ Неждановъ — и постараюсь оправдать ваше довѣріе. — Только объ одномъ позвольте мнѣ теперь же васъ предупредить: быть учителемъ вашего сына я готовъ, но не гувернёромъ. Я на это

неспособенъ — да и не хочу закабалиться, не хочу лишиться моей свободы.

Сипягинъ легонько повёлъ по воздуху рукою, какъ-бы отгоняя муху.

— Будьте спокойны, мой любезнѣйшій... Вы не изъ той муки, изъ которой пекутся гувернёры; да мнѣ гувернёра и не нужно. Я ищу учителя — и нашёлъ его. Ну, а какъ же условія? Денежныя условія? презрѣнный металлъ?

Неждановъ затруднялся, чтó сказать...

— Послушайте, — промолвилъ, Сипягинъ, нагнувшись впередъ всѣмъ корпусомъ и ласково тронувъ концами пальцевъ колѣно Нежданова: — между порядочными людьми подобные вопросы разрѣшаются двумя словами. Предлагаю вамъ сто рублей въ мѣсяць; путевыя издержки туда и назадъ, конечно, на мой счётъ. — Вы согласны?

Неждановъ опять покраснѣлъ.

— Это гораздо больше, чѣмъ я намѣренъ былъ запросить... потому что... я...

— Прекрасно, прекрасно... — перебилъ Сипягинъ... Я смотрю на это дѣло, какъ на рѣшенное... а на васъ — какъ на домочадца. — Онъ приподнялся со стула — и вдругъ весь повеселѣлъ и распустился, словно подарокъ получилъ. Во всѣхъ его движеніяхъ проявилась нѣкоторая

пріятная фамиллярность и даже шутливость. — Мы уѣзжаемъ на-дняхъ, — заговорилъ онъ развязнымъ тономъ: я люблю встрѣчать весну въ деревнѣ, хотя я, по роду своихъ занятій, прозаическій человѣкъ и прикованъ къ городу... А потому позвольте считать первый вашъ мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго же дня. Жена моя съ сыномъ теперь уже въ Москвѣ. Она отправилась впередъ. Мы ихъ найдемъ въ деревнѣ... на лонѣ природы. Мы съ вами поѣдемъ вмѣстѣ... холостяками... Хе, хе! — Сипягинъ кокетливо и коротко посмѣялся въ носъ. — А теперь...

Онъ досталъ изъ кармана пальто серебряный съ чернью портфѣльчикъ и вынулъ оттуда карточку.

— Вотъ мой здѣшній адресъ. Зайдите — хоть завтра. Такъ... часовъ въ двѣнадцать. Мы еще потолкуемъ. Я разовью вамъ кое-какія свои мысли на счѣтъ воспитанія... Ну — и день отъѣзда мы рѣшимъ. Сипягинъ взялъ руку Нежданова. — И знаете что? — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и искоса поставивъ голову: — если вы нуждаетесь въ задаткѣ... Пожалуйста, не церемоньтесь! хоть мѣсяцъ впередъ!

Неждановъ просто не зналъ, что отвѣчать — и съ тѣмъ же недоумѣньемъ глядѣлъ на это

свѣтлое, привѣтное — и въ то же время столь чуждое лицо, которое такъ близко на него надвинулось и такъ снисходительно улыбалось ему.

— Не нуждается? а? — шепнулъ Сипягинъ.

— Я, если позволите, вамъ это заврта скажу, — произнесъ наконецъ Неждановъ.

— Отлично! Итакъ — до свиданья! До завтра! — Сипягинъ выпустилъ руку Нежданова — и хотѣлъ-было удалиться...

— Позвольте васъ спросить, — промолвилъ вдругъ Неждановъ. — Вы, вотъ, сейчасъ сказали мнѣ, что уже въ театрѣ узнали, какъ меня зовутъ? — Отъ кого вы это узнали?

— Отъ кого? — Да отъ одного вашего хорошаго знакомаго — и, кажется, родственника, князя... князя Г.

— Флигель-адъютанта?

— Да; отъ него.

Неждановъ покраснѣлъ — сильнѣе прежняго — и раскрылъ ротъ... Но ничего не сказалъ. Сипягинъ снова пожалъ ему руку — только молча на этотъ разъ — и, поклонившись сперва ему — а потомъ Паклину — надѣлъ шляпу передъ самой дверью, и вышелъ вонъ, унося на лицѣ своемъ самодовольную улыбку; въ ней вы-

ражалось сознание глубокаго впечатлѣнія, которое не могъ не произвести его визитъ.

IV.

Не успѣлъ Сипягинъ перешагнуть порогъ двери, какъ Паклинъ соскочилъ со стула и, бросившись къ Нежданову, принялся его поздравлять.

— Вотъ какого ты осетра залучилъ! — твердилъ онъ, хихикая и топоча ногами. — Вѣдь это, ты знаешь ли, кто? — Извѣстный Сипягинъ, камергеръ, въ нѣкоторомъ родѣ общественный столпъ, будущій министръ!

— Мнѣ онъ совершенно неизвѣстенъ, — угрюмо промолвилъ Неждановъ.

Паклинъ отчаянно взмахнулъ руками.

— Въ темъ-то и наша бѣда, Алексѣй Дмитричъ, что мы никого не знаемъ! Хотимъ дѣйствовать, хотимъ цѣлый міръ къ верху дномъ перевернуть — а живѣмъ въ сторонѣ отъ самаго этого міра, водимся только съ двумя-тремя пріятелями, толчѣмся на мѣстѣ, въ узенькомъ кружкѣ...

— Извини, — перебилъ Неждановъ: — это — неправда. Мы только съ врагами нашими знаться не хотимъ — а съ людьми нашего по-

шиба, съ народомъ, мы вступаемъ въ постоянныя сношенія.

— Стой, стой, стой, стой! — въ свою очередь перебилъ Паклинъ. — Во-первыхъ: что касается враговъ — то позволь тебѣ припомнить стихъ Гёте:

Wer den Dichter will versteh'n
Muss im Dichter's Lande geh'n...

— а я говорю:

Wer die *Feinde* will versteh'n
Muss im *Feindes* Lande geh'n...

Чуждаться враговъ своихъ, не знать ихъ обычая и быта — нелѣпо! — Не...лѣ...по... Да! Да! Коли я хочу подстрѣлить волка въ лѣсу — я долженъ знать всѣ его лазы... Во-вторыхъ, ты вотъ сейчасъ сказалъ: сближаться съ народомъ... Душа моя! — Въ 1862 году поляки уходили „до лясу“ — въ лѣсъ; — и мы уходимъ теперь въ тотъ же лѣсъ, сирѣчь въ народъ, который для насъ глухъ и тѣменъ не хуже любого лѣса!

— Такъ что-жъ, по твоему, дѣлать?

— Индійцы бросаются подъ колесницу Джаггернаута, — продолжалъ Паклинъ мрачно: — она ихъ давитъ, и они умираютъ — въ блаженствѣ. — У насъ есть тоже свой Джаггернаутъ... Давить-то онъ насъ давитъ; но блаженства не доставляетъ.

— Такъ что-жъ, по-твоему, дѣлать? — повторилъ чуть не съ крикомъ Неждановъ. Повѣсти съ „направленіемъ“ писать что-ли?

Паклинъ разставилъ руки и наклонилъ голову къ лѣвому плечу.

— Повѣсти — во всякомъ случаѣ — писать ты бы могъ, такъ какъ въ тебѣ есть литературная жилка... Ну, не сердись, не буду! Я знаю, ты не любишь, чтобы на это намекали; но я съ тобою согласенъ: сочинять этакія штучки съ „начинкой“ — да еще съ новомодными оборотами: — „Ахъ! я васъ люблю! *подскочила* она“... „Мнѣ все равно! *почесался* онъ“ — дѣло куда не веселое! — Оттого-то я и повторяю: сближайтесь со всѣми сословіями, начиная съ высшаго! Не все же полагаться на однихъ Остроумовыхъ! Честные они, хорошіе люди — за то глупы! глупы!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подошвы его сапоговъ — и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей! Вѣдь отчего онъ сейчасъ ушелъ отсюда? — Онъ не хотѣлъ остаться въ одной комнатѣ, дышать однимъ воздухомъ съ аристократомъ!

— Прошу тебя не отзываться такъ объ Остроумовѣ при мнѣ, — съ запальчивостью подхва-

тилъ Неждановъ. — Сапоги онъ носитъ толстые, потому что они дешевле.

— Я не въ томъ смыслѣ, началъ-было Паклинъ.

— Если онъ не хочетъ остаться въ одной комнатѣ съ аристократомъ, — продолжалъ, возвысивъ тонъ, Неждановъ, — то я его хвалю за это; — а главное: онъ собой пожертвовать съумѣетъ — и, если нужно, на смерть пойдетъ, чего мы съ тобой никогда не сдѣлаемъ!

Паклинъ скорчилъ жалкую рожицу и указалъ на хроменькія, тоненькія свои ножки.

— Гдѣ же мнѣ сражаться, другъ мой, Алексѣй Дмитричъ! — Помилуй! Но въ сторону все это... Повторяю: я душевно радъ твоему сближенію съ г-мъ Сипягинымъ — и даже предвижу большую пользу отъ этого сближенія — для нашего дѣла. Ты попадешь въ высшій кругъ; увидишь этихъ львицъ, этихъ женщинъ съ бархатнымъ тѣломъ на стальныхъ пружинахъ, какъ сказано въ „Письмахъ объ Испаніи“; изучай ихъ, братъ, изучай! Еслибъ ты былъ эпикурейцемъ, я бы даже боялся за тебя... право! — Но вѣдь ты не съ этой цѣлью ѣдешь на кондицію?

— Я ѣду на кондицію, — подхватилъ Неждановъ, — чтобы зубовъ не положить на полъ.

ку... „и чтобъ отъ васъ всѣхъ на время удалиться“ — прибавилъ онъ про себя.

— Ну, конечно! конечно! — Потому я и говорю тебѣ: изучай! Какой однако запахъ за собою этотъ баринъ оставилъ! — Паклинъ потянулъ воздухъ носомъ. — Вотъ оно настоящее „амбрэ“, о которомъ мечтала городничиха въ „Ревизорѣ“!

— Онъ обо мнѣ князя Г. спрашивалъ, глухо заговорилъ Неждановъ, снова уткнувшись въ окно: — ему, должно быть, теперь вся моя исторія извѣстна.

— Не: должно-быть — а: навѣрное! — Что-жъ такое? — Парі́ держу, что ему именно отъ этого и пришла въ голову мысль, взять тебя въ учителя. Что́ тамъ ни толкуй, а вѣдь ты самъ аристократъ — по крови. — Ну, и значить: свой человѣкъ! Однако я у тебя засидѣлся; мнѣ пора въ мою контору, къ эксплуататорамъ! — До свиданія, братъ!

Паклинъ подошелъ-было къ двери, но остановился и вернулся.

— Послушай, Алёша, — сказалъ онъ вкрадчивымъ тономъ: — ты мнѣ вотъ сейчасъ отказалъ — у тебя теперь деньги будутъ, я знаю — но все-таки позволь мнѣ пожертвовать хотя ма-

лость на общее дѣло! — Ничѣмъ другимъ не могу — такъ хоть карманомъ! Смотри: я кладу на столъ десятирублевую бумажку! Принимается?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ и не пошевельнулся.

— Молчаніе — знакъ согласія! Спасибо! — весело воскликнулъ Паклинъ и исчезъ.

Неждановъ остался одинъ... Онъ продолжалъ глядѣть черезъ стекло окна на сумрачный узкій дворъ, куда не западали лучи даже лѣтняго солнца — и сумрачно было и его лицо.

Неждановъ родился, какъ мы уже знаемъ, отъ князя Г., богача, генераль-адъютанта — и отъ гувернантки его дочерей, хорошенькой институтки, умершей въ самый день родовъ. Первоначальное воспитаніе Неждановъ получилъ въ пансіонѣ одного швейцарца, дѣльнаго и строгаго педагога — а потомъ поступилъ въ университетъ. Самъ онъ желалъ сдѣлаться юристомъ; — но генераль, отецъ его, ненавидѣвшій нигилистовъ, пустилъ его „по эстетикѣ“, какъ съ горькой усмѣшкой выражался Неждановъ, т.-е. по историко-филологическому факультету. Отецъ Нежданова видѣлся съ нимъ всего три-четыре раза въ годъ — но интересовался его судьбою — и,

умирая, завѣщалъ ему — „въ память Настеньки“ (его матери) — капиталъ въ 6,000 р. сер., проценты съ котораго, подъ именемъ „пенсіи“, выдавались ему его братьями, князьями Г. — Паклинъ не даромъ обзывалъ его аристократомъ; все въ немъ изобличало породу: маленькія уши, руки, ноги, нѣсколько мелкія, но тонкія черты лица, нѣжная кожа, пушистые волосы, самый голосъ, слегка картавый, но пріятный. Онъ былъ ужасно нервенъ, ужасно самолюбивъ, впечатлителенъ, и даже капризенъ; фальшивое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ съ самаго дѣтства, развило въ немъ обидчивость и раздражительность; но прирожденное великодушіе не давало ему сдѣлаться подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. — Тѣмъ же самымъ фальшивымъ положеніемъ Нежданова объяснялись и противорѣчія, которыя сталкивались въ его существѣ. Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами. Сердце онъ имѣлъ нѣжное и чуж-

дался людей; легко озлоблялся — и никогда не помнилъ зла. Онъ негодовалъ на своего отца за то, что тотъ пустилъ его „по эстетикѣ“; онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и соціальными вопросами, исповѣдывалъ самыя крайнія мнѣнія — (въ немъ онѣ не были фразой!) — и втайнѣ наслаждался художествомъ, поэзіей, красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ... даже самъ писалъ стихи... Онъ тщательно пряталъ тетрадку, въ которую онъ заносилъ ихъ — и изъ петербургскихъ друзей только Паклинъ — и то, по свойственному ему чутью, подозрѣвалъ ея существованіе. Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Нежданова, какъ малѣйшій намёкъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя швейцарца, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ — нѣсколько, правда, лихорадочно и непослѣдовательно. Товарищи его любили... ихъ привлекала его внутренняя правдивость и доброта и чистота; но не подъ счастливой звѣздою родился Неждановъ; не легко ему жилось. — Онъ самъ глубоко это чувствовалъ — и признавалъ себя одинокимъ, несмотря на привязанность друзей.

Онъ продолжалъ стоять передъ окномъ — и думалъ, грустно и тяжело думалъ о предстоявшей ему поѣздкѣ, объ этомъ новомъ, неожиданномъ поворотѣ его судьбы... Онъ не жалѣлъ о Петербургѣ; онъ не оставлялъ въ немъ ничего особенно ему дорогого; притомъ же онъ зналъ, что вернется къ осени. А все-таки раздумье его брало: онъ ощущалъ невольную унылость.

„Какой я учитель!“ приходило ему въ голову; — „какой педагогъ?!“ — Онъ готовъ былъ упрекнуть себя въ томъ, что принялъ обязанность преподавателя. А между тѣмъ — подобный упрекъ былъ бы несправедливъ. — Неждановъ обладалъ достаточными свѣдѣніями — и, несмотря на его неровный нравъ, дѣти шли къ нему безъ принужденія и онъ самъ легко привязывался къ нимъ. Грусть, овладѣвшая Неждановымъ, была то чувство, присущее всякой перемѣнѣ мѣстопребыванія, чувство, которое испытываютъ всѣ меланхолики, всѣ задумчивые люди; людямъ характера бойкаго, сангвиническаго, оно незнакомо: они скорѣй готовы радоваться, когда нарушается повседневный ходъ жизни, когда мѣняется ея обычная обстановка. Неждановъ до того углубился въ свои думы, что понемногу,

почти безсознательно, началъ ихъ передавать словами; бродившія въ немъ ощущенія уже складывались въ мѣрныя созвучія...

— Фу, ты, чортъ! — воскликнулъ онъ громко, — я, кажется, собираюсь стихи сочинять! — Онъ вострепнулся, отошелъ отъ окна; увидалъ лежавшую на столѣ десятирублевую бумажку Паклина, сунулъ ее въ карманъ и принялся расхаживать по комнатѣ.

— Надо будетъ взять задатокъ, размышлялъ онъ самъ съ собою... благо этотъ баринъ предлагаетъ. — Сто рублей... да у братьевъ — у ихъ сіятельствъ — сто рублей... Пятьдесятъ на долги, пятьдесятъ или семьдесятъ на дорогу... а остальные Остродумову. Да вотъ, что Паклинъ далъ — тоже ему... Да еще съ Меркулова надо будетъ что-нибудь получить...

Пока онъ велъ въ головѣ эти расчеты — прежнія созвучія опять зашевелились въ немъ. Онъ остановился, задумался... и, устремивъ глаза въ сторону, замеръ на мѣстѣ... Потомъ руки его, какъ-бы оцупью, отыскали и открыли ящикъ стола, достали изъ самой его глубины исписанную тетрадку...

Онъ опустился на стулъ, все не мѣняя направленія взгляда, взялъ перо и, мурлыча себѣ

подъ носъ, изрѣдка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принялся выводить строку за строкою...

Дверь въ переднюю отворилась на половину — и показалась голова Машуриной. Неждановъ не замѣтилъ ея и продолжалъ свою работу. Машурина долго, пристально посмотрѣла на него — и, направо и налево покачавъ головою, подалась назадъ... Но Неждановъ вдругъ выпрямился, оглянулся, и промолвивъ съ досадою...

— А! Вы! — швырнулъ тетрадку въ ящикъ стола.

Тогда Машурина твердой поступью вошла въ комнату.

— Остродумовъ прислалъ меня къ вамъ, — проговорила она съ разстановкой, — затѣмъ, чтобы узнать, когда можно будетъ получить деньги. — Если вы сегодня достанете, такъ мы сегодня же вечеромъ уѣдемъ.

— Сегодня нельзя, — возразилъ Неждановъ и нахмурилъ брови: — приходите завтра.

— Въ которомъ часу?

— Въ два часа.

— Хорошо.

Машурина помолчала немного и вдругъ протянула руку Нежданову...

— Я, кажется, вамъ помѣшала; извините меня. Да притомъ... я вотъ уѣзжаю. Кто знаетъ, увидимся ли мы? Я хотѣла проститься съ вами.

Неждановъ пожалъ ея красные, холодные пальцы.

— Вы видѣли у меня этого господина? — началъ онъ. — Мы съ нимъ условились. Я ѣду къ нему на кондицію. Его имѣніе въ С....ой губерніи, возлѣ самага С*.

По лицу Машуриной мелькнула радостная улыбка.

— Возлѣ С*! — Такъ мы, можетъ быть, еще увидимся. Можетъ быть, насъ туда пошлютъ. — Машурина вздохнула. — Ахъ, Алексѣй Дмитричъ...

— Чтò? — спросилъ Неждановъ.

Машурина приняла сосредоточенный видъ.

— Ничего. — Прощайте! Ничего.

Она еще разъ стиснула Нежданову руку и удалилась.

„А во всемъ Петербургѣ никто ко мнѣ такъ не привязанъ, какъ эта... чудачка!“ подумалось Нежданову. „Но нужно-жъ ей было мнѣ помѣшать... Впрочемъ, все къ лучшему!“

Утромъ слѣдующаго дня Неждановъ отправился на городскую квартиру Сипягина и тамъ,

въ великолѣпномъ кабинетѣ, наполненномъ мебелью строгаго стиля, вполне сообразной съ достоинствомъ либеральнаго государственнаго мужа и джентльмена, сидя передъ громаднымъ бюро, на которомъ въ стройномъ порядкѣ лежали никому и ни на что ненужныя бумаги, рядомъ съ исполинскими ножами изъ слоновой кости, никогда ничего неразрѣзывавшими — онъ, въ теченіи цѣлаго часа, выслушивалъ свободомыслящаго хозяина, обдавался елеемъ его мудрыхъ, благосклонныхъ, снисходительныхъ рѣчей, получилъ, наконецъ, сто рублей задатка — а десять дней спустя, тотъ же Неждановъ, полулежа на бархатномъ диванѣ въ особомъ отдѣленіи первокласснаго вагона, о-бокъ съ тѣмъ же мудрымъ, либеральнымъ государственнымъ мужемъ и джентльменомъ, мчался въ Москву по тряскимъ рельсамъ Николаевской дороги.

V.

Въ гостиной большого каменнаго дома съ колоннами и греческимъ фронтономъ, построеннаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, извѣстнымъ агрономомъ и „дантистомъ“ — отцомъ Сипягина, жена его, Валентина Михайловна, очень красивая дама, ждала съ часу на часъ

прибытія мужа, возвѣщеннаго телеграммой. — Убранство гостиной носило отпечатокъ новѣйшаго, деликатнаго вкуса: все въ ней было мило и привѣтно — все, отъ пріятной пестроты крестонныхъ обоевъ и драперій до разнообразныхъ очертаній фарфоровыхъ, бронзовыхъ, хрустальныхъ бездѣлушекъ, разсыпанныхъ по этажеркамъ и столамъ; все мягко и стройно выдавалось — и сливалось — въ веселыхъ лучахъ майскаго дня, свободно струившихся сквозь высокія, настежь раскрытыя окна. Воздухъ гостиной, напоенный запахомъ ландышей (большіе букеты этихъ чудесныхъ весеннихъ цвѣтовъ бѣлѣли тамъ и сямъ) — по временамъ едва колыхался, возмущенный приливомъ легкаго вѣтра, тихо кружившаго надъ пышно-раскинутымъ садомъ.

Прелестная картина! И сама хозяйка дома, Валентина Михайловна Сипягина, довершала эту картину, придавала ей смыслъ и жизнь. Это была высокаго росту женщина лѣтъ тридцати, съ темно-русыми волосами, смуглымъ, но свѣжимъ, одноцвѣтнымъ лицомъ, напоминавшимъ обликъ Сикстинской Мадонны, съ удивительными, глубокими, бархатными глазами. — Ея губы были немножко широки и блѣдны, плеча немного высоки, руки немного велики... Но за всѣмъ тѣмъ,

всякій, кто бы увидалъ, какъ она свободно и легко двигалась по гостиной, то наклоняя къ цвѣтамъ свой тонкій, слегка перетянутый станъ и съ улыбкой нюхая ихъ — то переставляя какую-нибудь китайскую вазочку — то быстро поправляя передъ зеркаломъ свои лоснистые волосы и чуть-чуть прищуривая свои дивные глаза — всякій, говоримъ мы, навѣрное воскликнулъ бы, — про себя или даже громко, — что онъ не встрѣчалъ болѣе плѣнительнаго созданія!

Хорошенькій, кудрявый мальчикъ лѣтъ девяти, въ шотландскомъ костюмѣ, съ голыми ножками, сильно напозаженный и завитой, вбѣжалъ стремительно въ гостиную и внезапно остановился при видѣ Валентины Михайловны.

— Что тебѣ, Коля? — спросила она. — Голосъ у ней былъ такой же мягкій и бархатный, какъ и глаза.

— Вотъ что, мама, — началъ съ замѣшательствомъ мальчикъ, — меня тѣтушка прислала сюда... велѣла принести ландышей... для ея комнаты... у нея нѣту...

Валентина Михайловна взяла своего сынишку за подбородокъ и приподняла его напозаженную головку.

— Скажи тѣтушкѣ, чтобы она послала за

ландышами къ садовнику; — а эти ландыши — мои... Я не хочу, чтобы ихъ трогали. Скажи ей, что я не люблю, чтобы нарушались мои порядки. Съумѣешь ли ты повторить мои слова?

— Съумѣю... — прошепталъ мальчикъ.

— Ну-ка — скажи.

— Я скажу... я скажу... что ты не хочешь.

Валентина Михайловна засмѣялась. — И смѣхъ у нея былъ мягкій.

— Я вижу, тебѣ еще нельзя давать никакихъ порученій. Ну, все равно, скажи, что́ вздумается.

Мальчикъ быстро поцѣловалъ руку матери, всю украшенную кольцами, и стремглавъ бросился вонъ.

Валентина Михайловна проводила его глазами, вздохнула, подошла къ золоченой проводочной клѣткѣ, по стѣнкамъ которой, осторожно цѣпляясь клювомъ и лапками, пробирался зеленый попугайчикъ, подразнила его концомъ пальца; потомъ опустилась на низкій диванчикъ и, взявши съ круглаго рѣзного столика послѣдній No. „Revue des Deux Mondes“, — принялась его перелистывать.

Почтительный кашель заставилъ ее оглянуться. На порогѣ двери стоялъ благообразный слуга въ ливрейномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

Чего тебѣ, — Агаѳонъ? спросила Валентина Михайловна все тѣмъ же мягкимъ голосомъ.

— Семенъ Петровичъ Коломейцевъ пріѣхалисъ. Прикажете принять?

— Проси, разумѣется, проси. — Да вели сказать Маріаннѣ Викентьевнѣ, чтобы она пожаловала въ гостиную.

Валентина Михайловна бросила на столикъ No. „Revue des Deux Mondes“ — и, прислонившись къ спинкѣ дивана, подняла глаза кверху и задумалась — что очень къ ней шло.

Уже по тому, какъ Семенъ Петровичъ Коломейцевъ, молодой мужчина лѣтъ 32-хъ, вошелъ въ комнату — развязно, небрежно и томно; — какъ онъ вдругъ пріятно просвѣтлѣлъ, какъ поклонился немного въ бокъ — и какъ эластически выпрямился потомъ; — какъ заговорилъ не то въ носъ, не то слащаво; — какъ почтительно взялъ, какъ внушительно поцѣловалъ руку Валентины Михайловны — уже по всему этому можно было догадаться, что новоприбывшій гость не былъ житель провинціи, не деревенскій, случайный, хоть и богатый сосѣдъ, а настоящій петербургскій „гранжанръ“ высшаго полета. — Къ тому же и одѣтъ онъ былъ на самый лучшій англійскій манеръ: цвѣтной кон-

чикъ бѣлаго батистоваго новаго платка торчалъ маленькимъ трехъугольникомъ изъ плоскаго бокового кармана пѣстренькой жакетки; на довольно широкой черной ленточкѣ болталась одnogлазая лорнетка; блѣдно-матовый тонъ шведскихъ перчатокъ соотвѣтствовалъ блѣдно-сѣрому колеру клѣтчатыхъ панталонъ. Остриженъ былъ г-нъ Калломѣйцевъ коротко, выбрить гладко; лицо его, нѣсколько женоподобное, съ небольшими близко другъ къ другу поставленными глазками, съ тонкимъ вогнутымъ носомъ, съ пухлыми красными губками, выражало пріятную вольность высокообразованнаго дворянина. Оно дышало привѣтомъ... и весьма легко становилось злымъ, даже грубымъ: стоило кому-нибудь чѣмъ-нибудь задѣть Семена Петровича, задѣть его консерваторскіе, патріотическіе и религіозные принципы, — о! тогда онъ дѣлался безжалостнымъ! Все его изящество испарялось мгновенно; — нѣжные глазки зажигались недобрымъ огонькомъ; — красивый ротикъ выпускалъ некрасивыя слова — и взывалъ — съ пискомъ взывалъ къ начальству!

Фамилія Семена Петровича происходила отъ простыхъ огородниковъ. — Прадѣдъ его назывался, по мѣсту происхожденія: Колóменцовъ...

Но уже дѣдъ его переименовалъ себя въ Коломѣйцева; отецъ писалъ: Калломейцевъ, — наконецъ Семенъ Петровичъ поставилъ букву: *л* на мѣсто: *е* — и, не шутя, считалъ себя чистокровнымъ аристократомъ; даже намекалъ на то, что ихъ фамилія происходитъ собственно отъ бароновъ фонъ-Галленмейеръ, изъ коихъ одинъ былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ въ Тридцатилѣтнюю войну. Семенъ Петровичъ служилъ въ министерствѣ двора, имѣлъ званіе камеръ-юнкера; патріотизмъ помѣшалъ ему пойти по дипломатической части, куда, казалось, все его призывало: и воспитаніе, и привычка къ свѣту, и успѣхи у женщинъ, и самая наружность... *mais quitter la Russie? — jamais! —* У Калломѣйцева было хорошее состояніе, были связи; онъ слылъ за человѣка надежнаго и преданнаго — „*un peu trop... féodal dans ses opinions*“, какъ выражался о немъ извѣстный князь Б., одно изъ свѣтилъ петербургскаго чиновничьяго міра. Въ С...ую губернію Калломѣйцевъ пріѣхалъ на двухмѣсячный отпускъ, чтобы хозяйствомъ позаняться, т.-е. „кого пугнуть, кого поприжать“. — Вѣдь безъ этого — невозможно!

— Я полагаю, что найду уже здѣсь Бориса Андреича, — началъ онъ, любезно покачиваясь

съ ноги на ногу — и внезапно глядя въ бокъ, въ подражаніе одному очень важному лицу.

Валентина Михайловна слегка прищурилась.

— А то вы бы не пріѣхали?

Калломѣйцевъ даже назадъ запрокинулся, до того вопросъ г-жи Сипягиной показался ему несправедливымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ!

— Валентина Михайловна! — воскликнулъ онъ — помилуйте, возможно ли предполагать...

— Ну, хорошо, хорошо, садитесь. Борисъ Андреичъ сейчасъ здѣсь будетъ. Я за нимъ послала коляску на станцію. Подождите немного... Вы увидите его. Который теперь часъ?

— Половина третьяго, — промолвилъ Калломѣйцевъ, вынувъ изъ кармана жилета большіе золотые часы, украшенные эмалью. Онъ показалъ ихъ Сипягиной. — Вы видѣли мои часы? Мнѣ ихъ подарилъ Михаилъ, знаете... сербскій князь... Обреновичъ. Вотъ его шифръ, — посмотрите. Мы съ нимъ большіе пріатели. Вмѣстѣ охотились. Прекрасный малый! И рука желѣзная, какъ слѣдуетъ правителю. О, онъ шутить не любить! Нѣ-хѣ-хѣть!

Калломѣйцевъ опустился на кресло, скрестилъ ноги и началъ медленно стаскивать свою лѣвую перчатку.

— Вотъ намъ бы здѣсь, въ нашей губерніи, такого Михаила!

— А что? Вы развѣ чѣмъ недовольны?

Калломѣйцевъ наморщилъ носъ.

— Да все это земство! Это земство! Къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ... лишнія мысли... (Калломѣйцевъ поболталъ въ воздухъ обнаженной лѣвой рукой, освобожденной отъ давленія перчатки)... и несбыточные надежды (Калломѣйцевъ подулъ себѣ на руку). Я говорилъ объ этомъ въ Петербургѣ... *mais, bah!* Вѣтеръ не туда тянетъ. Даже супругъ вашъ... представьте! Впрочемъ, онъ извѣстный либераль!

Сипягина выпрямилась на диванчикѣ.

— Какъ? И вы, мсьё Калломѣйцевъ, вы дѣлаете оппозицію правительству?

— Я? Оппозицію? Никогда! Ни за что! *Mais j'ai mon franc parler.* Я иногда критикую, но покоряюсь всегда!

— А я такъ напротивъ: не критикую, и не покоряюсь.

— Ah! *mais c'est un mot!* Я, если позволите, сообщу ваше замѣчаніе моему другу — *Ladislav*, *vous savez*, онъ собирается написать романъ изъ большого свѣта, и уже прочелъ мнѣ нѣсколько

главъ. Это будетъ прелесть! Nous aurons enfin le grand monde russe, par lui-même.

— Гдѣ это появится?

— Конечно, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Это наша „Revue des Deux Mondes“. Я, вотъ вижу, вы ее читаете.

— Да; но, знаете ли, она очень скучна становится.

— Можетъ быть... можетъ быть... И „Русскій Вѣстникъ“, пожалуй, тоже съ нѣкоторыхъ поръ, — говоря современнымъ языкомъ, — крошечку подгулялъ.

Калломѣйцевъ засмѣялся во весь ротъ; ему показалось, что это очень забавно сказать: „подгулялъ“ да еще „крошечку“. — Mais c'est un journal, qui se respecte, — продолжалъ онъ. — А это главное. Я, доложу вамъ, я... русской литературой интересуюсь мало; въ ней теперь все какіе-то разночинцы фигурируютъ. Дошли, наконецъ, до того, что героиня романа — кухарка, простая кухарка, parole d'honneur! Но романъ Ладисласа я прочту непременно. Il y aura le petit mot pour rire... и направление! направление! Нигилисты будутъ посрамлены — въ этомъ мнѣ порукой образъ мыслей Ладисласа, — qui est très-correct.

— Но не его прошедшее, — замѣтила Сипягина.

— Ah! jetons un voile sur les erreurs de sa jeunesse! — воскликнулъ Калломѣйцевъ и стащилъ правую перчатку.

Г-жа Сипягина опять слегка прищурилась. Она немного кокетничала своими удивительными глазами.

— Семенъ Петровичъ, — промолвила она, — позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы это, говоря по-русски, употребляете такъ много французскихъ словъ? Мнѣ кажется, что... извините меня, это устарѣлая манера.

— Зачѣмъ? зачѣмъ? Не всѣмъ же такъ отлично владѣть роднымъ нарѣчіемъ, какъ, напримѣръ, вы. Что касается до меня, то я признаю языкъ россійскій, языкъ указовъ и постановленій правительственныхъ; я дорожу его чистотою! Передъ Карамзинымъ я склоняюсь!.. Но русскій, такъ сказать, ежедневный языкъ... развѣ онъ существуетъ? Ну, напримѣръ, какъ бы вы перевели мое восклицаніе — *de tout à l'heure*: „C'est un mot!?“ Это — слово!?... Помилуйте!

— Я бы сказала: это — удачное слово.

Калломѣйцевъ засмѣялся.

— „Удачное слово!“ Валентина Михайловна!

Да развѣ вы не чувствуете, что тутъ... семинаріей сейчасъ запахло... Всякая соль исчезла...

— Ну, вы меня не переубѣдите. — Да что же это Маріанна?

Она позвонила въ колокольчикъ; вошёлъ казачокъ.

— Я велѣла попросить Маріанну Викентьевну сойти въ гостиную. Развѣ ей не доложили?

Казачокъ не успѣлъ отвѣтить, какъ за его спиной, на порогѣ двери, появилась молодая дѣвушка, въ широкой темной блузѣ, стриженная въ кружокъ, Маріанна Викентьевна Синецкая, племянница Сипягина по матери.

VI.

— Извините меня, Валентина Михайловна, — сказала она приблизившись къ Сипягиной, — я была занята и замѣшкалась.

Потомъ она поклонилась Калломѣйцеву, и, отойдя немного въ сторону, сѣла на маленькое патѣ, въ сосѣдствѣ попугайчика, который, какъ только увидѣлъ ее, захлопалъ крыльями и потянулся къ ней.

— Зачѣмъ же это ты такъ далека сѣла, Маріанна, — замѣтила Сипягина, проводивъ ее глазами до самага патѣ. — Тебѣ хочется быть

поближе къ твоему маленькому другу? Представьте, Семень Петровичъ, — обратилась она къ Калломѣйцеву, — попугайчикъ этотъ просто влюбленъ въ нашу Маріанну...

— Это меня не удивляетъ!

— А меня терпѣть не можетъ.

— Вотъ это удивительно! Вы его, должно быть, дразните?

— Никогда; напротивъ. Я его сахаромъ кормлю. Только онъ изъ рукъ моихъ ничего не беретъ. Нѣтъ... это симпатія... и антипатія...

Маріанна исподлобья глянула на Сипягину... и Сипягина глянула на нее.

Эти двѣ женщины не любили другъ друга.

Въ сравненіи съ тёткой, Маріанна могла казаться почти „дурнушкой“. Лицо она имѣла круглое, носъ большой, орлиный, — сѣрые, тоже большіе и очень свѣтлые глаза, — тонкія брови, тонкія губы. Она стригла свои русые, густые волосы и смотрѣла букой. Но отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то сильнымъ и смѣлымъ, чѣмъ-то стремительнымъ и страстнымъ. Ноги и руки у ней были крошечныя; ея крѣпко и гибко сложенное, маленькое тѣло напоминало флорентійскія статуетки XVI вѣка; двигалась она стройно и легко.

Положеніе Синецкой въ домѣ Сипягиныхъ было довольно тяжелое. Ея отецъ, очень умный и бойкій человѣкъ полупольскаго происхожденія, дослужился генеральскаго чина — но сорвался вдругъ, уличенный въ громаднѣйшей, казенной кражѣ; его судили... осудили, лишивъ чиновъ, дворянства, сослали въ Сибирь. Потомъ простили... вернули; но онъ не успѣлъ выкарабкаться вновь и умеръ въ крайней бѣдности. Его жена, родная сестра Сипягина, мать Маріанны (кромѣ нея у нея не было дѣтей) — не перенесла удара, разгромившаго все ея благосостояніе и умерла вскорѣ послѣ мужа. Дядя Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя въ домѣ. — Но жить въ зависимости было ей тошно; она рвалась на волю, всѣми силами неподатливой души — и между нея тѣткою и ею кипѣла постоянная, хотя скрытная борьба. Сипягина считала ее нигилисткой и безбожницей; съ своей стороны, Маріанна ненавидѣла въ Сипягиной свою невольную притѣснительницу. Дяди она чуждалась, какъ и всѣхъ другихъ людей. — Она именно чуждалась ихъ, а не боялась; нравъ у нея былъ не робкій.

— Антипатія, — повторилъ Калломѣйцевъ, — да, это странная вещь. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что я глубоко-религіозный человѣкъ,

православный въ полномъ смыслѣ слова; а поповскую косичку, пучокъ — видѣть не могу равнодушно: такъ и закипаетъ во мнѣ что-то, такъ и закипаетъ!

Калломѣйцевъ при этомъ даже представилъ, поднявши раза два сжатую руку, какъ у него въ груди закипаетъ.

— Васъ вообще волосы беспокоятъ, Семенъ Петровичъ, — замѣтила Маріанна: — я увѣрена, что вы тоже не можете видѣть равнодушно, если у кого они острижены, какъ у меня.

Сипягина медленно приподняла брови и преклонила голову — какъ-бы удивляясь той развязности, съ которой нынѣшнія молодая дѣвушки вступаютъ въ разговоръ, — а Калломѣйцевъ снисходительно осклабился.

— Конечно, — промолвилъ онъ, — я не могу не сожалѣть о тѣхъ прекрасныхъ кудряхъ, подобныхъ вашимъ, Маріанна Викентьевна, которыя падаютъ подъ безжалостнымъ лезвіемъ ножницъ; но антипатіи во мнѣ нѣтъ; и во всякомъ случаѣ... вашъ примѣръ могъ бы меня... меня... конвертировать!

Калломѣйцевъ не нашелъ русскаго слова; — а по-французски не хотѣлъ говорить, послѣ замѣчанія хозяйки.

— Слава Богу, Маріанна у меня еще очковъ не носитъ, вмѣшалась Сипягина, — и съ воротничками, — и съ рукавчиками пока еще не разсталась: — за то естественными науками, къ искреннему моему сожалѣнію, занимается; и женскимъ вопросомъ интересуется тоже... Не правда ли, Маріанна?

Все это было сказано съ цѣлью смутить Маріанну; но она не смутилась.

— Да, тетушка, — отвѣчала она, — я читаю все, что объ этомъ написано; я стараюсь понять, въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ.

— Что значитъ молодость! — обратилась Сипягина къ Калломѣйцеву: — вотъ мы съ вами уже этимъ не занимаемся — а?

Калломѣйцевъ сочувственно улыбнулся: надо-жъ было поддержать веселую шутку любезной дамы.

— Маріанна Викентьевна, — началъ онъ — исполнена еще тѣмъ идеализмомъ... тѣмъ романтизмомъ юности... который... со временемъ...

— Впрочемъ, я клевету на себя, — перебила его Сипягина: — вопросъ этотъ меня интересуется тоже. Я вѣдь не совсѣмъ еще состарѣлась.

— И я всѣмъ этимъ интересуюсь, — пос-

пѣшно воскликнулъ Калломѣйцевъ; — только я запретилъ бы объ этомъ говорить!

— Запретили бы объ этомъ говорить? — переспросила Маріанна.

— Да! — Я бы сказалъ публикѣ: интересоваться не мѣшаю... но говорить... тссссъ! — Онъ поднесъ палецъ къ губамъ. — Во всякомъ случаѣ, *печатно* говорить — запретилъ бы! — Безусловно!

Сипягина засмѣялась.

— Что-жъ? По вашему, не комиссію ли назначить при министерствѣ для разрѣшенія этого вопроса?

— А хоть бы и комиссію! — Вы думаете, мы бы разрѣшили этотъ вопросъ хуже, чѣмъ всѣ эти голодные шелкопёры, которые дальше своего носа ничего не видятъ и воображаютъ, что они... первые геніи? — Мы бы назначили Бориса Андреича предсѣдателемъ...

Сипягина еще пуще засмѣялась.

— Смотрите, берегитесь; Борисъ Андреичъ иногда такимъ бываетъ якобинцемъ...

— Жакó, жакó, жакó, — затрещаль попугай.

Валентина Михайловна махнула на него платкомъ.

— Не мѣшай умнымъ людямъ разговари-
вать!... Маріанна, уйми его.

Маріанна обернулась къ клѣткѣ и принялась
чесать ногтемъ попугайчика по шеѣ, которую
тотъ ей тотчасъ подставилъ.

— Да, — продолжала Сипягина, — Борисъ
Андреичъ иногда меня самоё удивляетъ. Въ
немъ есть жилка... жилка трибуна.

— *C'est parcequ'il est orateur!* — сгоряча
подхватилъ по-французски Калломѣйцевъ. —
Вашъ мужъ обладаетъ даромъ слова, какъ никто,
ну, и блестѣть привыкъ... *ses propres paroles*
le grisent... а къ тому же и желаніе популяр-
ности... Впрочемъ, онъ теперь нѣсколько раз-
серженъ, не правда ли? *Il boude? Eh?*

Сипягина повела глазами на Маріанну.

— Я ничего не замѣтила, — промолвила она
послѣ небольшого молчанія.

— Да, — продолжалъ задумчивымъ тономъ
Калломѣйцевъ, — его немножко обошли на Свя-
той...

Сипягина опять указала ему глазами на Ма-
ріанну.

Калломѣйцевъ улыбнулся и прищурился: —
„я, молъ, понялъ“.

— Маріанна Викентьевна! — воскликнулъ онъ

вдругъ, безъ нужды громко : — вы въ нынѣшнемъ году опять намѣрены давать уроки въ школѣ.

Маріанна отвернулась отъ клѣтки.

— И *это* васъ интересуетъ, Семень Петровичъ?

— Конечно; очень даже интересуетъ.

— Вы бы *этого* не запретили?

— Нигилистамъ запретилъ бы даже думать о школахъ; а подъ руководствомъ духовенства — и съ надзоромъ за духовенствомъ — самъ бы заводилъ!

— Вотъ какъ! А я не знаю, что́ буду дѣлать въ нынѣшнемъ году. — Въ прошломъ все такъ дурно шло. — Да и какая школа лѣтомъ!

Когда Маріанна говорила, она постепенно краснѣла, какъ будто ея рѣчь ей стоила усилія, какъ будто она заставляла себя ее продолжать. Много еще въ ней было самолюбія.

— Ты не довольно подготовлена? — спросила Сипягина съ ироническимъ трепетаніемъ въ голосѣ.

— Можетъ быть.

— Какъ! — снова воскликнулъ Калломѣйцевъ. — Что я слышу!! О, боги! Для того, чтобъ учить крестьянскихъ дѣвочекъ азбукѣ — нужна подготовка?

Но въ эту минуту въ гостиную съ крикомъ: „Мáма! мáма! papà їдетъ!“ — вбїжалъ Коля — а, вслїдъ за нимъ, переваливаясь на толстыхъ ножкахъ, появилась сїдовласая дама въ чепцї и желтой шали — и тоже объявила, что Боринька сейчасъ будетъ!

Эта дама была тїтка Сипягиня, Анна Захаровна по имени. — Всї находившіяся въ гостиной лица повскакали съ своихъ мїстъ и устремились въ переднюю — а оттуда спустились по лїстницї на главное крыльцо. Длинная аллея стриженныхъ їлокъ вела отъ большой дороги прямо къ этому крыльцу; по ней уже скакала коляска, запряженная четверней. Валентина Михайловна, стоявшая впереди всїхъ, замахала платкомъ, Коля запищалъ пронзительно; кучеръ лихо осадилъ разгоряченныхъ лошадей, лакей слетїлъ кубаремъ съ козелъ да чуть не вырвалъ дверецъ коляски вмїстї съ петлями и замкомъ — и вотъ, съ снисходительной улыбкой на устахъ, въ глазахъ, на всемъ лицї, однимъ ловкимъ движенїемъ плечъ сбросивъ съ себя шинель, Борисъ Андреевичъ спустился на землю. Валентина Михайловна красиво и быстро вскинула ему обї руки вокругъ шеи — и трижды съ нимъ поцїловалась. Коля топоталъ ногами и дергалъ

отца сзади за полы сюртука... но тотъ сперва облобызался съ Анной Захаровной, предварительно снявъ съ головы пренеудобный и безобразный шотландскій дорожный картузь, потомъ поздоровался съ Маріанной и Калломѣйцевымъ, которые тоже вышли на крыльцо — (Калломѣйцеву онъ далъ сильный англійскій shakehands, въ „раскачку“ — словно въ колоколь позвонилъ) — и только тогда обратился къ сыну; взялъ его подъ-мышки, поднялъ и приблизилъ къ своему лицу.

Пока все это происходило, изъ коляски, тихо-хонько, словно виноватый, вылѣзъ Неждановъ и остановился близъ передняго колеса, не снимая шапки и посматривая исподлобья... Валентина Михайловна, обнимаясь съ мужемъ, зорко глянула черезъ его плечо на эту новую фигуру; — Сипягинъ предупредилъ ее, что привезетъ съ собою учителя.

Все общество, продолжая мѣняться привѣтами и рукопожатіями съ прибывшимъ хозяиномъ, двинулось вверхъ по лѣстницѣ, уставленной съ обѣихъ сторонъ главными слугами и служанками. — Къ ручкѣ они не подходили — эта „азіатщина“ была давно отмѣнена — и только кланялись почтительно; и Сипягинъ отвѣчалъ

ихъ поклонамъ — больше бровями и носомъ, чѣмъ головою.

Неждановъ тоже поплелся вверхъ по широкимъ ступенямъ. Какъ только онъ вошелъ въ переднюю, Сипягинъ, который уже искалъ его глазами, представилъ его женѣ, Аннѣ Захаровнѣ, Маріаннѣ; а Колѣ сказалъ: „Это твой учитель, прошу его слушаться! Подай ему руку“! — Коля робко протянулъ руку Нежданову — а потомъ уставился на него; но, видно, не найдя въ немъ ничего особеннаго или пріятнаго, снова ухватился за своего „папу“. — Неждановъ чувствовалъ себя неловко, такъ же, какъ тогда въ театрѣ. На немъ было старое, довольно невзрачное пальто; дорожная пыль насѣла ему на все лицо и на руки. — Валентина Михайловна сказала ему что-то любезное; но онъ хорошенько не слышалъ ея словъ и не отвѣчалъ, а только замѣтилъ, что она особенно свѣтло и ласково взирала на своего мужа и жалась къ нему. — Въ Колѣ ему не понравился его завитой, напoмаженный хохоль; при видѣ Калломѣйцева онъ подумалъ: „экая облизанная мордочка!“ — а на другія лица онъ вовсе не обратилъ вниманія. Сипягинъ раза два съ достоинствомъ повертѣлъ головою, какъ-бы осматривая свои пе-

наты, причемъ удивительно отчеканивались его длинныя висячія бакенбарды и нѣсколько крутой, маленькій затылокъ. — Потомъ онъ сильнымъ, вкуснымъ, отъ дороги нисколько не охрипшимъ голосомъ крикнулъ одному изъ лакеевъ: „Иванъ! проводи г-на учителя въ зеленую комнату, да чемоданъ ихъ туда снеси“ — и объявилъ Нежданову, что онъ можетъ теперь отдохнуть и разобратъся и почиститься — а обѣдъ у нихъ въ домѣ подаютъ ровно въ пять часовъ. Неждановъ поклонился и отправился вслѣдъ за Иваномъ въ „зеленую“ комнату, находившуюся во второмъ этажѣ.

Все общество перешло въ гостиную. Тамъ еще разъ повторились привѣтствія; — полуслѣзная старушка-нянька явилась съ поклономъ. — Этой, изъ уваженія къ ея лѣтамъ, Сипягинъ далъ поцѣловать свою руку, и, извинившись передъ Калломѣйцевымъ, удалился въ спальню, сопровождаемый своей супругой.

VII.

Обширная и опрятная комната, въ которую слуга ввелъ Нежданова, выходила окнами въ садъ. Они были раскрыты, и легкій вѣтеръ слабо надувалъ бѣлыя шторы: онѣ округлялись какъ па-

руса, приподнимались и падали снова. По потолку тихо скользили золотистые отблески; во всей комнатѣ стоялъ весенній, свѣжій, немного сырой запахъ. — Неждановъ началъ съ того, что услалъ слугу, выложилъ вещи изъ чемодана, умылся и переодѣлся. Путешествіе его уморило; двухдневное постоянное присутствіе человѣка незнакомаго, — съ которымъ онъ говорилъ много, разнообразно — и безплодно, раздражило его нервы: что-то горькое, не то скука, не то злость, тайно забралось въ самую глубь его существа; онъ негодовалъ на свое малодушіе — а сердце все ныло!

Онъ подошелъ къ окну — и сталъ глядѣть на садъ. То былъ прадѣдовскій, черноземный садъ, какого не увидишь по-сю сторону Москвы. — Расположенный по длинному скату пологого холма, онъ состоялъ изъ четырехъ, ясно обозначенныхъ отдѣленій. Передъ домомъ, шаговъ на двѣсти, разстился цвѣтникъ, съ песчаными прямыми дорожками, группами акацій и сиреней и круглыми „клумбами“; налѣво, минуя конный дворъ, до самага гумна тянулся фруктовый садъ, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной, малиной; прямо напротивъ дома возвышались большимъ сплошнымъ четырехугольникомъ липовыя скрещенныя аллеи. Направо видъ

преграждался дорогой, заслоненной двойнымъ рядомъ серебристыхъ тополей; изъ-за кушы плакучихъ берёзъ виднѣлась крутая крыша оранжереи. Весь садъ нѣжно зеленѣлъ первой красою весенняго расцвѣтанія; не было еще слышно лѣтняго, сильнаго гудѣнья насѣкомыхъ; молодые листья лепетали — да зяблики кое-гдѣ пѣли, да двѣ горлинки ворковали все на одномъ и томъ же деревѣ, да куковала одна кукушка, перемѣщаясь всякій разъ — да издалека, изъ-за мельничнаго пруда, приносился дружный грачинный гамъ, подобный скрипу множества телѣжныхъ колесъ. — И надо всей этой молодою, уединенной, тихой жизнью, округляя свои груди, какъ большія, лѣнныя птицы, тихо плыли свѣтлыя облака. — Неждановъ глядѣлъ, слушалъ, втягивалъ воздухъ сквозь раскрытыя, похолодѣвшія губы...

И ему словно легче становилось; тишина находила и на него.

А между тѣмъ внизу, въ спальнѣ, рѣчь шла тоже о немъ. Сипягинъ рассказывалъ женѣ, какъ онъ съ нимъ познакомился, и что ему сказалъ князь Г., и какіе разговоры они вели во время путешествія.

— Умная голова! — повторялъ онъ, — и

съ свѣдѣніями; правда, онъ красный, да вѣдь у меня, ты знаешь, это ничего не значитъ; по крайней мѣрѣ у этихъ людей есть амбиція. Да и Коля слишкомъ молодъ; никакихъ глупостей онъ отъ него не перейметъ.

Валентина Михайловна слушала своего мужа съ ласковой и въ то же время насмѣшливой улыбкой, точно онъ каялся ей въ немного странной, но забавной выходкѣ; ей даже какъ будто пріятно было, что ея „seigneur et maître“, такой солидный человѣкъ и важный чиновникъ, все еще въ состояніи вдругъ взять да выкинуть шалость, не хуже двадцатилѣтняго. Стоя передъ зеркаломъ въ бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ, въ голубыхъ шолковыхъ помочахъ, Сипягинъ принялся причесывать свою голову на англійскій фасонъ, въ двѣ щетки; — а Валентина Михайловна, взобравшись съ ботинками на турецкую низкую кушетку, начала сообщать ему разныя свѣдѣнія о хозяйствѣ, о бумажной фабрикѣ, которая — увы! — не шла такъ хорошо, какъ бы слѣдовало, о поварѣ, котораго надо будетъ перемѣнить, о церкви, съ которой свалилась штукатурка, о Маріаннѣ, о Калломѣйцевѣ...

Между обоими супругами существовало нелицемѣрное довѣріе и согласіе; они дѣйствительно

жили въ „любви и совѣтѣ“, какъ говаривалось въ старину; и когда Сипягинъ, окончивъ свой туалетъ, рыцарски испросилъ у Валентины Михайловны „ручку“, когда она подала ему обѣ, и съ нѣжной гордостью глядѣла, какъ онъ попеременно цѣловалъ ихъ, — то чувство, которое выразилось на лицахъ у обоихъ, было чувство хорошее и правдивое, хотя у ней оно свѣтилось въ очахъ, достойныхъ Рафаэля, а у него въ простыхъ генеральскихъ „глядѣлкахъ“.

Ровно въ пять часовъ Неждановъ сошелъ внизъ къ обѣду, возвѣщенному даже не звукомъ колокола, а протяжнымъ завываньемъ китайскаго „гонга“. Все общество уже собралось въ столовой. Сипягинъ снова его привѣтствовалъ съ высоты своего галстука, и указалъ ему мѣсто за столомъ между Анной Захаровной и Колей. Анна Захаровна была перезрѣлая дѣва, сестра покойнаго старика Сипягина; отъ нея пахло камфорой, какъ отъ залежалаго платья, и видъ она имѣла безпокойный и унылый. Она исполняла въ домѣ роль Колинаго дядьки или гувернёра; ея сморщенное лицо выказало неудовольствіе, когда Нежданова посадили между ею и ея питомцемъ. Коля сбоку поглядывалъ на свего новаго сосѣда; умный мальчикъ скоро до-

гадался, что учителю неловко, что онъ конфузится: онъ же не поднималъ глазъ и почти ничего не ѣлъ. Колѣ это понравилось: онъ до тѣхъ поръ боялся, какъ бы учитель не оказался строгимъ и сердитымъ. Валентина Михайловна тоже поглядывала на Нежданова.

„Онъ смотритъ студентомъ — думалось ей — и въ свѣтѣ онъ не живалъ, но лицо у него интересное, и оригинальный цвѣтъ волосъ, какъ у того апостола, котораго старые итальянскіе мастера всегда писали рыжимъ, — и руки чистыя“. Впрочемъ, всѣ за столомъ поглядывали на Нежданова, и какъ-бы щадили его, оставляли его въ покоѣ, на первыхъ порахъ; онъ это чувствовалъ, и былъ этимъ доволенъ, и въ то же время почему-то злился. Разговоръ за столомъ вели Калломѣйцевъ и Сипягинъ. Рѣчь шла о земствѣ, о губернаторѣ, о дорожной повинности, о выкупныхъ сдѣлкахъ, объ общихъ петербургскихъ и московскихъ знакомыхъ, о только-что входившемъ въ силу лицѣ г-на Каткова, о трудности достать рабочихъ, о штрафахъ и потравахъ, а также о Бисмаркѣ, о войнѣ 66-го года и о Наполеонѣ III, котораго Калломѣйцевъ величалъ молодцомъ. Юный камеръ-юнкеръ высказывалъ мнѣнія весьма ретроградныя: онъ договорился

наконецъ до того — что привелъ, правда, въ видѣ шутки, — тостъ одного знакомаго ему барина, за нѣкоторымъ имениннымъ банкетомъ: „Пью за единственные принципы, которые признаю“, — воскликнулъ этотъ разгоряченный помещикъ — „за кнутъ и за Рёдереръ!“

Валентина Михайловна наморщила брови и замѣтила что эта цитата — *de très mauvais gout*. — Сипягинъ выражалъ, напротивъ, мнѣнія весьма либеральныя; вѣжливо и нѣсколько небрежно опровергалъ Калломѣйцева; даже подтрунивалъ надъ нимъ.

— Ваши страхи на счетъ эмансипаціи любезный Семенъ Петровичъ, — сказалъ онъ ему между прочимъ, — напоминаютъ мнѣ записку, которую нашъ почтеннѣйшій и добрѣйшій Алексѣй Ивановичъ Тверитиновъ подалъ въ 1860 году, и которую онъ всюду читалъ по петербургскимъ салонамъ. Особенно хороша была тамъ одна фраза о томъ, какъ нашъ освобожденный мужикъ непременно пойдетъ съ факеломъ въ рукѣ, по лицу всего отечества. Надо было видѣть, какъ нашъ милый Алексѣй Ивановичъ, надувая щѣчки и тараща глазѣнки, произносилъ своимъ младенческимъ ротикомъ: „факель! ффакель! пой-

детъ съ ффакеломъ!“ Ну, вотъ совершилась эмансипація... Гдѣ же мужикъ съ факеломъ?

— Тверитиновъ, — возразилъ сумрачнымъ тономъ Калломѣйцевъ, — ошибся только въ томъ, что не мужики пойдутъ съ факелами, а другіе.

При этихъ словахъ Неждановъ, который до того мгновенія почти не замѣчалъ Маріанны — она сидѣла отъ него наискось — вдругъ переглянулся съ нею, и тотчасъ почувствовалъ, что они оба, эта угрюмая дѣвушка и онъ — однихъ убѣжденій, и одного пошиба. Она не произвела никакого впечатлѣнія на него, когда Сицягинъ представилъ его ей; почему же онъ теперь переглянулся именно съ нею? Онъ тутъ же поставилъ себѣ вопросъ: не стыдно ли, не позорно ли, сидѣть и слушать подобныя мнѣнія, и не протестовать, и давать своимъ молчаньемъ поводъ думать, что самъ ихъ раздѣляешь? Неждановъ вторично глянулъ на Маріанну, и ему показалось, что онъ въ ея глазахъ прочелъ отвѣтъ на свой вопросъ: „погоди-моль; теперь еще не время... не стоить... послѣ; всегда успѣешь...“

Ему пріятно было думать, что она его понимаетъ. Онъ опять прислушался къ разговору... Валентина Михайловна смѣнила своего мужа,

и высказывалась еще свободнѣе, еще радикальнѣе, нежели онъ. Она не постигала, „рѣшительно не пос...ти...га...ла“, какъ человѣкъ, образованный и молодой, можетъ придерживаться такой застарѣлой рутины!

— Впрочемъ, прибавила она, — я увѣрена, что вы это говорите только такъ, для краснаго словца! Что же касается до васъ, Алексѣй Дмитричъ, — обратилась она съ любезной улыбкой къ Нежданову (онъ внутренно изумился тому, что его имя и отчество были ей извѣстны), — я знаю, вы не раздѣляете опасеній Семена Петровича: мнѣ Борисъ передалъ ваши бесѣды съ нимъ, во время дороги.

Неждановъ покраснѣлъ, склонился надъ тарелкой и пробормоталъ что-то невнятное: онъ не тó, чтобы оробѣлъ, а не привыкъ онъ перекидываться рѣчами съ такими блестящими особами. Сипягина продолжала улыбаться ему; мужъ покровительственно поддакивалъ ей... Зато Калломѣйцевъ воткнулъ, не спѣша, свое круглое стеклышко между бровью и носомъ, и уставился на студентика, который осмѣливается не раздѣлять его „опасеній“. Ну — *этимъ* смутить Нежданова было трудно; напротивъ: онъ тотчасъ выпрямился и уставился въ свою очередь

на великосвѣтскаго чиновника: — и такъ же внезапно, какъ почувствовалъ въ Маріаннѣ товарища, онъ въ Калломѣйцевѣ почувствовалъ врага! И Калломѣйцевъ это почувствовалъ; выронилъ стеклышко, отвернулся и попытался усмѣхнуться... но ничего не вышло; одна Анна Захаровна, тайно благоговѣвшая передъ нимъ, мысленно стала на его сторону, и еще болѣе вознегодовала на непрошеннаго сосѣда, отдѣлившаго ее отъ Коли.

Вскорѣ затѣмъ обѣдъ кончился. Общество перешло на террасу пить кофе; Сипягинъ и Калломѣйцевъ закурили сигары. Сипягинъ предложилъ-было одну настоящую регалію Нежданову; но тотъ отказался.

— Ахъ, да! — воскликнулъ Сипягинъ; я и забылъ: — вы курите только свои папиросы!

— Станный вкусъ, — замѣтилъ сквозь зубы Калломѣйцевъ.

Неждановъ чуть не вспылилъ. — „Разницу между регаліей и папиросой я очень хорошо знаю, но я одолжаться не хочу“ — чуть не сорвалось у него съ языка... Однако онъ удержался; но тутъ же занесъ эту вторую дерзость своему врагу въ „дебетъ“.

— Маріанна! — вдругъ громкимъ голосомъ

промолвила Сипягина: — ты не церемонься передъ новымъ лицомъ... кури съ Богомъ свою пахитоску. Тѣмъ болѣе, — прибавила она, обращаясь къ Нежданову, — что, я слышала, въ вашемъ обществѣ всѣ барышни курятъ?

— Точно такъ-съ, — отвѣчалъ сухо Неждановъ. — То было первое слово, сказанное имъ Сипягиной.

— А я вотъ не курю, — продолжала она, ласково прищуривъ свои бархатные глаза... — Отстала отъ вѣка.

Маріанна медлительно и обстоятельно, словно на зло тѣткѣ, достала пахитоску, коробочку со спичками, и начала курить. Неждановъ тоже закурилъ папиросу, позаимствовавъ огня у Маріанны.

Вечеръ стоялъ чудесный. Коля съ Анной Захаровной отправились въ садъ; остальное общество оставалось еще около часу на террасѣ, наслаждаясь воздухомъ. Бесѣда шла довольно оживленная... Калломѣйцевъ нападалъ на литературу; Сипягинъ и тутъ явился либераломъ, отстаивалъ ея независимость, доказывалъ ея пользу, упомянулъ даже о Шатобріанѣ и о томъ, что императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго!

Неждановъ не вмѣшивался въ это словопреніе; Сипягина посматривала на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто, съ одной стороны, она одобряла его скромную воздержность, а съ другой — немного удивлялась ей.

Къ чаю всѣ перешли въ гостиную.

— У насъ, Алексѣй Дмитричъ, — сказалъ Сипягинъ Нежданову, такая скверная привычка: по вечерамъ мы играемъ въ карты, да еще въ запрещенную игру — въ стуколку... Представьте! — Я васъ не приглашаю... но, впрочемъ, Маріанна будетъ такъ добра, сыграетъ намъ что-нибудь на фортепьяно. Вы, вѣдь, надѣюсь, любите музыку — а? И не дожидаясь отвѣта, Сипягинъ взялъ въ руку колоду картъ. Маріанна сѣла за фортепьяно и сыграла ни хорошо, ни худо нѣсколько „Пѣсенъ безъ словъ“ Мендельсона. — Charmant! Charmant! quel touché! — закричалъ издали, словно ошпаренный, Калломѣйцевъ; но восклицаніе это было имъ пущено болѣе изъ вѣжливости; да и Неждановъ, несмотря на надежду, выраженную Сипягинымъ, никакого пристрастія къ музыкѣ не имѣлъ.

Между тѣмъ Сипягинъ съ женой, Калломѣйцевъ, Анна Захаровна усѣлись за карты... Коля

пришелъ проститься и, получивъ благословеніе отъ родителей да большой стаканъ молока вмѣсто чаю, отправился спать: отецъ крикнулъ ему вслѣдъ, что завтра же онъ начнетъ свои уроки съ Алексѣемъ Дмитричемъ. Немного спустя, увидавъ, что Неждановъ торчитъ безъ дѣла посреди комнаты и напряженно переворачиваетъ листы фотографическаго альбома, Сипягинъ сказалъ ему, чтобъ онъ не стѣснялся и шелъ бы къ себѣ отдохнуть, такъ какъ онъ вѣроятно усталъ послѣ дороги; что у нихъ въ домѣ главный девизъ: свобода!

Неждановъ воспользовался даннымъ позволеніемъ и, раскланявшись со всѣми, пошелъ вонъ; въ дверяхъ онъ столкнулся съ Маріанной и, снова заглянувъ ей въ глаза, снова убѣдился, что будетъ съ ней какъ товарищъ, хотя она не только не улыбнулась ему, но даже нахмурила брови.

Онъ нашелъ комнату свою всю наполненною душистой свѣжестью: окна оставались открытыми цѣлый день. Въ саду, прямо противъ его окна, коротко и звучно щелкалъ соловей; ночное небо тускло и тепло краснѣло надъ округленными верхушками липъ: то готовилась выплыть луна. Неждановъ зажегъ свѣчку; ночныя сѣ-

рыя бабочки такъ и посыпались изъ темнаго сада и пошли на огонь, кружась и толкаясь, а вѣтеръ ихъ отдувалъ и колебалъ сине-желтое пламя свѣчи.

„Странное дѣло!“ думалъ Неждановъ, уже лежа въ постелѣ... „Хозяева, люди, кажется, хорошіе, либеральные, даже гуманные... а томо что-то на душѣ. Каммергеръ... каммеръ-юнкеръ... Ну, утро вечера мудренѣе... Сантиментальничать нечего“.

Но въ это мгновеніе въ саду сторожъ настойчиво и громко застучалъ въ доску — и раздался протяжный крикъ: „Слуша...а...ай!“

— Примѣча...а...й! — отозвался другой заунывный голосъ.

— Фу ты, Боже мой! — точно въ крѣпости!

VIII.

Неждановъ проснулся рано, и, не дожидаясь появленія слуги, одѣлся и сошелъ въ садъ. Очень онъ былъ великъ и красивъ, этотъ садъ, и содержался въ отличномъ порядкѣ: нанятые работники скребли лопатами дорожки; въ яркой зелени кустовъ мелькали красные платки на головахъ крестьянскихъ дѣвушекъ, вооруженныхъ граблями. Неждановъ добрался до пруда: утрен-

ній туманъ съ него слетѣлъ — но онъ еще дымился мѣстами, въ тѣнистыхъ излучинахъ береговъ. Невысокое солнце било розовымъ свѣтомъ по шелковистому свинцу его широкой глади. Человѣкъ пять плотниковъ возилось около плота: тутъ же колыхалась, слабо переваливаясь съ боку на бокъ и пуская отъ себя легкую рябь по водѣ — новая, раскрашенная лодка. Людскіе голоса звучали рѣдко и сдержанно: ото всего вѣяло утромъ, тишиной и споростью утренней работы, вѣяло порядкомъ и правильностью установленной жизни. И вотъ, на поворотѣ аллеи, Нежданову предстало само олицетвореніе порядка и правильности — предсталъ Сипягинъ.

На немъ былъ сюртукъ гороховаго цвѣта, въ родѣ шлафрока, и пестрый картузь; онъ опирался на англійскую, бамбуковую трость, и только-что выбритое лицо его дышало довольствомъ; онъ шелъ осматривать свое хозяйство. Сипягинъ привѣтливо поздоровался съ Неждановымъ.

— Ага! — воскликнулъ онъ; — я вижу: вы изъ молодыхъ, да ранній! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этой не совсѣмъ умѣстной поговоркой выразить свое одобреніе Нежданову за то, что тотъ такъ же, какъ и онъ самъ, недолго оста-

вался въ постели). — Мы въ восемь часовъ пьемъ общій чай въ столовой, а въ двѣнадцать завтракаемъ; въ десять часовъ вы дадите Колѣ вашъ первый урокъ въ русскомъ языкѣ, а въ два — въ исторіи. Завтра, 9-го мая, онъ именинникъ, и уроковъ не будетъ; но сегодня прошу начать!

Неждановъ наклонилъ голову — а Сипягинъ простился съ нимъ на французскій манеръ, нѣсколько разъ съ-ряду быстро поднеся руку къ собственнымъ губамъ и носу — и пошелъ далѣе, бойко размахивая тростью и посвистывая — вовсе не какъ важный чиновникъ или сановникъ — а какъ добрый русскій country-gentleman.

До 8-ми часовъ Неждановъ оставался въ саду, наслаждаясь тѣнью старыхъ деревьевъ, свѣжестью воздуха, пѣньемъ птицъ; завыванія гонга призывали его въ домъ — и онъ нашелъ все общество въ столовой. Валентина Михайловна очень ласково обошлась съ нимъ; въ утреннемъ туалетѣ она показалась ему совершенной красавицей. Лицо Маріанны выражало обычную сосредоточенность и суровость. — Ровно въ десять часовъ произошелъ первый урокъ въ присутствіи Валентины Михайловны; она сперва освѣдомилась у Нежданова, не будетъ ли она мѣшать? и все время

очень скромно держала себя. Коля оказался мальчикомъ понятливымъ; послѣ неизбежныхъ первыхъ колебаній и неловкостей, урокъ сошелъ благополучно. Валентина Михайловна осталась, повидимому, весьма довольна Неждановымъ, и нѣсколько разъ привѣтливо заговаривала съ нимъ. — Онъ упирался... но не слишкомъ. Валентина Михайловна присутствовала также на второмъ урокѣ — изъ русской исторіи. Она съ улыбкой объявила, что по этому предмету нуждается въ наставникѣ не хуже самого Коли — и также чинно и тихо держала себя, какъ и въ теченіи перваго урока. Отъ 2-ухъ до 5-ти Неждановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, писалъ письма въ Петербургъ — и чувствовалъ себя... такъ себѣ: скуки не было, не было и тоски; натянутые нервы по немножку смягчались. Они напряглись снова во время обѣда, хотя Калло-мѣйцевъ отсутствовалъ и ласковая предупредительность хозяйки не измѣнялась; но самая эта предупредительность нѣсколько сердила Нежданова. — Къ тому же, его сосѣдка, старая дѣвица Анна Захаровна явно враждовала и дулась, а Маріанна продолжала серьёзничать, и самый Коля уже слишкомъ безцеремонно толкалъ его ногами. Сипягинъ также казался не въ духѣ.

Онъ былъ очень недоволенъ управляющимъ своей писчебумажной фабрики, нѣмцемъ, котораго нанялъ за большія деньги. Сипягинъ принялся бранить вообще всѣхъ нѣмцевъ, причемъ объявилъ, что онъ до нѣкоторой степени славянофилъ, хоть и не фанатикъ — и упомянулъ объ одномъ молодомъ русскомъ, нѣкоемъ Соломинѣ, который, по слухамъ, на отличную ногу поставилъ фабрику сосѣда-купца; очень ему хотѣлось познакомиться съ этимъ Соломинымъ. Къ вечеру пріѣхалъ Калломѣйцевъ, имѣніе котораго находилось всего въ десяти верстахъ отъ „Аржаного“; такъ называлась деревня Сипягина. Пріѣхалъ также мировой посредникъ, помѣщикъ изъ числа тѣхъ, которыхъ столь мѣтко охарактеризовалъ Лермонтовъ двумя извѣстными стихами :

Весь спрятанъ въ галстухъ, фракъ до пять...

Усы, дискантъ — и мутный взглядъ.

Пріѣхалъ другой сосѣдъ съ унылымъ, беззубымъ лицомъ, но чрезвычайно чисто одѣтый; пріѣхалъ уѣздный докторъ, весьма плохой врачъ, любившій щеголять учеными терминами: онъ увѣрялъ, напримѣръ, что предпочитаетъ Кукольника Пушкину, потому что въ Кукольникѣ много „протоплазмы.“ Сѣли играть въ стуколку. —

Неждановъ удалился къ себѣ въ комнату — и за полночь читалъ и писалъ.

На слѣдующій день, 9-го мая, были Колины именины. Цѣлымъ домомъ, въ трехъ открытыхъ коляскахъ, съ лакеями на запяткахъ, отправились „господа“ къ обѣднѣ — а до нея и четверти версты не было. Все произошло очень парадно и пышно. Сипягинъ возложилъ на себя ленту; Валентина Михайловна одѣлась въ прелестное парижское платье блѣдно-сиреневаго цвѣта — и въ церкви, во время обѣдни, молилась по крошечной книжечкѣ, переплетенной въ малиновый бархатъ; книжечка эта смущала иныхъ стариковъ; одинъ изъ нихъ не воздержался и спросилъ у своего сосѣда; „Что это она, прости Господи, колдуетъ, что ли“? — Благовоніе цвѣтовъ, наполнявшихъ церковь, сливалось съ сильнымъ запахомъ новыхъ насѣренныхъ армяковъ, дегтярныхъ сапоговъ и котовъ — и надъ тѣми и другими испареніями удушливо-пріятно царилъ ладанъ. Дьячки и пономари на клиросахъ пѣли удивительно-старательно. Съ помощью присоединившихся къ нимъ фабричныхъ, они покусились даже на концертъ! Была минута, когда всѣмъ присутствовавшимъ стало нѣсколько... жутко. Теноровый голосъ (онъ принадле-

жалъ фабричному Климу, челоѣку въ злѣйшей чахоткѣ) выводилъ одинъ, безъ всякой поддержки, хроматическіе, минорные и бемольные тоны; — они были ужасны, эти тоны! — но оборвись они — и весь концертъ немедленно бы провалился... Однако дѣло... ничего... обошлось. Отецъ Кипріанъ, священникъ самой почтенной наружности, съ набедренникомъ и камилавкой, произнесъ проповѣдь весьма поучительную, по тетрадкѣ; къ сожалѣнію, старательный батюшка счелъ за нужное привести имена какихъ-то премудрѣныхъ ассирійскихъ царей, чѣмъ весьма себя затруднилъ въ прононсѣ — и хотя выказалъ нѣкоторую ученость — однако вспотѣлъ же сильно! Неждановъ, давно не бывавшій въ церкви, забился въ уголъ между бабами: онъ только изрѣдка косились на него, истово крестясь, низко кланяясь и степенно утирая носы своихъ малютокъ; зато крестьянскія дѣвочки въ новыхъ армячѣнкахъ, съ поднизями на лбахъ, и мальчики въ подпоясанныхъ рубашѣнкахъ, съ расшитыми оплечьями и красными ластовицами, внимательно оглядывали новаго богомольца, повернувшись прямо къ нему лицомъ... И Неждановъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ — разныя думы.

Послѣ обѣдни, длившейся весьма долго — молебенъ Николаю Чудотворцу, какъ извѣстно, едва ли не самый продолжительный изъ всѣхъ молебновъ православной церкви — все духовенство, по приглашенію Сипягина, двинулось къ господскому дому и, совершивъ еще нѣсколько приличныхъ случаю обрядовъ, окропивъ даже комнаты святой водою, — получило обильный завтракъ, въ теченіи котораго велись обычные, благонадежные, но нѣсколько утомительные разговоры. И хозяинъ, и хозяйка — хотя въ этотъ часъ дня никогда не завтракали — однако тутъ и прикусили, и пригубили. Сипягинъ даже разсказалъ анекдотъ, вполне пристойный, но смѣхотворный — что, при его красной лентѣ и сановитости, произвело впечатлѣніе, можно сказать, отрадное, — а въ отцѣ Кипріанѣ возбудило чувство и благодарности, и удивленія. Въ „отместку“ — а такъ же для того, чтобъ показать, что и онъ при случаѣ можетъ сообщить нѣчто любознательное, — отецъ Кипріанъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ „архіереомъ“, когда тотъ, объѣзжая епархію, вызвалъ всѣхъ священниковъ уѣзда къ себѣ въ городъ, въ монастырь. — Онъ у насъ строгій, престрогій, — увѣрялъ отецъ Кипріанъ; — сперва разспросить

о приходѣ, о порядкахъ — а потомъ экзаменъ дѣлаетъ... Обратился онъ тоже ко мнѣ. — Твой какой храмовой праздникъ? — Спаса Преображенія, говорю. — А тропарь на этотъ день знаешь? — Еще бы не знать! — Поѣй! — Ну, я сейчасъ: „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже нашъ...“ — Стой! Что́ есть преображеніе и какъ надо его понимать? — Одно слово, говорю: хотѣлъ Христосъ ученикамъ славу свою показать! — Хорошо, говоритъ; вотъ тебѣ отъ меня образокъ на память. — Я ему въ ноги. — Благодарю-моль, Владыко!... Такъ я отъ него тощъ вышелъ.

— Я имѣю честь лично знать преосвященнаго, — съ важностью замѣтилъ Сипягинъ. — Достойнѣйшій пастырь!

— Достойнѣйшій! подтвердилъ и отецъ Кипріанъ. — Благочиннымъ напрасно только слишкомъ довѣряется...

Валентина Михайловна упомянула о крестьянской школѣ и указала при этомъ на Маріанну, какъ на будущую учительницу: діаконъ — (ему былъ порученъ надзоръ надъ школой) — человекъ атлетическаго сложенія и съ длинной волнистой косою, смутно напоминавшей расчесанный хвостъ орловскаго рысака, хотѣлъ-было выразить.

свое одобрение, но не сообразивъ силы своей гортани, такъ густо крикнулъ, что и самъ оробѣлъ, и другихъ испугалъ. — Послѣ этого духовенство скоро удалилось.

Коля, въ своей новой курточкѣ съ золотыми пуговками, былъ героемъ дня: ему дѣлали подарки, его поздравляли, цѣловали ему руки и съ передняго крыльца, и съ задняго: фабричные, дворовые, старухи и дѣвки; мужики, тѣ больше по старой крѣпостной памяти гудѣли передъ домомъ вокругъ столовъ, уставленныхъ пирогами и штофами съ водкой. — Коля и стыдился, и радовался, и гордился, и робѣлъ, и ластился къ родителямъ, и выбѣгалъ изъ комнаты; а за обѣдомъ Сипягинъ велѣлъ подать шампанскаго, — и прежде чѣмъ выпить за здоровье сына, произнесъ спичъ. Онъ говорилъ о томъ, что значитъ: „служить землѣ“, — и по какой дорогѣ онъ желалъ бы, чтобы пошелъ его Николай!... (онъ именно такъ его назвалъ), — и чего въ правѣ ожидать отъ него: во-первыхъ, семья, — во вторыхъ, сословіе, общество; въ-третьихъ, народъ — да, милостивые государи, народъ, — и въ четвертыхъ — правительство! Постепенно возвышаясь, Сипягинъ достигъ наконецъ истиннаго краснорѣчія, причемъ, на подобіе Роберта Пиля,

закладывалъ руку за фалду фрака; пришелъ въ умиленіе отъ слова „наука“, и кончилъ свой спичъ латинскимъ восклицаніемъ: *Laboremus!*, которое тутъ же перевелъ на русскій языкъ. Коля съ бокаломъ въ рукѣ отправился вдоль стола благодарить отца и цѣловаться со всѣми.

Нежданову опять пришлось помѣняться взглядами съ Маріанной... Оба они, вѣроятно, ощущали одно и то же... Но другъ съ другомъ они не говорили.

Впрочемъ, Нежданову все, что онъ видѣлъ, казалось болѣе смѣшнымъ и даже занимательнымъ, нежели досаднымъ или противнымъ; а любезная хозяйка, Валентина Михайловна, являлась ему умной женщиной, которая знаетъ, что разыгрываетъ роль, и въ то же время тайно радуется, что есть другое лицо, тоже умное и догадливое, которое ее постигаетъ... Неждановъ, вѣроятно, самъ не подозрѣвалъ, до какой степени его самолюбіе было польщено ея обхожденіемъ съ нимъ.

На слѣдующій день уроки возобновились, и жизнь побѣжала обычной колеей.

Недѣля прошла незамѣтно... О томъ, что испыталь, что передумалъ Неждановъ, лучше всего мо-

жетъ дать понятіе отрывокъ изъ его письма къ нѣ-
 кому Силину, бывшему его товарищу по гимназiи
 и лучшему его другу. Силинъ этотъ жилъ не въ
 Петербургѣ, а въ отдаленномъ губернскомъ го-
 родѣ у зажиточнаго родственника, отъ котораго
 зависѣлъ вполнѣ. Положеніе его опредѣлилось
 такъ, что ему нечего было и думать когда-ни-
 будь вырваться оттуда; человѣкъ онъ былъ не-
 мощный, робкій и недалкій, но замѣчательно
 чистой души. Политикой онъ не занимался,
 почитывалъ кое-какія книжки, игралъ отъ скуки
 на флейтѣ и боялся барышень. Силинъ страстно
 любилъ Нежданова — сердце у него было вообще
 привязчивое. Ни передъ кѣмъ Неждановъ такъ
 беззавѣтно не высказывался, какъ передъ Вла-
 димиромъ Силинымъ; когда онъ писалъ къ нему,
 ему всегда казалось, что онъ бесѣдуетъ съ су-
 ществомъ близкимъ и знакомымъ — но жиль-
 цомъ другого міра, или съ собственной совѣстью.
 Неждановъ не могъ даже представить себѣ, какъ
 бы онъ снова зажилъ съ Силинымъ по-товари-
 щески, въ одномъ городѣ... Онъ, вѣроятно,
 тотчасъ охладѣлъ бы къ нему: очень мало было
 у нихъ общаго; но писалъ онъ къ нему охотно
 и много — и вполнѣ откровенно. Съ другими
 онъ — на бумагѣ, по крайней мѣрѣ, — все какъ

будто фальшилъ или рисовался; съ Силинымъ — никогда! Плохо владѣя перомъ, Силинъ отвѣчалъ мало, короткими неловкими фразами; но Неждановъ и не нуждался въ пространныхъ отвѣтахъ: онъ зналъ и безъ того, что другъ его поглощаетъ каждое его слово, какъ дорожная пыль брызги дождя, хранить его тайны, какъ святыню — и, затерянный въ глухомъ и безвыходномъ уединеніи, только и живетъ что его жизнью. Никому въ свѣтѣ Неждановъ не говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ нимъ и дорожилъ ими чрезвычайно.

„Ну, дружище, — чистый Владимиръ!“ — такъ писалъ онъ ему, онъ всегда называлъ его чистымъ, и недаромъ! — „поздравь меня: попалъ я на подножный кормъ и могу теперь отдохнуть и собраться съ силами. Я живу на кондиціи у богатаго сановника Сипягина, учу его сынишку, ѣмъ чудесно (я въ жизни такъ не ѣдалъ!), сплю крѣпко, гуляю всласть по прекраснымъ окрестностямъ — а главное: вышелъ на время изъ-подъ опеки петербургскихъ друзей; и хотъ сначала скука грызла лихо, но теперь какъ будто легче стало. Въ скорости придется надѣть извѣстную тебѣ лямку, т.-е. полѣзть въ кузовъ, такъ какъ я назвался груздемъ (меня собственно

затѣмъ и отпустили сюда); но, пока, я могу жить драгоцѣнной животной жизнью, расти въ брюхо — и, пожалуй, стихи сочинять, коли при-спичить охота. Такъ называемыя наблюденія отлагаются до другого времени: имѣніе мнѣ кажется благоустроеннымъ, вотъ только развѣ фабрика подгуляла; отдѣленные по выкупу мужики какіе-то недоступны; нанятые дворовые — ужъ очень все пристойныя фizioноміи. Но мы это разберемъ впослѣдствіи. Хозяева — учтивые, либеральные; баринъ все снисходитъ, все снисходитъ — а то вдругъ возьметъ и воспарить: преобразованный мужчина! Барыня — писаная красавица и очень должна быть себѣ на умѣ; такъ и караулить тебя, — а ужъ какъ мягка! — Совсѣмъ безкостная! Я ея побаиваюсь; ты вѣдь знаешь, какой я дамскій кавалеръ! — Сосѣди есть — скверные; старуха одна меня притѣсняетъ... Но больше всѣхъ меня занима-етъ одна дѣвушка, родственница-ли, компаньонка-ли, — Господь ее знаетъ! — съ которой я почти двухъ словъ не сказалъ, но въ которой я чувствую своего поля ягоду“...

Тутъ слѣдовало описаніе наружности Маріанны — всей ея повадки; а потомъ онъ продолжалъ:

„Что она несчастна, горда, самолюбива, скрытна, а главное, несчастна, — это для меня не подлежит сомнѣнію. Почему она несчастна, — этого я до сихъ поръ еще не знаю. Что она натура честная, — это мнѣ ясно; добра ли она, — это еще вопросъ. Да и существуютъ ли вполнѣ добрыя женщины — если онѣ не глупы? И нужно ли это? Впрочемъ, я женщинъ вообще мало знаю. Хозяйка ее не любитъ... И она ей платитъ тѣмъ же... Но кто изъ нихъ правъ, — неизвестно. Я полагаю, что скорѣй хозяйка не права... такъ какъ ужъ очень она вѣжлива съ нею; а у *той* даже брови нервически подергиваются, когда она говоритъ съ своей патроншей. Да; очень она нервическое существо; это тоже по моей части. И *вывихнута* она также, какъ я, — хотя вѣроятно не однимъ и тѣмъ же манеромъ.

„Когда все это немножко распутается, — напишу тебѣ...

„Она со мной почти никогда не бесѣдуетъ, какъ я уже сказалъ тебѣ; но въ немногихъ ея словахъ, ко мнѣ обращенныхъ — (всегда внезапно и неожиданно) — звучитъ какая-то жесткая откровенность... Мнѣ это пріятно.

„Кстати, что родственникъ твой все еще

• держать тебя на сухояденіи — и не собирается умирать?

• „Читалъ ли ты въ „Вѣстникѣ Европы“ статью о послѣднихъ самозванцахъ въ Оренбургской губерніи? Въ 34-мъ году это происходило, братъ! Журналъ я этотъ не люблю — и авторъ — консерваторъ; но вещь интересная, и можетъ навести на мысли“...

IX.

Май уже перевалился за вторую половину; стояли первые жаркіе лѣтніе дни. — Окончивъ урокъ исторіи, Неждановъ отправился въ садъ, а изъ сада перешелъ въ березовую рощу, которая примыкала къ нему съ одной стороны. — Часть этой рощи свели купцы лѣтъ пятнадцать тому назадъ; по всѣмъ вырубленнымъ мѣстамъ засѣлъ сплошной березнякъ. Нѣжно-матовыми серебряными столбиками, съ сѣроватыми поперечными кольцами, стояли частые стволы деревьевъ; мелкіе листья ярко и дружно зеленѣли, словно кто ихъ вымылъ и лакъ на нихъ навелъ; весенняя травка пробивалась острыми язычками сквозь ровный слой прошлогодней темно-палевой листвы. Всю рощу прорѣзали узкія дорожки; желтоносые черные дрозды съ внезапнымъ кри-

комъ, словно испуганные, перелётывали черезъ эти дорожки, низко, надъ самой землей, — и бросались въ чащу, сломя голову. Погулявши съ полчаса, Неждановъ присѣлъ наконецъ на срубленный пень, окруженный сѣрыми, старыми щепками: онѣ лежали кучкой такъ, какъ упали, отбитыя когда-то топоромъ. Много разъ ихъ покрывалъ зимній снѣгъ — и сходилъ съ нихъ весною, — и никто ихъ не трогалъ. Неждановъ сидѣлъ спиною къ сплошной стѣнѣ молодыхъ березъ, въ густой, но короткой тѣни; онъ не думалъ ни о чемъ, онъ отдавался весь тому особенному весеннему ощущенію, къ которому — и въ молодомъ, и въ старомъ сердцѣ всегда примѣшивается грусть... взволнованная грусть ожиданія — въ молодомъ, неподвижная грусть сожалѣнія — въ старомъ...

Нежданову вдругъ слышался шумъ приближавшихся шаговъ.

То шелъ не одинъ человѣкъ — и не мужикъ въ лаптяхъ или тяжелыхъ сапогахъ — и не боконогая баба. Казалось, двое шли не спѣша, мѣрно... Женское платье прошуршало слегка...

Вдругъ раздался глухой голосъ, голосъ мужчины:

— Итакъ, это ваше послѣднее слово? Никогда?

— Никогда! — повторилъ другой, женскій голосъ, показавшійся Нежданову знакомымъ — и мгновеніе спустя, изъ-за угла дорожки, огибавшей въ этомъ мѣстѣ молодой березнякъ — выступила Маріанна въ сопровожденіи человѣка смуглаго, черноглазаго, котораго Неждановъ до того мгновенія не видалъ.

Оба остановились, какъ вкопанные, при видѣ Нежданова; — а онъ до того удивился, что даже не поднялся съ пня, на которомъ сидѣлъ... Маріанна покраснѣла до корней волосъ — но тотчасъ же презрительно усмѣхнулась... Къ кому относилась эта усмѣшка — къ ней самой за то, что она покраснѣла — или къ Нежданову?... А спутникъ ея нахмурилъ свои густыя брови — и сверкнулъ желтоватыми бѣлками безпокойныхъ глазъ. Потомъ онъ переглянулся съ Маріанной — и оба, повернувшись спиною къ Нежданову, пошли прочь, молча, не прибавляя шагу, между тѣмъ какъ онъ провожалъ ихъ изумленнымъ взоромъ.

Полчаса спустя, онъ вернулся домой, въ свою комнату — и когда, призванный завываньями гонга, вошелъ въ гостиную, онъ увидалъ въ ней

того самага черномазаго незнакомца, который наткнулся на него въ рощѣ. Сипягинъ подвелъ къ нему Нежданова и представилъ его, какъ своего beau-frère'a, брата Валентины Михайловны — Сергѣя Михайловича Маркелова.

— Прошу васъ, господа, любить другъ друга и жаловать! — воскликнулъ Сипягинъ съ столь свойственной ему величественно-привѣтной и въ то же время разсѣянной улыбкой.

Маркеловъ отвѣсилъ безмолвный поклонъ; Неждановъ отвѣчалъ таковымъ же... а Сипягинъ, слегка закидывая назадъ свою небольшую головку и подергивая плечами, отошелъ въ сторону: — „Я, молъ, васъ свелъ, а будете ли вы точно любить и жаловать другъ друга — это для меня довольно индифферентно!“

Тогда Валентина Михайловна приблизилась къ неподвижно-стоявшей четѣ, снова представила ихъ другъ другу — и съ особенной, ласковой свѣтлостью взгляда, которая, словно по командѣ, прилиwała къ ея чудеснымъ глазамъ, заговорила съ братомъ.

— Что́ это, cher Serge, ты насъ совсѣмъ забываешь! Даже на именины Коли не пріѣхалъ. Или занятій у тебя такъ много накопилось? — Онъ со своими крестьянами какіе-то новые по-

рядки заводитъ, — обратилась она къ Нежданову — преоригинальные: имъ три четверти всего — а себѣ одну четверть; и то онъ еще находитъ, что много ему достается.

— Сестра любитъ шутить, — обратился въ свою очередь Маркеловъ къ Нежданову: — но я готовъ съ ней согласиться, что *одному* человѣку взять четверть того, что принадлежитъ цѣлой *сотнѣ*, — дѣйствительно много.

— А вы, Алексѣй Дмитричъ, замѣтили, что я люблю шутить? — спросила Сипягина все съ тою же ласковой мягкостью и взора, и голоса.

Неждановъ не нашелся, что отвѣтить; — а тутъ доложили о приѣздѣ Калломѣйцева. Хозяйка пошла къ нему на встрѣчу, — и нѣсколько минутъ спустя, дворецкій появился и пѣвучимъ голосомъ провозгласилъ, что — кушанье готово.

За обѣдомъ Неждановъ невольно все посматривалъ на Маріанну и на Маркелова. — Они сидѣли рядомъ, оба съ опущенными глазами, со стиснутыми губами, съ сумрачнымъ и строгимъ, почти озлобленнымъ выраженіемъ лица. Неждановъ особенно дивился тому: какимъ образомъ могъ Маркеловъ быть братомъ Сипягиной? Такъ мало сходства замѣчалось между ними. — Одно развѣ: у обоихъ кожа была смуглая; но у Ва-

лентины Михайловны матовый цвѣтъ лица, рукъ и плечей составлялъ одну изъ ея прелестей... у ея брата онъ переходилъ въ ту черноту, которую вѣжливые люди величаютъ бронзой, но которая русскому глазу напоминаетъ — голеніще. Волосы Маркеловъ имѣлъ курчавые, носъ нѣсколько крючковатый, губы крупныя, впалыя щеки, втянутый животъ и жилистыя руки. Весь онъ былъ жилистый, сухой, — и говорилъ мѣднымъ, рѣзкимъ, отрывочнымъ голосомъ. Сонный взглядъ — угрюмый видъ, — какъ есть желчевикъ! Онъ ѣлъ мало, больше каталъ шарики изъ хлѣба — и лишь изрѣдка вскидывалъ глазами на Калломѣйцева, который только-что вернулся изъ города, гдѣ видѣлъ губернатора — по не совсѣмъ пріятному для него, Калломѣйцева, дѣлу, о которомъ онъ впрочемъ тщательно умалчивалъ, — и заливался соловьемъ.

Сипягинъ, по прежнему, осаживалъ его, когда онъ черезъ-чуръ заносился, но много смѣялся его анекдотамъ и бон-мо, хотя и находилъ — „qu'il est un affreux réactionnaire“. Калломѣйцевъ увѣрялъ, между прочимъ, что пришелъ въ совершенный восторгъ отъ названія, которое мужики — oui, oui! les simples mougiks — даютъ адвокатамъ. „Брехунцы! брехунцы!“ —

повторялъ онъ съ восхищеніемъ: — *se peuple russe est délicieux!* — Потомъ онъ разсказалъ, какъ, посѣтивъ однажды народную школу, онъ поставилъ ученикамъ вопросъ: Что есть строфокамиль? — И такъ какъ никто не умѣлъ отвѣтить, ни даже самъ учитель, то онъ, Калломѣйцевъ, поставилъ другой вопросъ: Что есть пиѳикъ? — причемъ привелъ стихъ Хемницера: „И Пиѳикъ слабоумъ писатель звѣрскихъ лицъ!“ — И на это ему никто не отвѣтилъ. — Вотъ вамъ и народныя школы!

— Но позвольте, — замѣтила Валентина Михайловна, — я сама не знаю, что это за звѣри такіе?

— Сударыня! воскликнулъ Калломѣйцевъ, — вамъ этого и не нужно знать!

— А для чего же это народу нужно?

— А для того, что лучше ему знать пиѳика и строфокамила, — чѣмъ какого-нибудь Прудона — или даже Адама Смита!

Но тутъ Сипягинъ снова осадилъ Калломѣйцева, объявивъ, что Адамъ Смитъ — одно изъ свѣтилъ человѣческой мысли, и что было бы полезно всасывать его принципы... (онъ налилъ себѣ рюмку шато д'икему)... вмѣстѣ съ молокомъ... (онъ провелъ у себя подъ носомъ и

понюхалъ вино)... матери! — Онъ проглотилъ рюмку. Калломѣйцевъ тоже выпилъ и похвалилъ вино.

Маркеловъ не обращалъ особеннаго вниманія на разглагольствованія петербургскаго камеръ-юнкера, но раза два вопросительно посмотрѣлъ на Нежданова и, подбросивъ хлѣбный шарикъ, чуть-было не попалъ имъ прямо въ носъ красно-рѣчивому гостю...

Сипягинъ оставлялъ своего зятя въ покоѣ; Валентина Михайловна также не заговаривала съ нимъ; — видно было, что они оба, и мужъ и жена, привыкли считать Маркелова за чудака, котораго лучше не задирать.

Послѣ обѣда Маркеловъ отправился въ бильярдную курить трубку — а Неждановъ пошелъ въ свою комнату. — Въ корридорѣ онъ наткнулся на Маріанну. Онъ хотѣлъ-было пройти мимо... она остановила его рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Г-нъ Неждановъ, — заговорила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ, — мнѣ, по настоящему, должно быть все равно, что вы обо мнѣ ни думаете; но я все-таки полагаю... я полагаю... (она не находила слова)... Я полагаю умѣстнымъ сказать вамъ, что когда вы встрѣ-

тили сегодня въ рошѣ меня съ г-мъ Маркеловымъ... Скажите, вы, вѣроятно, подумали, отчего это они оба смутились и зачѣмъ это они пришли сюда, — словно на свиданіе?

— Мнѣ дѣйствительно показалось немного страннымъ... началъ-было Неждановъ.

— Г-нъ Маркеловъ, — подхватила Маріанна, — сдѣлалъ мнѣ предложеніе; — и я ему отказала. Вотъ все, что я имѣла сказать вамъ; за симъ — прощайте. И думайте обо мнѣ, что хотите.

Она быстро отвернулась и пошла скорыми шагами по корридору.

Неждановъ вернулся къ себѣ въ комнату — и присѣвъ передъ окномъ, задумался. — Что за странная дѣвушка — и къ чему эта дикая выходка, эта непрошенная откровенность? Что это такое — желаніе пооригинальничать — или просто фразерство — или гордость? Вѣрнѣе всего, что гордость. Ей не въ терпежъ малѣйшее подозрѣніе... Она не выноситъ мысли, что другой ложно судить о ней. — Странная дѣвушка!

Такъ размышлялъ Неждановъ; а внизу на террасѣ шелъ разговоръ о немъ; — и онъ очень хорошо все слышалъ.

— Чуетъ мой носъ, увѣрялъ Калломѣйцевъ — чуетъ, что это — красный. Я, еще въ бытность мою чиновникомъ по особымъ порученіямъ у московскаго генераль-губернатора — *avec Ladislas* — наострился на этихъ господъ — на красныхъ, да вотъ еще на раскольниковъ. Чутьемъ, бывало, беру, верхнимъ. — Тутъ Калломѣйцевъ „кстати“ разсказалъ, какъ онъ однажды, въ окрестностяхъ Москвы, поймалъ за *каблукъ* старика-раскольника, на котораго нагрянулъ съ полиціей и „который едва было не выскочилъ изъ окна избы... И такъ до той минуты смирно сидѣлъ на лавкѣ, бездѣльникъ!“

Калломѣйцевъ забылъ прибавить, что этотъ самый старикъ, посаженный въ тюрьму, отказался ото всякой пищи — и уморилъ себя голодомъ.

— А вашъ новый учитель, продолжалъ ретивый камеръ-юнкеръ — красный, непременно! Обратили-ли вы вниманіе на то, что онъ никогда первый не кланяется?

— Да зачѣмъ же онъ станетъ первый кланяться? — замѣтила Сипягина; — мнѣ это, напротивъ, въ немъ нравится.

— Я гость въ домѣ, гдѣ онъ служитъ, — воскликнулъ Калломѣйцевъ — да, да, служитъ, за

деньги, comme un salarié... Стало быть, я ему старшій. — И онъ *долженъ* мнѣ кланяться первый.

— Вы очень взыскательны мой любезнѣйшій,
— вмѣшался Сипягинъ, съ удареніемъ: на *тѣй*;
— все это пахнетъ, извините, чѣмъ-то весьма отсталымъ. Я купилъ его услуги, его работу, но онъ остался человѣкомъ свободнымъ.

— Узды онъ не чувствуетъ, — продолжалъ Калломѣйцевъ — узды: *le frein!* Всѣ эти красные — таковы. Говорю вамъ: у меня на нихъ носъ чудный! — Вотъ развѣ Ladislav со мной — въ этомъ отношеніи — потягаться можетъ! — Попадись онъ мнѣ, этотъ учитель, въ руки, — я бы его подтянулъ! Я бы его вотъ какъ подтянулъ! Онъ бы у меня запѣлъ другимъ голосомъ; — и какъ бы шапку ломать передо мной сталъ... прелесть!

— Дрянъ, хвастунишка! — чуть-было не закричалъ сверху Неждановъ... Но въ это мгновеніе дверь его комнаты растворилась — и въ нее, къ немалому изумленію Нежданова, — вошелъ Маркеловъ.

Х.

Неждановъ приподнялся съ своего мѣста ему навстрѣчу — а Маркеловъ прямо подошелъ къ

нему и, безъ поклона и безъ улыбки, спросилъ его: точно ли онъ Алексѣй Дмитріевъ Неждановъ, студентъ с.-петербургскаго университета?

— Да... точно; — отвѣчалъ Неждановъ.

Маркеловъ досталъ изъ бокового кармана распечатанное письмо. — Въ такомъ случаѣ — прочтите это. Отъ Василія Николаевича, — прибавилъ онъ, значительно понизивъ голосъ.

Неждановъ развернулъ и прочелъ письмо. Это было нѣчто въ родѣ полу-оффиціальнаго циркуляра, въ которомъ податель, Сергѣй Маркеловъ, рекомендовался, какъ одинъ изъ „нашихъ“, вполнѣ заслуживавшихъ довѣрія; далѣе слѣдовало наставленіе о безотлагательной необходимости взаимнодѣйствія, о распространеніи извѣстныхъ правилъ. Циркуляръ былъ между прочимъ адресованъ и Нежданову, тоже какъ вѣрному человѣку.

Неждановъ протянулъ руку Маркелову, попросилъ его сѣсть и самъ опустился на стулъ. Маркеловъ началъ съ того, что, ни слова не говоря, закурилъ папиросу. Неждановъ послѣдовалъ его примѣру.

— Вы съ здѣшними крестьянами уже успѣли сблизиться? — спросилъ наконецъ Маркеловъ.

— Нѣтъ; пока еще не успѣлъ.

— Да вы давно ли сюда прибыли?

— Скоро двѣ недѣли будетъ.

— Занятій много?

— Не слишкомъ.

— Маркеловъ угрюмо кашлянулъ.

— Гмъ! Народъ здѣсь довольно пустой, — продолжалъ онъ; — темный народъ. Поучать надо. Бѣдность большая — а растолковать некому, отчего эта самая бѣдность происходитъ.

— Бывшіе мужики вашего зятя, сколько можно судить, не бѣдствуютъ — замѣтилъ Неждановъ.

— Зять мой — хитрецъ; глаза отводить — мастеръ. Крестьяне здѣшніе — точно ничего: но у него есть фабрика. Вотъ гдѣ нужно стараніе приложить. Тутъ только копѣй: что въ муравьиной кучкѣ, сейчасъ заворошатся. — Книжки у васъ съ собою есть?

— Есть... да немного.

— Я вамъ доставлю. Какъ же это вы такъ!

Неждановъ ничего не отвѣчалъ. Маркеловъ тоже умолкъ и только дымъ пускалъ ноздрями.

— Какой однако мерзавецъ этотъ Калломѣйцевъ, — промолвилъ онъ вдругъ. — Я за обѣдомъ думалъ: встать, подойти къ этому барину — и расшибить въ прахъ всю его нахальную физіо-

номію, чтобы другимъ повадно не было. Да нѣтъ! Теперь есть дѣла поважнѣе, чѣмъ бить камеръ-юнкеровъ. — Теперь не время сердиться на дураковъ за то, что они говорятъ глупыя слова; теперь время мѣшать имъ глупыя дѣла дѣлать.

Неждановъ качнулъ головой утвердительно — а Маркеловъ опять принялся за папироску.

— Тутъ между всей этой дворовой челядью есть одинъ малый дѣльный — началъ онъ снова; — не слуга вашъ Иванъ... это — рыба какая-то; а другой... ему имя Кирилль, онъ при буфетѣ (Кирилль этотъ былъ извѣстенъ, какъ горькій пьяница). — Вы обратите на него вниманіе. Забубенная голова... да вѣдь намъ деликатничать не приходится. А что вы объ моей сестрѣ скажете? — прибавилъ онъ, внезапно поднявъ голову и уставивъ свои желтые глаза на Нежданова. — Эта еще похитрѣе будетъ, чѣмъ мой зятѣкъ. Какъ вы объ ней полагаете?

— Я полагаю, что она очень пріятная и любезная дама... И къ тому же она очень красива.

— Гмъ! Какъ это вы, господа, въ Петербургѣ тонко выражаетесь... Удивляюсь! — Ну... а на счетъ... началъ-было онъ, но вдругъ насупился, потемнѣлъ въ лицѣ и не докончилъ начатой

фразы. — Намъ, я вижу, надо съ вами хорошенько потолковать, — заговорилъ онъ опять. — Здѣсь невозможно. Чортъ ихъ знаетъ! Подъ дверьми, пожалуй, подслушиваютъ. Знаете ли, что я вамъ предлагаю? Сегодня суббота, завтра вы, чай, моему племяннику уроковъ не даете? ... Не правда ли?

— У меня завтра съ нимъ репетиція въ три часа.

— Репетиція? Точно въ театрѣ. Это, должно быть, моя сестрица такія слова выдумываетъ. Ну, все равно. Хотите? Поѣдемте сейчасъ ко мнѣ. Моя деревня отсюда въ десяти верстахъ. Лошади у меня хорошія: сомчатъ духомъ — вы у меня переночуете, проведете утро — а завтра къ тремъ часамъ я васъ обратно доставлю. Согласны?

— Извольте, — промолвилъ Неждановъ. — Съ самаго прихода Маркелова онъ находился въ возбужденномъ и стѣсненномъ состояніи. — Внезапное сближеніе съ нимъ его смущало; и въ то же время его влекло къ нему. — Онъ чувствовалъ, онъ понималъ, что передъ нимъ существо, вѣроятно тупое, но несомнѣнно честное — и сильное. — Къ тому же эта странная встрѣча въ рощѣ, это неожиданное объясненіе Маріанны...

— Ну, и прекрасно! — воскликнул Маркеловъ. — Вы, пока, приготовьтесь; а я пойду, велю заложить тарантасъ. Вѣдь вамъ, я надѣюсь, нечего спрашиваться у здѣшнихъ хозяевъ?

— Я ихъ предувѣдомлю. Безъ этого, я полагаю, мнѣ отлучиться нельзя.

— Я имъ скажу, — подхватилъ Маркеловъ. — Вы не безпокойтесь. — Они теперь дуются въ карты — и не замѣтятъ вашего отсутствія. Мой зять все въ государственные люди метитъ, — а только за нимъ и есть, что въ карты отлично играетъ. Ну, и то сказать: черезъ этотъ фортель многіе выходятъ!... — Такъ будьте готовы. Я сейчасъ распоряжусь.

Маркеловъ удалился; а часъ спустя Неждановъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ на большой кожаной подушкѣ, въ широкомъ, развалистомъ, очень старомъ и очень покойномъ тарантасѣ; приземистый кучерокъ на облучкѣ непрестанно свисталъ какимъ-то удивительно-пріятнымъ, птичьимъ свистомъ; тройка пѣгихъ лошадокъ съ заплетенными черными гривами и хвостами быстро неслась по ровной дорогѣ; и уже застланные первою ночью тѣнью (въ минуту отъѣзда пробило десять часовъ) плавно проносились — иные взадъ, другіе впередъ, смотря по отда-

ленію — отдѣльные деревья, кусты, поля, луга и овраги.

Небольшая деревенька Маркелова (въ ней было всего двѣсти десятинъ и приносила она около 700 р. дохода — звали ее Борзѣнково) находилась въ трехъ верстахъ отъ губернскаго города, отъ котораго имѣніе Сипягина отстояло въ семи верстахъ. — Чтобы поѣхать въ Борзѣнково, надо было проѣхать черезъ городъ. — Не успѣли новые знакомцы обмѣняться и полусотней словъ, — какъ уже замелькали передъ ними дрянные подгородные мѣщанскіе домишки съ продавленными тесовыми крышами, съ тусклыми пятнами свѣта въ перекривленныхъ окошкахъ; а тамъ загремѣли подъ колесами камни губернской мостовой, тарантасъ запрыгалъ, заметался изъ стороны въ сторону... и, подрыгивая при каждомъ толчкѣ, поплыли мимо глупые каменные двухъ-этажные купеческіе дома съ фронтонами, церкви съ колоннами, трактирные заведенія... Дѣло было подъ воскресенье; — на улицахъ уже не было прохожихъ — но въ кабакахъ еще толпился народъ. Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяныя пѣсни, гнусливые звуки гармоникъ; изъ внезапно раскрытыхъ дверей било грязнымъ тепломъ, ѣдкимъ запахомъ спирта,

краснымъ отблескомъ ночниковъ. Почти передъ каждымъ кабакомъ стояли крестьянскія телѣжечѣнки, запряженныя мохнатыми, пузатыми клячами; покорно понуривъ кудластыя головы, онѣ, казалось, спали; растерзанный, распоясанный мужикъ въ пухлой зимней шапкѣ, свѣсившейся мѣшкомъ на затылокъ, выходилъ изъ кабака — и, прислонившись грудью къ оглоблямъ, пребывалъ недвижимъ, что-то слабо ощупывая и разводя и шаря руками: или худощавый фабричный въ картузѣ на бекрень, съ выпущенной китайчатой рубахой и босой — сапоги-то остались въ заведеніи — дѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, останавливался, чесалъ спину — и, внезапно ахнувъ, возвращался вснять...

— Одолѣваетъ вино русскаго человѣка! — сумрачно замѣтилъ Маркеловъ.

— Съ горя, батюшка Сергѣй Михайловичъ! — промолвилъ, не оборачиваясь, кучеръ, который передъ каждымъ кабакомъ переставалъ свистать и словно въ себя углублялся.

— Пошелъ! пошелъ! — отвѣтилъ Маркеловъ, съ сердцемъ потрясая воротникомъ шинели. Тарантасъ перебрался черезъ обширную базарную площадь, всю провонявшую капустой и рогожей, миновалъ губернаторскій домъ съ пестрыми буд-

ками у воротъ, частный домъ съ башней, бульваръ съ только-что посаженными и уже умиравшими деревцами, гостиный дворъ, наполненный собачьимъ лаемъ и лязгомъ цѣпей — и, понемногу выбравшись за заставу, обогнавъ длинный, длинный обозъ, выступившій въ путь по холодку — снова очутился въ вольномъ загородномъ воздухѣ, на большой, вербами обсаженной дорогѣ — и снова покатишь шибче и ровнѣй.

Маркеловъ — надо же сказать о немъ нѣсколько словъ — былъ шестью годами старше своей сестры, Сипягиной. Воспитывался онъ въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по непріятности съ командиромъ — нѣмцемъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ. Отставка разсорила его съ отцомъ, съ которымъ онъ такъ и не видѣлся до самой его смерти; а унаследовавъ отъ него деревеньку, поселился въ ней. Въ Петербургѣ онъ часто сходилъ съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ; они окончательно опредѣлили его образъ мыслей. Читалъ Маркеловъ немного — и больше все книги, идущія къ дѣлу: — Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ

военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку; но та измѣнила ему самымъ безцеремоннымъ манеромъ и вышла за адъютанта — тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ возненавидѣлъ также и адъютантовъ. Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллеріи — но у него не было никакого таланта изложенія: — ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца — и все-таки продолжалъ списывать большіе листы сѣрой бумаги, своимъ крупнымъ, неуклюжимъ, истинно-дѣтскимъ почеркомъ. Маркеловъ былъ человѣкъ упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умѣвшій ни прощать, ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всѣхъ угнетенныхъ — и на все готовый. Его ограниченный умъ билъ въ одну и ту же точку: чего онъ не понималъ — то для него не существовало; но презиралъ онъ и ненавидѣлъ фальшь и ложь. Съ людьми высшаго полѣта, съ „реактами“, какъ онъ выражался, онъ былъ крутъ и даже грубъ; съ народомъ — простъ; съ мужикомъ обходительнъ, какъ съ своимъ братомъ. Хозяинъ онъ былъ посредственный: у него въ головѣ вертѣлись разные соціалистическіе планы, которые

онъ такъ же не могъ осуществить, какъ не умѣлъ закончить начатыхъ статей о недостаткахъ артиллеріи. Ему вообще не везло — никогда и ни въ чемъ: въ корпусѣ онъ носилъ названіе „неудачника“. Человѣкъ искренній, прямой, натура страстная и несчастная, онъ могъ, въ данномъ случаѣ, оказаться безжалостнымъ, кровожаднымъ, заслужить названіе изверга — и могъ такъ же пожертвовать собою, безъ колебанія и безъ возврата.

Тарантасъ, на третьей верстѣ отъ города, внезапно вѣхалъ въ мягкій мракъ осинової рощи, съ шорохомъ и трепетаніемъ незримыхъ листьевъ, съ свѣжей горечью лѣсного запаха, съ неясными прѣсвѣтами вверху — съ перепутанными тѣнями внизу. Луна уже встала на небосклонѣ, красная и широкая, какъ мѣдный щитъ. Вынырнувъ изъ-подъ деревьевъ, тарантасъ очутился передъ небольшою, помѣщичьей усадьбой. Три освѣщенныхъ окна яркими четырех-угольниками выступали на переднемъ фасѣ низенькаго дома, заслонившаго собою дискъ луны; настежь раскрытыя ворота, казалось, не запирались никогда. На дворѣ, въ полумракѣ, виднѣлась высокая кибитка, съ привязанными сзади къ балчуку двумя бѣлыми ямскими ло-

шадьми; два щенка, тоже бѣлыхъ, выскочили откуда-то и залились пронзительнымъ, но не злобнымъ лаемъ. Въ домѣ зашевелились люди — тарантасъ подкатилъ къ крыльцу — и съ трудомъ вылѣзая и отыскивая ногою желѣзную подножку, придѣланную, какъ водится, доморощеннымъ кузнецомъ на самомъ неудобномъ мѣстѣ, — Маркеловъ сказалъ Нежданову:

— Вотъ мы и дома — и вы найдете здѣсь гостей, которыхъ знаете хорошо — но никакъ не ожидаете встрѣтить. — Пожалуйста!

XI.

Этими гостями оказались наши старинные знакомые, Остродумовъ и Машурина. Оба сидѣли въ небольшой, крайне-плохо убранной гостиной Маркеловскаго дома — и при свѣтѣ керосиновой лампы пили пиво и курили табакъ. Они не удивились прибытію Нежданова; они знали, что Маркеловъ намѣревался привезти его съ собою — но Неждановъ очень удивился имъ. Когда онъ вошелъ, Остродумовъ промолвилъ: „здравствуй, братъ!“ — и только; Машурина сперва побагровѣла вся — потомъ протянула руку. Маркеловъ объяснилъ Нежданову, что Остродумовъ и Машурина присланы по „общему

дѣлу“, которое теперь скоро должно осуществиться; что они съ недѣлю тому назадъ выѣхали изъ Петербурга; что Остродумовъ остается въ С—й губерніи для пропаганды — а Машурина ѣдетъ въ К. для свиданія съ однимъ человѣкомъ.

Маркеловъ внезапно раздражился, хотя никто ему не противорѣчилъ; — сверкая глазами, кусая усы, онъ началъ говорить взволнованнымъ, глухимъ, но отчетливымъ голосомъ о совершаемыхъ безобразіяхъ, о необходимости безотлагательнаго дѣйствія, о томъ, что въ сущности все готово — и мѣшкать могутъ одни трусы; что нѣкоторая насильственность необходима, какъ ударъ ланцета по нарыву, какъ бы зрѣлъ этотъ нарывъ ни былъ! Онъ нѣсколько разъ повторилъ это сравненіе съ ланцетомъ: оно ему очевидно нравилось — онъ его не придумалъ, а вычиталъ гдѣ то. — Казалось, что, потерявъ всякую надежду на взаимность со стороны Маріанны — онъ уже ничего не жалѣлъ, а только думалъ о томъ, какъ бы приняться поскорѣй „за дѣло“. Онъ говорилъ, точно топоромъ рубилъ, безо всякой хитрости, рѣзко, просто и злобно: слова однообразно и вѣско выскакивали одно за другимъ изъ поблѣднѣвшихъ его губъ, напоминая отрывистый лай строгой и старой дворовой со-

баки. Онъ говорилъ о томъ, что хорошо знаетъ окрестныхъ мужиковъ, фабричныхъ — и что есть между ними дѣльные люди, — какъ, напр.: голопѣцкій Еремѣй — которые сію минуту пойдутъ на что угодно. Этотъ голоплѣцкій Еремѣй, Еремѣй изъ деревни Голоплѣкъ, безпрестанно приходилъ ему на языкъ. Черезъ каждая десять словъ онъ ударялъ правой рукою — не ладонью, а ребромъ руки — по столу; а лѣвой тыкалъ въ воздухъ, отдѣливъ указательный палецъ. — Эти волосатая, сухія руки, этотъ палецъ, этотъ гудѣвшій голосъ, эти пылавшіе глаза производили впечатлѣніе сильное. Въ теченіи дороги Маркеловъ съ Неждановымъ говорилъ мало; въ немъ желчь накоплялась... но тутъ его прорвало. — Машурина и Остродумовъ одобряли его улыбкой, взоромъ, иногда короткимъ восклицаніемъ; а съ Неждановымъ произошло нѣчто странное. Сперва онъ пытался возражать; упомянулъ о вредѣ поспѣшности, прежде-временныхъ, необдуманыхъ поступковъ; главное — онъ дивился тому, что какъ это ужъ такъ все рѣшено — и сомнѣній нѣтъ — и не для чего ни справляться съ обстоятельствами, ни даже стараться узнать, чего собственно хочетъ народъ?... Но потомъ всѣ нервы его натянулись

какъ струны — затрепетали — и онъ съ какимъ-то отчаяніемъ, чуть не со слезами ярости на глазахъ, съ прорывавшимся крикомъ въ голосъ, принялся говорить въ томъ же духъ, какъ и Маркеловъ, пошелъ даже дальше, чѣмъ тотъ. — Что побудило его къ этому — сказать трудно: раскаяніе ли въ томъ, что онъ какъ будто ослабѣлъ въ послѣднее время, досада ли на себя и на другихъ, потребность ли заглушить какой-то внутренній червь, желаніе ли, наконецъ, показать себя передъ новопривывшими эмиссарами... — или слова Маркелова точно по-дѣйствовали на него, зажгли въ немъ кровь? До самой зари продолжалась бесѣда; Остродумовъ и Машурина не вставали съ своихъ стульевъ — а Маркеловъ и Неждановъ не садились. Маркеловъ стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, ни дать, ни взять часовой; а Неждановъ все расхаживалъ по комнатѣ — неровными шагами, то медленно, то торопливо. Говорили о предстоявшихъ мѣрахъ и средствахъ, о роли, которую каждый долженъ былъ взять на себя — разбирали и связывали въ пачки разныя книжонки и отдѣльные листы; упомянули о купцѣ изъ раскольниковъ, нѣкоемъ Голушкинѣ, весьма надежномъ, хотя и необразованномъ человѣкѣ, о мо-

лодомъ пропагандистъ Кисляковъ, который очень-моль знающъ, но уже черезъ-чуръ юрокъ и слишкомъ высокаго мнѣнія о собственныхъ талантахъ; произнесли такъ же имя Соломина...

— Это тотъ, что бумагопрядильной фабрикой завѣдываетъ? спросилъ Неждановъ — вспомнивъ сказанное о немъ за столомъ у Сипягиныхъ.

— Онъ самый и есть, — промолвилъ Маркеловъ; — надо вамъ съ нимъ познакомиться; мы его еще не раскусили — но дѣльный, дѣльный человѣкъ.

Еремѣй изъ Голоплѣкъ опять явился на сцену. Къ нему присоединился Сипягинскій Кирилло — и еще какой-то Менделѣй, по прозвищу Дутикъ; только на этого Дутика положиться было трудно: въ трезвомъ видѣ храбръ — а въ пьяномъ трусливъ; и почти всегда пьянъ бываетъ.

— Ну, а собственно изъ вашихъ людей? — спросилъ Неждановъ Маркелова: — есть на кого положиться?

Маркеловъ отвѣчалъ, что есть; однако ни одного изъ нихъ не назвалъ по имени — и пустился толковать о городскихъ мѣщанахъ и семинаристахъ, которые были, впрочемъ, болѣе полезны тѣмъ, что очень крѣпки тѣлесной силой — и ужъ какъ примутся дѣйствовать кулаками

— такъ ужъ ну! — Неждановъ полюбопытствовалъ на счетъ дворянъ. Маркеловъ отвѣчалъ ему, что есть человѣкъ пять-шесть изъ молодыхъ — одинъ изъ нихъ даже нѣмецъ — и самый радикальный; только извѣстное дѣло: на нѣмца разсчитывать нечего... какъ разъ надуетъ или продастъ! — Да вотъ надо подождать, какія свѣдѣнія доставитъ Кисляковъ. — Неждановъ полюбопытствовалъ также на счетъ военныхъ. Тутъ Маркеловъ запнулся, подергалъ свои длинные бакенбарды и объявилъ наконецъ, что ничего — пока — рѣшительнаго нѣтъ... вотъ развѣ что Кисляковъ откроетъ.

— Да кто такое этотъ Кисляковъ? — нетерпѣливо воскликнулъ Неждановъ.

Маркеловъ значительно усмѣхнулся и сказалъ, что это человѣкъ... такой человѣкъ...

— Я его, впрочемъ, знаю мало, — прибавилъ онъ: — всего два раза съ нимъ видѣлся; но какія письма этотъ человѣкъ пишетъ, какія письма!! Я вамъ покажу... Вы удивитесь! просто — огонь! И какая дѣятельность! Разъ пять или шесть всю Россію вдоль и поперекъ проскакалъ... и съ каждой станціи письмо въ десять — двѣнадцать страницъ!!

Неждановъ вопросительно посмотрѣлъ на

Остродумова; но тотъ сидѣлъ какъ истуканъ и даже бровью не шевельнулъ; а Машурина сложила губы въ горькую усмѣшку — и тоже — хоть бы чукнула! Неждановъ вздумалъ-было поразспросить Маркелова на счетъ его преобразованій въ соціальномъ духѣ, — по хозяйству... но тутъ Остродумовъ вмѣшался.

— Къ чему объ этомъ толковать теперь? — замѣтилъ онъ: — все равно — надо будетъ все потомъ передѣлать.

Разговоръ возвратился опять на политическую почву. Тайный внутренній червь продолжалъ точить и грызть Нежданова; но чѣмъ эта грызъ была сильнѣй, тѣмъ громче и безповоротнѣе говорилъ онъ. — Онъ выпилъ всего одинъ стаканъ пива; но ему отъ времени до времени казалось, что онъ совсѣмъ опьянѣлъ — и голова его кружилась, и сердце стучало съ болѣзненной потяготой. Когда же, наконецъ, въ четвертомъ часу ночи пренія прекратились и собесѣдники, минуя спавшаго въ передней казачка, разбрелись по своимъ угламъ, Неждановъ, прежде чѣмъ лѣгъ въ постель, долго стоялъ неподвижно, вперивъ глаза передъ собою въ полъ. Ему чудился постоянный, горестный, душу щемившій звукъ во всемъ, что произносилъ Маркеловъ: самолюбіе

этого человѣка не могло не быть оскорбленнымъ, онъ *долженъ* былъ страдать, его надежды на личное счастье рушились, — и однако какъ онъ себя забывалъ, какъ отдавался тому, что признавалъ за истину! Ограниченный субъектъ, думалось Нежданову... Но не во сто ли разъ лучше быть такимъ ограниченнымъ субъектомъ, чѣмъ такимъ... такимъ, какимъ я, наприимѣръ, чувствую себя?!

Но тутъ онъ возмущился противъ собственнаго уничиженія.

„Почему же такъ? Развѣ я тоже не сумѣю собою пожертвовать? Погодите, господа... И ты, Паклинъ, убѣдишься со временемъ, что я, хоть и эстетикъ, хоть и пишу стихи“...

Онъ сердито вскинулъ волосы рукою, скрипнулъ зубами и, торопливо сдернувъ съ себя одежду, бросился въ холодную и сырую постель.

— Спокойной ночи! — раздался за дверью голосъ Машуриной: — я ваша сосѣдка.

— Прощайте, — отвѣчалъ Неждановъ и тутъ же вспомнилъ, что она въ теченіи вечера не спускала съ него глазъ.

— Чего ей нужно? — шепнулъ онъ про себя — и стыдно ему стало. „Ахъ, хоть бы поскорѣе заснуть!“

Но съ нервами сладить трудно... и солнце стояло уже довольно высоко на небѣ, когда онъ, наконецъ, заснулъ тяжелымъ и безотраднымъ сномъ.

На другое утро онъ всталъ поздно, съ головою болью. Онъ одѣлся, подошелъ къ окну мезонина, въ которомъ находилась его комната — и увидалъ, что у Маркелова собственно и усадьбы не было никакой: флигелекъ его стоялъ на юрѣ, недалеко отъ рощи. Амбарчикъ, конюшня, погребокъ, избушка съ полуобвалившейся соломенной крышей — съ одной стороны; съ другой — крохотный прудъ, огородецъ, коноплянникъ и другая избушка съ такою же крышей; вдали рига, молотильный сарайчикъ и пустое гумно — вотъ и вся „благодать“, представлявшаяся взорамъ. Все казалось бѣднымъ, утлымъ — и не то, чтобы заброшеннымъ или одичалымъ — а такъ-таки никогда не расцвѣтшимъ, какъ плохо принявшееся деревцо. Неждановъ сошелъ внизъ. Машурина сидѣла въ столовой за самоваромъ — и, повидимому, его дожидалась. Онъ узналъ отъ нея, что Остроумовъ уѣхалъ по дѣлу — и раньше двухъ недѣль не вернется; а хозяинъ пошелъ возиться съ батраками. Такъ какъ май уже близился къ

концу, и спѣшныхъ работъ никакихъ не было — то Маркеловъ вздумалъ собственными средствами свести небольшую березовую рощу — и отправился туда съ утра.

Неждановъ чувствовалъ странную усталость на душѣ. Наканунѣ такъ много было говорено о невозможности долѣе медлить, о томъ, что оставалось только „приступить“. Но какъ приступить, къ чему — да еще безотлагательно? — У Машуриной нечего было спрашивать: она не вѣдала колебаній; она не сомнѣвалась въ томъ, что ей нужно было дѣлать — а именно: ѣхать въ К. Дальше она не заглядывала. Неждановъ не зналъ, что сказать ей — и, напившись чаю, надѣлъ шапку и пошелъ по направленію березовой рощи. На дорогѣ ему попались мужики, ѣхавшіе съ навозницы, бывшіе крестьяне Маркелова. Онъ заговорилъ съ ними... толку большого отъ нихъ онъ не добился. Они тоже казались усталыми — но физической, обыкновенной усталостью, нисколько не похожею на то чувство, которое испытывалъ онъ. — Превжній ихъ помѣщикъ, по ихъ словамъ, былъ баринъ простой, только чудаковатый: они пророчили ему разореніе — потому: порядковъ не знаетъ и все на свой салтыкъ норовить, не такъ какъ отцы. И

мудренъ тоже бываетъ — не поймешь его, хоть ты что! — а добръ добръ! — Неждановъ отправился дальше и наткнулся на самого Маркелова.

Онъ шелъ, окруженный цѣлой толпою работниковъ; издали можно было видѣть, какъ онъ имъ что-то пояснялъ, толковалъ — а потомъ махнулъ рукой... значить: бросилъ! Рядомъ съ нимъ выступалъ его приказчикъ, малый молодой и подслѣповатый, безо всякой представительности въ осанкѣ. Приказчикъ этотъ безпрестанно повторялъ: „Это какъ будетъ вамъ угодно-сь“ — къ великой досадѣ его начальника, который ожидалъ отъ него больше самостоятельности. Неждановъ подошелъ къ Маркелову — и увидалъ на лицѣ его выраженіе такой же душевной усталости, какую ощущалъ онъ самъ. — Они поздоровались; Маркеловъ тотчасъ заговорилъ — правда вкратцѣ — о вчерашнихъ „вопросахъ“, о близости переворота; но выраженіе усталости не покидало его лица. Онъ былъ весь въ пыли, въ поту; древесныя стружки, зеленныя нити моху прицѣпились къ его платью — голосъ его охрипъ... Окружавшіе его люди помалчивали: они не то трусили, не то посмѣивались... Неждановъ глядѣлъ на Маркелова — и слова

Остродумова снова зазвучали въ его головѣ: „Къ чему это? Все равно — надо будетъ потомъ все передѣлать! „Одинъ провинившійся работникъ началъ упрашивать Маркелова, чтобы тотъ снялъ съ него штрафъ... Маркеловъ сначала разсердился — и закричалъ неистово — а потомъ простилъ... „Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать“... Неждановъ попросилъ у него лошадей и экипажа, чтобы вернуться домой; Маркеловъ словно удивился его желанію, однако отвѣчалъ, что все тотчасъ будетъ готово.

Онъ вернулся домой вмѣстѣ съ Неждановымъ... Онъ на ходу шатался отъ изнеможенія.

— Что съ вами? — спросилъ Неждановъ.

— Измучился!! — свирѣпо проговорилъ Маркеловъ. — Какъ ты съ этими людьми ни толкуй, сообразить они ничего не могутъ — и приказаній не исполняютъ... Даже по-русски ни понимаютъ. — Слово: „участокъ“ имъ хорошо извѣстно... а „участіе“... Что такое: участіе? Не понимаютъ! А вѣдь тоже русское слово, чортъ возьми. — Воображаютъ, что я хочу имъ участскъ дать! (Маркеловъ вздумалъ разъяснить крестьянамъ принципъ ассоціаціи и ввести ее у себя

— а они упирались. — Одинъ изъ нихъ даже сказалъ по этому поводу: „Была яма глубока... а теперь и дна не видать“... что совсѣмъ уничтожило Маркелова).

Вошедши въ домъ, онъ отпустилъ свою свиту — и сталъ распоряжаться на счетъ экипажа и лошадей — и на счетъ завтрака. — Прислуга его состояла изъ казачка, кухарки, кучера и какого-то очень древняго старика съ заросшими ушами, въ длиннополомъ мухояровомъ кафтанѣ, бывшаго камердинера его дѣда. — Этотъ старикъ постоянно, съ глубокой унылостью глядѣлъ на своего барина — а впрочемъ ничего не дѣлалъ — и врядъ ли былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь; но присутствовалъ неотлучно, прикурнувъ на рундучкѣ.

Позавтракавши яйцами въ крутую, кильками и окрошкой (горчицу подалъ казачокъ въ старой помадной банкѣ, уксусъ въ одеколонной стеклянкѣ). — Неждановъ сѣлъ въ тотъ же самый тарантасъ, въ которомъ пріѣхалъ наканунѣ: но вмѣсто трехъ лошадей ему заложили только двухъ: третью заковали — и она охромѣла. Въ теченіи завтрака Маркеловъ говорилъ мало, ничего не ѣлъ и дышалъ усиленно... Произнесъ два-три горькихъ слова о своемъ хозяйствѣ — и опять

махнулъ рукой... „Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать“. Машурина попросила Нежданова довезти ее до города: ей понадобится съѣздить туда для нѣкоторыхъ покупокъ; — „а вернуться изъ города я могу пѣшкомъ — а не то къ обратному мужичку на телѣгу подсяду“. — Провожая ихъ обоихъ до крыльца, Маркеловъ упомянулъ о томъ, что въ скорости опять прилетѣть за Неждановымъ — и тогда... тогда — (онъ встрепенулся и опять пріободрился) — надо будетъ окончательно условиться; что Соломинъ тоже тогда пріѣдетъ; что онъ, Маркеловъ, ждетъ только извѣстія отъ Василя Николаевича — и тогда останется одно: немедленно „приступить“ — такъ какъ народъ — (тотъ самый народъ, который не понимаетъ слова: „участіе“) дольше ждать не согласенъ!

— А что же, вы хотѣли показать мнѣ письма этого... какъ бишь его? — Кислякова? — спросилъ Неждановъ.

— Послѣ... послѣ, — поспѣшно проговорилъ Маркеловъ. — Тогда ужъ все — разомъ.

Тарантасъ тронулся.

— Будьте готовы! раздался въ послѣдній разъ голосъ Маркелова. Онъ стоялъ на крыльцѣ, — а рядомъ съ нимъ, съ тою же неизмѣн-

ной унылостью во взглядѣ, вытянувъ сгорбленный станъ, заложивъ обѣ руки за спину, распространя запахъ ржаного хлѣба и мухояра — и ничего не слыша, — стоялъ „изъ слугъ слуга“, дряхлый дѣдовскій каммердинеръ.

До самаго города Машурина молчала, только покуривала папиросу. Приближаясь къ заставѣ, она вдругъ громко вздохнула.

— Жаль мнѣ Сергѣя Михайловича, — промолвила она — и лицо ея омрачилось.

— Захлопотался онъ совсѣмъ, — замѣтилъ Неждановъ: — мнѣ кажется, хозяйство его идетъ плохо.

— Мнѣ не оттого его жаль.

— Отчего же?

— Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!... Ужъ на что лучше его... анъ нѣтъ! Не годится!

Неждановъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Да вамъ развѣ что-нибудь извѣстно?

— Ничего мнѣ не извѣстно... а всякій это чувствуетъ по себѣ. Прощайте, Алексѣй Дмитричъ.

Машурина выѣзла изъ тарантаса — а часъ спустя, Неждановъ уже въѣзжалъ на дворъ Сипягинскаго дома. — Не очень хорошо онъ себя чувствовалъ... Ночь онъ провелъ безъ

сна... и потомъ — всѣ эти словопренія... эти толки...

Красивое лицо выглянуло изъ окна и дружески ему улыбнулось... Это Сипягина приветствовала его возвращеніе.

„Какіе у ней глаза!“ подумалось ему.

XII.

Къ обѣду наѣхало много народу — а, послѣ обѣда, Неждановъ, воспользовавшись общей суетой, ускользнулъ къ себѣ въ комнату. Ему хотѣлось остаться наединѣ съ самимъ собою, хотя бы для того только, чтобы привести въ порядокъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его поѣздки. — За столомъ Валентина Михайловна нѣсколько разъ внимательно посмотрѣла на него — но, повидимому, не имѣла возможности заговорить съ нимъ; а Маріанна, послѣ той неожиданной выходки, столь его удивившей, какъ будто совѣстилась и избѣгала его. — Неждановъ взялъ было перо въ руки; ему захотѣлось побесѣдовать на бумагѣ съ своимъ другомъ Силинымъ; — но онъ не нашелъ, что сказать даже другу; или, быть можетъ, такъ много противоположныхъ мыслей и ощущеній столпилось у него въ головѣ, что онъ не попытался ихъ распутать — и

отложилъ все до другого дня. — Въ числѣ обѣдавшихъ былъ также г. Калломѣйцевъ; никогда онъ не выказывалъ болѣе высокомерія и джентльменской презрительности; но его развязныя рѣчи нисколько не дѣйствовали на Нежданова: онъ не замѣчалъ ихъ. Его окружало какое-то облако; полутусклой завѣсой стояло оно между нимъ и остальнымъ міромъ — и, странное дѣло! — сквозь эту завѣсу виднѣлись ему только три лица — и всѣ три женскихъ — и всѣ три упорно устремляли на него свои глаза. Это были: Сипягина, Машурина и Маріанна. Что это значило? И почему именно эти три лица? Что между ними общаго? И что хотятъ они отъ него?

Онъ легъ спать рано — но заснуть не могъ. Его посѣтили — не то, что печальныя — а темныя мысли... мысли о неизбѣжномъ концѣ, о смерти. — Онѣ были ему знакомы. Долго онъ переворачивалъ ихъ и такъ и сякъ, то содрогаясь передъ вѣроятностью ничтожества, то привѣтствуя ее, почти радуясь ей. — Онъ почувствовалъ наконецъ особенное, ему знакомое волненіе... Онъ всталъ; сѣлъ за письменный столъ и, немного подумавъ, почти безъ поправки, вписалъ слѣдующее стихотвореніе въ свою завѣтную тетрадку:

Милый другъ, когда я буду
 Умирать — вотъ мой приказъ:
 Всѣхъ моихъ писаній груду
 Истреби ты въ тотъ же часъ!
 Окружи меня цвѣтами,
 Солнце въ комнату впусти —
 За раскрытыми дверями
 Музыкантовъ помѣсти.
 Запрети имъ плачъ печальный!
 Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
 Рѣзко взвизгнетъ вальсъ нахальный
 Подъ ударами смычковъ!
 Слухомъ гаснущимъ внимая
 Замираніямъ струны,
 Самъ замру я, засыпая...
 И предсмертной тишины
 Не смутивъ напраснымъ стономъ,
 Перейду я въ міръ иной,
 Убаюканъ легкимъ звономъ
 Легкой радости земной!

Когда онъ написалъ слово: „другъ“ — онъ думалъ о томъ же Силинѣ. Онъ продекламировалъ въ полголоса свое стихотвореніе — и самъ удивился тому, что у него вышло изъ-подъ пера. Этотъ скептицизмъ, это равнодушіе, это легкомысленное безвѣріе — какъ согласовалось все это съ его принципами? съ тѣмъ, что онъ говорилъ у Маркелова? — Онъ бросилъ тетрадку въ ящикъ стола — и вернулся къ своей постели. — Но заснулъ онъ передъ самымъ утромъ, когда

уже первые жаворонки зазвенѣли въ побѣлѣвшемъ небѣ.

На другой день — онъ только-что кончилъ урокъ и сидѣлъ въ билліардной — Сипягина вошла, оглянулась, и, съ улыбкой подойдя къ нему, позвала его къ себѣ въ кабинетъ. — На ней было легкое, барежевое платье, очень простенькое и очень миленькое: обшитые рюшами рукава доходили только до локтей, широкая лента охватывала ея станъ, волосы падали густыми космами на шею. Все въ ней дышало привѣтомъ и лаской, бережной, ободряющей лаской — все: и укрощенный блескъ полузакрытыхъ глазъ, и мягкая лѣнность голоса, движеній, самой походки. Сипягина привела Нежданова съ свой кабинетъ, уютный, пріятный, весь пропитанный запахомъ цвѣтовъ и духовъ, чистой свѣжестью женскихъ одеждъ, постоянного женскаго пребыванія; посадила его на кресло, сѣла сама возлѣ него и начала его спрашивать объ его поѣздкѣ, о житьѣ-бытьѣ Маркелова — и такъ осторожно, кротко, хорошо! Она выказала искреннее участіе въ судьбѣ брата, о которомъ до тѣхъ поръ — при Неждановѣ — не упоминала ни разу; изъ иныхъ ея словъ можно было понять что отъ ея вниманія не усколь-

знуло чувство, внушенное ему Маріанной; она слегка погрустила... о томъ ли, что со стороны Маріанны не проявилось взаимности — о томъ ли, что выборъ брата палъ на дѣвушку, въ сущности ему чуждую — это осталось неразъясненнымъ. Но главное: она явно старалась приручить Нежданова, возбудить въ немъ довѣріе къ ней, заставить его перестать дичиться. — Валентина Михайловна даже немножко попеняла на него за то, что онъ имѣетъ о ней ложное понятіе.

Неждановъ слушалъ ее, глядѣлъ ей на руки, на плечи, изрѣдка бросалъ взоръ на ея розовыя губы, на чуть-чуть колебавшіяся пряди волосъ. Сперва онъ отвѣчалъ очень кратко; онъ ощущалъ нѣкоторое стѣсненіе въ горлѣ и въ груди... но мало-по-малу ощущеніе это смѣнилось другимъ, все еще неспокойнымъ, но не лишеннымъ нѣкоторой сладости: онъ никакъ не ожидалъ, что такая важная и красивая барыня, такая аристократка, въ состояніи заинтересоваться имъ, простымъ студентомъ; а она не только имъ интересовалась — она какъ будто немножко кокетничала съ нимъ. Неждановъ спрашивалъ себя, для чего она это все дѣлаетъ? — и не находилъ отвѣта; да, правду сказать, онъ, и не

нуждался въ немъ. Г-жа Сипягина заговорила о Колѣ; она даже начала увѣрять Нежданова, что собственно для того только и пожелала съ нимъ сблизиться, чтобы серьезно побесѣдовать о своемъ сынѣ — вообще чтобы узнать его мысли насчетъ воспитанія русскихъ дѣтей. Нѣсколько странною могла показаться внезапность, съ которою возникло въ ней это желаніе. Но дѣло было вовсе не въ томъ, что именно говорила Валентина Михайловна, а въ томъ, что на нее набѣжало нѣчто въ родѣ чувственной струи; явилась потребность покорить, нагнуть къ ногамъ своимъ эту непокорную голову...

Но здѣсь приходится вернуться нѣсколько назадъ.

Валентина Михайловна была дочь очень ограниченнаго и не бойкаго генерала съ одной звѣздой и пряжкой за пятидесятилѣтнюю службу, — и очень пронырливой и хитрой малоросски, одаренной, какъ многія ея соотечественницы, крайне простодушной и даже глуповатой наружностью, изъ которой она умѣла извлечь всю возможную пользу. Родители Валентины Михайловны были люди небогатые: однако она попала въ Смольный монастырь, гдѣ хотя и считалась республиканкой, но была на виду и на хорошемъ

счету, потому что прилежно училась и примѣрно вела себя. По выходѣ изъ Смольнаго, она поселилась вмѣстѣ съ матерью — (братъ уѣхалъ въ деревню, отецъ, генералъ со звѣздою и пряжкой, уже умеръ) — въ опрятной, но очень холодной квартирѣ: когда въ этой квартирѣ говорили, можно было видѣть паръ, выходявшій изъ устъ; Валентина Михайловна смѣялась и увѣряла, что это — „какъ въ церкви“. Она храбро переносила всѣ неудобства бѣднаго, стѣсненнаго житья: — у ней былъ удивительно ровный нравъ. Съ помощью матери ей удалось поддержать и приобрести знакомства и связи: о ней говорили всѣ, даже въ высшихъ сферахъ, какъ о дѣвушкѣ очень милой, очень образованной — и очень приличной. У Валентины Михайловны было нѣсколько жениховъ; изъ всѣхъ изъ нихъ она выбрала Сипягина — и влюбила его въ себя очень просто, быстро и ловко... Впрочемъ, онъ и самъ скоро понялъ, что ему лучше жены не найти. Она была умна, не зла... скорѣй добра, въ сущности холодна и равнодушна... и не допускала мысли, чтобы кто-нибудь могъ остаться равнодушнымъ къ ней. Валентина Михайловна была проникнута той особенной граціей, которая свойственна „милымъ“ эгоистамъ; — въ этой

граціи нѣтъ ни поэзіи, ни истинной чувствительности: но есть мягкость, есть симпатія, есть даже нѣжность. Только перечесть этимъ прелестнымъ эгоистамъ не слѣдуетъ: они властолюбивы — и не выносятъ чужой самостоятельности. Женщины, подобныя Сипягиной, возбуждаютъ и волнуютъ людей неопытныхъ и страстныхъ; сами онѣ любятъ правильность и тишину жизни. Добродѣтель имъ легко дается — онѣ невозмутимы; но постоянное желаніе повелѣвать, привлекать и нравиться придаетъ имъ подвижность и блескъ: воля у нихъ крѣпкая — и самое ихъ обаяніе частью зависитъ отъ этой крѣпкой воли. Трудно устоять человеку, когда по такому ясному, нетронутому существу забѣгаютъ огоньки какъ-бы невольной, тайной нѣги; онъ такъ и ждетъ, что вотъ-вотъ наступитъ часъ — и ледъ растаетъ; но свѣтлый ледъ только играетъ лучами — и не растаять, и не помутиться ему никогда!

Кокетничать немногаго стоило Сипягиной: она очень хорошо знала, что опасности для нея нѣтъ и не можетъ быть. А между тѣмъ — заставить чужіе глаза то померкнуть, то заблестать, чужія щеки разгорѣться желаніемъ и страхомъ, чужой голосъ задрожать и оборваться, смутить

чужую душу — о, какъ это было сладко *ея* души! Какъ весело было вспоминать поздно вечеромъ, лежа въ свое чистое ложе на безмятежный сонъ — вспоминать всѣ эти взволнованныя слова и взгляды и вздохи! Съ какой довольной улыбкой уходила она тогда вся въ себя, въ сознательное ощущеніе своей неприступности, своей недосыгаемости — или снисходительно отдавалась законнымъ ласкамъ благовоспитаннаго супруга! Это было такъ пріятно, что она даже умилялась подъ-часъ и готова была сдѣлать доброе дѣло, помочь ближнему... Она однажды основала маленькую богадѣльню послѣ того, какъ одинъ до безумія въ нее влюбленный секретарь посольства попытался зарѣзаться! Она искренне молилась за него, хотя религіозное чувство съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ ней было слабо

Итакъ, она бесѣдовала съ Неждановымъ и всячески старалась покорить его себѣ „подъ нѳзи“. Она допускала его до себя, она какъ-бы раскрывалась передъ нимъ, и съ милымъ любопытствомъ, съ полу-материнской нѣжностью смотрѣла, какъ этотъ очень недурной и интересный и суровый радикаль тихонько и неловко шелъ ей на встрѣчу. День, часъ, минуту спустя все

это исчезнетъ безъ слѣда — но, пока, ей весело, ей немножко смѣшно, немножко жутко — и немножко даже грустно. Позабывъ его происхождение, и зная, какъ подобное вниманіе цѣнится одинокими, отчужденными людьми, Валентина Михайловна начала-было спрашивать Нежданова объ его молодости, объ его семьѣ... Но мгновенно догадавшись по его смущеннымъ и рѣзкимъ отзывамъ, что попала въ просакъ, Валентина Михайловна постаралась загладить свою ошибку и распустилась еще немножко больше передъ нимъ... Такъ въ томный жаръ лѣтняго полудня расцвѣтшая роза распускаетъ свои душистые лепестки, которые вскорѣ снова сожметъ и свернетъ крѣпительная прохлада ночи.

Вполнѣ загладить свою ошибку ей однако не удалось. — Затронутый за больное мѣсто, Неждановъ уже не могъ довѣриться по прежнему. То горькое, что онъ всегда носилъ, всегда ощущалъ на днѣ души, — шевельнулось опять; проснулись демократическія подозрѣнія и укоризны. — „Не для этого пріѣхалъ я сюда“, — подумалось ему; вспомнились ему насмѣшливыя наставленія Паклина... и онъ воспользовался первой минутой молчанія, всталъ, поклонился короткимъ

поклономъ — и вышелъ „очень глупо“, какъ онъ невольно шепнулъ самому себѣ.

Его смущеніе не ускользнуло отъ Валентины Михайловны... но, судя по улыбочкѣ, съ которой она проводила его взоромъ — она растолковала это смущеніе выгоднымъ для себя образомъ.

Въ билліардной Нежданову попалась Маріанна. Она стояла спиной къ окну недалеко отъ двери кабинета, тѣсно скрестивъ руки. Лицо ея находилось въ почти черной тѣни; — но такъ вопросительно, такъ настойчиво глядѣли на Нежданова ея смѣлые глаза, такое презрѣніе, такую обидную жалость выражали ея сжатые губы, что онъ остановился въ недоумѣніи...

— Вы хотите мнѣ что-то сказать? — невольно проговорилъ онъ.

Маріанна не тотчасъ отвѣтила.

— Нѣтъ... или да; хочу. Только не теперь.

— Когда же?

— А вотъ погодите. Можетъ быть — завтра; можетъ быть — никогда. Я вѣдь очень мало знаю — кто вы собственно такой?

— Однако, — началъ Неждановъ, — мнѣ иногда казалось... что между нами...

— А вы меня совсѣмъ не знаете, — перебила Маріанна. — Да вотъ погодите. Завтра, можетъ

быть. Теперь мнѣ надо идти къ моей... госпо-
жѣ. До завтра.

Неждановъ ступилъ раза два — но вдругъ
вернулся.

— Ахъ, да! Маріанна Викентьевна... я все
хотѣлъ васъ спросить: не позволите ли вы мнѣ
пойти съ вами въ школу, — посмотрѣть, какъ
вы тамъ занимаетесь — пока ея не закрыли.

— Извольте... Только я не о школѣ хотѣла
съ вами говорить.

— А о чемъ же?

— До завтра, — повторила Маріанна.

Но она не дождалась завтрашняго дня — и
разговоръ между ею и Неждановымъ произошелъ
въ тотъ же вечеръ — въ одной изъ липовыхъ
аллей, начинавшихся недалеко отъ террасы.

XIII.

Она сама первая приблизилась къ нему.

— Г-нъ Неждановъ, — начала она торопли-
вымъ голосомъ, — вы, кажется, совершенно оча-
рованы Валентиной Михайловной?

Она повернулась, недождавшись отвѣта —
и пошла вдоль аллеи; и онъ пошелъ съ ней
рядомъ.

— Почему вы это думаете? — спросилъ онъ, походя немного.

— А развѣ нѣтъ? Въ такомъ случаѣ она дурно распорядилась сегодня. Воображаю, какъ она хлопотала, какъ разставляла свои маленькія сѣти!

Неждановъ ни слова не промолвилъ и только съ боку посмотрѣлъ на свою странную собесѣдницу.

— Послушайте, — продолжала она: — я не стану притворяться: я не люблю Валентины Михайловны — и вы это очень хорошо знаете. Я могу вамъ показаться несправедливой... но вы сперва подумайте...

Голосъ пресѣкся у Маріанны. Она краснѣла, она волновалась... Волненіе у ней всегда принимало такой видъ, какъ-будто она злится.

— Вы, вѣроятно, спрашиваете себя, — начала она снова, — зачѣмъ эта барышня мнѣ все это рассказываетъ? Вы, должно быть, то же самое подумали, когда я вамъ сообщила извѣстіе... на счетъ г-на Маркелова.

Она вдругъ нагнулась, сорвала небольшой грибокъ, переломила его пополамъ и отбросила въ сторону.

— Вы ошибаетесь, Маріанна Викентьевна,

— промолвилъ Неждановъ: — я, напротивъ, подумалъ, что я внушаю вамъ довѣріе — и эта мысль мнѣ была очень пріятна.

Неждановъ сказалъ неполную правду: эта мысль только теперь пришла ему въ голову.

Маріанна мгновенно глянула на него. До тѣхъ поръ она все отворачивалась.

— Вы не то, чтобы внушали мнѣ довѣріе, — проговорила она, какъ-бы размышляя: — вы вѣдь мнѣ совсѣмъ чужой. — Но ваше положеніе — и мое — очень схожи. Мы оба одинаково несчастливы; вотъ что насъ связываетъ.

— Вы несчастливы? — спросилъ Неждановъ.

— А вы — нѣтъ? — отвѣчала Маріанна.

Онъ ничего не сказалъ.

— Вамъ извѣстна моя исторія? — заговорила она съ живостью: — исторія моего отца? Его ссылка? — нѣтъ? Ну, такъ знайте же, что онъ былъ взятъ подъ-судъ, найденъ виноватымъ, лишенъ чиновъ... и всего — и сосланъ въ Сибирь. Потомъ онъ умеръ... мать моя тоже умерла. Дядя мой, г-нъ Сипягинъ, братъ моей матери, призрѣлъ меня — я у него на хлѣбахъ — онъ мой благодѣтель — и Валентина Михайловна моя благодѣтельница — а я имъ плачѣю черной неблагодарностью, — потому что у меня,

должно быть, сердце чѣрствое — и чужой хлѣбъ горекъ — и я не умѣю переносить снисходительныхъ оскорбленій — и покровительства не терплю... и не умѣю скрывать — и когда меня безпрестанно колютъ булавками — я только оттого не кричу, что я очень горда.

Произнося эти отрывочныя рѣчи, Маріанна шла все быстрѣй и быстрѣй.

Она вдругъ остановилась.

— Знаете ли, что моя тѣтка, чтобы только сбыть меня съ рукъ, прочить меня... за этого гадкаго Калломѣйцева? — Вѣдь ей извѣстны мои убѣжденія — вѣдь я въ глазахъ ея нигилистка — а онъ! — Я, конечно, ему не нравлюсь, я вѣдь не красива — но продать меня можно. Вѣдь это тоже благодѣяніе!

— Зачѣмъ же вы... — началъ-было Неждановъ — и запнулся.

Маріанна опять мгновенно глянула на него.

— Зачѣмъ я не приняла предложеніе г-на Маркелова — хотите вы сказать? Не такъ ли? Да; но что же дѣлать? Онъ хорошій человѣкъ... Но я не виновата, я не люблю его.

Маріанна снова пошла впередъ, какъ-бы желая избавить своего собесѣдника отъ обязанности

чѣмъ-нибудь отозваться на это неожиданное признаніе.

Они оба достигли конца аллеи. Маріанна проворно свернула на узкую дорожку, проложенную сквозь сплошной ельникъ — и пошла по ней. — Неждановъ отправился за Маріанной. — Онъ ощущалъ двойное недоумѣніе: чудно́ ему казалось, какимъ образомъ эта дикая дѣвушка вдругъ такъ откровенничаетъ съ нимъ — и еще больше дивился онъ тому, что откровенность эта нисколько его не поражаетъ, что онъ находитъ ее естественной.

Маріанна вдругъ обернулась — и стала посреди дорожки, такъ что ея лицо пришлось на разстояніи аршина отъ лица Нежданова — и глаза ея вонзились прямо въ его глаза.

— Алексѣй Дмитричъ, — заговорила она — не думайте, что моя тѣтка зла... Нѣтъ! но она вся — ложь, она комедіантка, она позѣрка — она хочетъ; чтобы всѣ ее обожали — какъ красавицу — и благоговѣли передъ нею, какъ передъ святою! Она придумаетъ задушевное слово, скажетъ его одному — а потомъ повторяетъ это же слово другому и третьему — и все съ такимъ видомъ, какъ-будто она сейчасъ это слово придумала — и тутъ же кстати играетъ своими

чудесными глазами! — Она самоё себя очень хорошо знает — она знает, что похожа на Мадонну — и никого не любит! Притворяется, что все возится съ Колей — а только всего и дѣлаетъ, что говоритъ о немъ съ умными людьми. Сама она никому зла не желаетъ... Она вся — благоволеніе. — Но пускай вамъ въ ея присутствіи всѣ кости въ тѣлѣ переломаются... ей ничего! — Она пальцемъ не пошевеливаетъ, чтобы васъ избавить; — а если ей это нужно или выгодно... тогда... о, тогда!

Маріанна умолкла. Желчь душила ее, она рѣшилась дать ей волю, она не могла удержаться — но рѣчь ея невольно обрывалась. Маріанна принадлежала къ особенному разряду несчастныхъ существъ (въ Россіи они стали попадаться довольно часто)... Справедливость удовлетворяетъ, но не радуется ихъ — а несправедливость, на которую они страшно чутки, возмущаетъ ихъ до дна души. — Пока она говорила, Неждановъ глядѣлъ на нее внимательно: ея покраснѣвшее лицо, съ слегка разбросанными короткими волосами, съ трепетнымъ подергиваньемъ тонкихъ губъ, показалось ему и угрожающимъ, и значительнымъ — и красивымъ. Солнечный свѣтъ, перехваченный частой сѣткою вѣтвей, лежалъ

у ней на лбу золотымъ косымъ пятномъ — и этотъ огненный языкъ шелъ къ возбужденному выраженію всего ея лица, къ широко-раскрытымъ, недвижнымъ и блестящимъ глазамъ, къ горячему звуку ея голоса.

— Скажите, — спросилъ ее наконецъ Неждановъ: — отчего вы меня назвали несчастливымъ? Развѣ вамъ извѣстно мое прошедшее?

Маріанна кивнула головою.

— Да.

— То-есть... какъ же такъ извѣстно? Вамъ кто-нибудь говорилъ обо мнѣ?

— Мнѣ извѣстно... ваше происхожденіе.

— Вамъ извѣстно... Кто же вамъ сказалъ?

— Да все та же — та же Валентина Михайловна, которою вы такъ очарованы. Она не преминула замѣтить при мнѣ — по обыкновенью вскользь, но внятно — не съ сожалѣньемъ, а какъ либералка, которая выше всякихъ предразсудковъ — что вотъ молъ-какая существуетъ случайность въ жизни нашего новаго учителя! Не удивляйтесь, пожалуйста: Валентина Михайловна точно также вскользь и съ сожалѣньемъ, чуть не всякому посѣтителю сообщаетъ что вотъ-молъ въ жизни моей племянницы какая существуетъ... случайность: ея отца за взятки сослали въ Си-

бирь! Какою аристократкой она себя ни воображай — она просто сплетница и позёрка — эта ваша Рафаэлевская Мадонна!

— Позвольте, — замѣтилъ Неждановъ: — почему же она: „моя?“ Маріанна отвернулась и пошла опять по дорожкѣ.

— У васъ съ нею былъ такой большой разговоръ, — произнесла она глухо.

— Я почти ни одного слова не вымолвилъ, — отвѣтилъ Неждановъ: она одна все время говорила.

Маріанна шла впередъ молча. Но вотъ дорожка повернула въ сторону, — ельникъ словно разступился и открылась впереди небольшая поляна съ дуплистой плакучей березой посрединѣ и круглой скамьей, охватывавшей стволъ стараго дерева. Маріанна сѣла на эту скамью; Неждановъ помѣстился рядомъ. Надъ головами обоихъ тихонько покачивались длинныя пачки висячихъ вѣтокъ, покрытыхъ мелкими зелеными листочками. Кругомъ въ жидкой травѣ бѣлѣли ландыши — и ото всей поляны поднимался свѣжій запахъ молодой травы, пріятно облегчавшій грудь, все еще стѣсненную смолистыми испареніями елей.

— Вы хотите пойти со мной посмотрѣть здѣшнюю школу, — начала Маріанна; что-жъ?

пойдемте. — Только... я не знаю. Удовольствія вамъ будетъ мало. Вы слышали, нашъ главный учитель — діаконъ. Онъ человѣкъ добрый, — но вы не можете себѣ представить, о чемъ онъ бесѣдуетъ съ учениками! Межъ ними есть мальчикъ... его зовутъ Гарасей — онъ сирота, девяти лѣтъ, — и, представьте! онъ учится лучше всѣхъ!

Перемѣнивъ внезапно предметъ разговора, Маріанна сама какъ-будто измѣнилась: она поблѣднѣла, утихла — и лицо ея выразило смущеніе, словно ей совѣстно стало всего, что она наговорила. Ей видимо хотѣлось навести Нежданова на какой-нибудь „вопросъ“ — школьный, крестьянскій — лишь бы только не продолжать въ прежнемъ тонѣ. Но ему въ эту минуту было не до „вопросовъ.“

— Маріанна Викентьевна, — началъ онъ; — скажу вамъ откровенно: я никакъ не ожидалъ всего того... что теперь произошло между нами. — (При словѣ: „произошло,“ она слегка насторожилась.) Мнѣ кажется, мы вдругъ — очень... очень сблизились. Да оно такъ и слѣдовало. Мы давно подходимъ другъ къ другу; только голосу не подавали. — А потому я буду съ вами говорить безъ утайки. — Вамъ тяжело

и тошно въ здѣшнемъ домѣ; но дядя вашъ — онъ хотя ограниченный, однако, насколько я могу судить, гуманный человѣкъ; — развѣ онъ не понимаетъ вашего положенія, не становится на вашу сторону?

— Мой дядя? Во-первыхъ — онъ вовсе не человѣкъ; онъ чиновникъ — сенаторъ или министръ... я ужъ не знаю. А во-вторыхъ... я не хочу напрасно жаловаться и клеветать: мнѣ вовсе не тошно и не тяжело здѣсь, то-есть, меня здѣсь не притѣсняютъ; маленькія шпильки моей тѣтки въ сущности для меня ничто... Я совершенно свободна.

Неждановъ съ изумленіемъ глянулъ на Маріанну.

— Въ такомъ случаѣ... все, что вы мнѣ сейчасъ говорили...

— Вы вольны смѣяться надо мною, — подхватила она; — но если я несчастна — то не своимъ несчастьемъ. — Мнѣ кажется иногда, что я страдаю за всѣхъ притѣсненныхъ бѣдныхъ, жалкихъ на Руси... нѣтъ, не страдаю — а негодую за нихъ, возмущаюсь;... что я за нихъ готова... голову сложить. Я несчастна тѣмъ, что я барышня, приживалка, что я ничего, ничего не могу и не умѣю! Когда мой отецъ былъ въ Сибири — а я съ

матушкой оставалась въ Москвѣ — ахъ, какъ я рвалась къ нему! — и не то, чтобы я очень его любила или уважала — но мнѣ такъ хотѣлось извѣдать самой, посмотрѣть собственными глазами, какъ живутъ ссыльные, загнанные... И какъ мнѣ было досадно на себя и на всѣхъ этихъ спокойныхъ, зажиточныхъ, сытыхъ!... А потомъ, когда онъ вернулся, надломанный, разбитый — и началъ унижаться, хлопотать и заискивать... ахъ... какъ это было-тяжело! Какъ хорошо онъ сдѣлалъ, что умеръ... и матушка тоже! Но вотъ я осталась въ живыхъ... Къ чему? — Чтобы чувствовать, что у меня дурной нравъ, что я неблагодарна, что со мной ладу нѣтъ — и что я ничего, ничего не могу ни для чего, ни для кого!

Маріанна отклонилась въ сторону — рука ея скользнула на скамью. Нежданову стало очень жаль ея; онъ прикоснулся къ этой повисшей рукѣ... но Маріанна тотчасъ ее отдернула, не потому, чтобы движеніе Нежданова показалось ей неумѣстнымъ — а чтобы онъ — сохрани Богъ — не подумалъ, что она напрашивается на участіе.

Сквозь вѣтки ельника мелькнуло вдали женское платье.

Маріанна выпрямилась. — Посмотрите, ваша

Мадонна выслала свою шпионку. Эта горничная должна наблюдать за мною — и доносить своей барынь, гдѣ я бываю и съ кѣмъ! — Тѣтка вѣроятно сообразила, что я съ вами — и находитъ, что это неприлично — особенно, послѣ сентиментальной сцены, которую она передъ вами разыграла. Да и въ самомъ дѣлѣ — пора вернуться. Пойдемте.

Маріанна встала; Неждановъ тоже поднялся съ своего мѣста. Она глянула на него черезъ плечо и вдругъ по ея лицу мелькнуло выраженіе почти дѣтское, миловидное, немного смущенное.

— Вы вѣдь не сердитесь на меня? Вы не думаете, что я тоже порисовалась передъ вами? — Нѣтъ, вы этого не подумаете, — продолжала она, прежде чѣмъ Неждановъ ей что-нибудь отвѣтилъ. — Вы вѣдь такой же, какъ я — несчастный — и нравъ у васъ тоже... дурной, какъ у меня. — А завтра мы пойдемъ вмѣстѣ въ школу, потому что мы вѣдь теперь хорошіе пріятели.

Когда Маріанна и Неждановъ приблизились къ дому, Валентина Михайловна посмотрѣла на нихъ въ лорнетку съ высоты балкона — и съ своей обычной, кроткой улыбкой тихонько покачала головою; а возвращаясь черезъ раскрытую

стеклянную дверь въ гостиную, въ которой Сипягинъ уже сидѣлъ за преферансомъ съ завернувшимъ на чайкъ беззубымъ сосѣдомъ, промолвила громко и протяжно, отставляя слогъ отъ слога :

— Какъ сыро на воздухѣ! Это нездорово!

Маріанна переглянулась съ Неждановымъ; а Сипягинъ, который только-что обремизилъ своего партнера, бросилъ на жену истинно-министерскій взоръ въ бокъ и вверхъ черезъ щеку — и потомъ перевелъ тотъ же сонливо-холодный, но пронизательный взоръ на входившую изъ темнаго сада молодую чету.

XIV.

Минуло еще двѣ недѣли. — Все шло своимъ порядкомъ. Сипягинъ распредѣлялъ ежедневныя занятія — если не какъ министръ, то уже навѣрное, какъ директоръ департамента — и держался по прежнему — высоко, гуманно и нѣсколько брезгливо; Коля бралъ уроки, Анна Захаровна терзалась постоянной, угнетенной злобой, гости наѣзжали, разговаривали, сражались въ карты — и, повидимому, не скучали; Валентина Михайловна продолжала заигрывать съ Неждановымъ — хотя къ ея любезности

стало примѣшиваться нѣчто въ родѣ добродушной ироніи. Съ Маріанной Неждановъ окончательно сблизился — и къ удивленію своему, нашелъ, что у ней характеръ довольно ровный и что съ ней можно говорить обо всемъ, не натываясь на слишкомъ рѣзкія противорѣчія. — Вмѣстѣ съ нею онъ раза два посѣтилъ школу — но съ перваго же посѣщенія убѣдился, что ему тутъ дѣлать нечего. Отецъ діаконъ завладѣлъ ею вдоль и поперекъ, съ разрѣшенія Сипягина и по его волѣ. Отецъ діаконъ училъ грамотѣ недурно, хотя по старинному способу — но на экзаменахъ предлагалъ вопросы — довольно несообразные; напр.: онъ спросилъ однажды Гарасю: „какъ-молъ онъ объясняетъ выраженіе „темна вода въ облацѣхъ“? — на что Гарася долженъ былъ, по указанію самого отца діакона, отвѣтствовать: „Сіе есть необъяснимо“. Впрочемъ, школа скоро и такъ закрылась, — по случаю лѣтняго времени — до осени. — Памятуя наставленія Паклина и другихъ, Неждановъ старался также сблизаться съ крестьянами; но въ скорости замѣтилъ, что онъ просто изучаетъ ихъ, насколько хватало наблюдательности — а вовсе не пропагандируетъ! Онъ почти всю свою жизнь провелъ въ городѣ — и между имъ

и деревенскимъ людомъ существовалъ оврагъ или ровъ, черезъ который онъ никакъ не могъ перескочить. Нежданову пришлось обмѣняться нѣсколькими словами съ пьяницей Кириллой и даже съ Менделѣемъ Дутикомъ — но, странное дѣло! — онъ словно робѣлъ передъ ними — и кромѣ очень общей и очень короткой ругани, онъ отъ нихъ ничего не услышалъ. Другой мужикъ — звали его Оитюевымъ — просто въ тупикъ его поставилъ. Лицо у этого мужика было необычайно энергическое, чуть не разбойничье... „Ну, этотъ навѣрное, надежный!“ — думалось Нежданову... И что же? Оитюевъ оказался бобылемъ; у него міръ отобралъ землю, потому что онъ — человѣкъ здоровый и даже сильный — *не могъ* работать. — „Не могу!“ — всхлипывалъ Оитюевъ самъ, съ глубокимъ, внутреннимъ стономъ — и протяжно вздыхалъ: — „не могу я работать! убейте меня! — А то я на себя руки наложу!“ — И кончалъ тѣмъ, что просилъ милостыньки — грошика на хлѣбушко... А лицо какъ у Ринальдо Ринальдини! — Фабричный народъ — такъ тотъ совсѣмъ не дался Нежданову; всѣ эти ребята были либо ужасно-бойкіе, либо ужасно-мрачные... и у Нежданова съ ними тоже не вышло ничего. Онъ по этому

поводу написалъ другу своему, Силину, большое письмо, въ которомъ горько жаловался на свою неумѣлость и приписывалъ ее своему скверному воспитанію и пакостной эстетической натурѣ! Онъ вдругъ вообразилъ, что его призваніе — въ дѣлѣ пропаганды — дѣйствовать не живымъ устнымъ словомъ, — а письменнымъ; но задуманныя имъ брошюры не клеились. Все, что онъ пытался выводить на бумагѣ, производило на него самого впечатлѣніе чего-то фальшиваго, натянутаго, невѣрнаго въ тонѣ, въ языкѣ, — и онъ раза два — о, ужасъ! — невольно сворачивалъ на стихи или на скептическія, личные изліянія. Онъ даже рѣшился (важный признакъ довѣрія и сближенія!) — говорить объ этой своей неудачѣ съ Маріанной... и, опять-таки къ удивленію своему — нашелъ въ ней сочувствіе — — разумѣется, не къ своей беллетристикѣ — а къ той нравственной болѣзни, которой онъ страдалъ и которая не была ей чужда. Маріанна не хуже его возставала на эстетику; — а собственно потому и не полюбила Маркелова и не пошла за него, что въ немъ не существовало и слѣда той самой эстетики! — Маріанна, конечно, въ этомъ даже себѣ самой не смѣла сознаться; но вѣдь только то и сильно въ насъ,

что остается для насъ самихъ полуподозрѣнной тайной.

Такъ шли дни — туго, неровно — но не скучно.

Нѣчто странное происходило съ Неждановымъ. Онъ былъ недоволенъ собою, своей дѣятельностью — то-есть, своимъ бездѣйствіемъ; рѣчи его почти постоянно отзывались желчью и ѣдкостью самобичеванія: а на душѣ у него, гдѣ-то тамъ очень далеко внутри — было недурно; онъ испытывалъ даже нѣкоторое успокоеніе. Было ли то слѣдствіемъ деревенскаго затишья, воздуха, лѣта, вкусной пищи, удобнаго житья, — происходило ли оно отъ того, что ему въ первый разъ отъ роду случилось извѣдать сладость соприкосновенія съ женскою душою? — сказать трудно; но ему въ сущности было даже легко, хотя онъ и жаловался — искренно жаловался — другу своему, Силину.

Впрочемъ, это настроеніе Нежданова было внезапно и насильственно прервано — въ одинъ день.

Утромъ того дня онъ получилъ записку отъ Василія Николаевича, въ которой предписывалось ему вмѣстѣ съ Маркеловымъ — въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій — немедленно познаться и сговориться съ уже поименованнымъ

Соломинымъ и нѣкоторымъ купцомъ Голушкинымъ, старообрядцемъ, проживавшемъ въ С*. Записка эта перетревожила Нежданова; упрекъ его бездѣйствію слышался ему въ ней. Горечь, которая все это время кипѣла у него на однихъ словахъ, теперь снова поднялась со дна его души.

Къ обѣду пріѣхалъ Калломѣйцевъ, разстроенный и раздраженный. — Представьте, — закричалъ онъ почти слезливымъ голосомъ, — какой ужасъ я сейчасъ вычиталъ въ газетѣ: — моего друга, моего милаго Михаила, сербскаго князя, какіе-то злодѣи убили въ Бѣлградѣ! — До чего наконецъ дойдутъ эти якобинцы и революціонеры, если имъ не положить твердый предѣлъ! — Сипягинъ „позволилъ себѣ замѣтить,“ что это гнусное убійство, вѣроятно, совершено не якобинцами — „коихъ въ Сербіи не предполагается“ — а людьми партіи Карагеоргіевичей, врагами Обреновичей... Но Калломѣйцевъ ничего слышать не хотѣлъ и тѣмъ же слезливымъ голосомъ началъ снова рассказывать, какъ покойный князь его любилъ, и какое ему подарилъ ружье!... По-немногу расходившись и придя въ азартъ, Калломѣйцевъ отъ заграничныхъ якобинцевъ обратился къ доморощеннымъ нигилистамъ и социалистамъ — и разразился наконецъ цѣлой филип-

пикой. Обхвативъ, по модному, большой бѣлый хлѣбъ обѣими руками переламывая его пополамъ надъ тарелкой супа, какъ это дѣлаютъ завзятые парижане въ „Café-Riche“ — онъ изъявлялъ желаніе раздробить превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются — чему бы и кому бы то ни было!... Онъ именно такъ выразился. — „Пора! пора! твердилъ онъ, заноса себѣ ложку въ ротъ; — „пора! пора!“ „повторялъ онъ, подставляя рюмку слугѣ, разливавшему хересъ. Съ благоговѣніемъ упомянулъ онъ о великихъ московскихъ публицистахъ — и Ladislas, notre bon et cher Ladislas, не сходилъ у него съ языка. — И при этомъ онъ то-и-дѣло устремлялъ взоръ на Нежданова, словно тыкалъ его имъ. — „Вотъ, молъ, тебѣ! Получай загвоздку! это я на твой счетъ! А вотъ еще!“ — Тотъ не вытерпѣлъ наконецъ — и началъ возражать — немного, правда, трепетнымъ (конечно, не отъ робости) и хриповатымъ голосомъ; началъ защищать надежды, принципы, идеалы молодёжи. Калломѣйцевъ немедленно запищалъ — негодованіе въ немъ всегда выражалось фальцетомъ — и сталъ грубить. Сипягинъ величественно принялъ сторону Нежданова; Валентина Михайловна тоже соглашалась съ мужемъ; Анна Захаровна ста-

ралась отвлечь вниманіе Коли — и бросала, куда ни попало, яростные взгляды изъ-подъ нависшаго чепца; Маріанна не шевелилась, словно окаменѣла.

Но вдругъ, услышавъ въ двадцатый разъ произнесенное имя Ladislav'a, — Неждановъ вспыхнулъ весь и, ударивъ ладонью по столу, воскликнулъ:

— Вотъ нашли авторитетъ! Какъ-будто мы не знаемъ, что такое этотъ Ladislav? — Онъ — прирожденный клеветъ и больше ничего!

— А... а... а... во... вотъ какъ... вотъ ку... куда! — простоналъ Калломѣйцевъ, заикаясь отъ бѣшенства... — Вы вотъ какъ позволяете себѣ отзываться о человѣкѣ, котораго уважаютъ такія особы, какъ графъ Блазенкрампфъ и князь Коврижкинъ!

Неждановъ пожалъ плечами. — Хороша рекомендація: князь Коврижкинъ, этотъ лакей-энтузіастъ...

— Ladislav — мой другъ! — закричалъ Калломѣйцевъ. — Онъ мой товарищъ — и я...

— Тѣмъ хуже для васъ, — перебилъ Неждановъ; — значить, вы раздѣляете его образъ мыслей, и мои слова относятся такъ же въ вамъ.

Калломѣйцевъ помертвѣлъ отъ злости. —

Ка... какъ? Что? Какъ вы смѣете? На... надобно васъ... сейчасъ...

— Что вамъ угодно сдѣлать со мною *сейчасъ*?
— вторично, съ иронической вѣжливостью перебилъ Неждановъ.

Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы разрѣшилась эта схватка между двумя врагами, если бы Сипягинъ не прекратилъ ея въ самомъ началѣ. Возвысивъ голосъ и принявъ осанку, въ которой неизвѣстно что преобладало: важность ли государственнаго человѣка или же достоинство хозяина дома — онъ съ спокойной твердостью объявилъ, что не желаетъ слышать болѣе у себя за столомъ подобныя неумѣренныя выраженія; что онъ давно поставилъ себѣ правиломъ (онъ поправился! священнымъ правиломъ) уважать всякаго рода убѣжденія, но только съ тѣмъ — (тутъ онъ поднялъ указательный палецъ, украшенный гербовымъ кольцомъ), чтобы онѣ удерживались въ извѣстныхъ границахъ благопристойности и благоприличія; что если онъ, съ одной стороны, не можетъ не осудить въ г. Неждановѣ нѣкоторую невоздержность языка, извиняемую, впрочемъ, молодостью его лѣтъ, то, съ другой стороны, не можетъ также одобрить въ г-нѣ Каломѣйцевѣ ожесточеніе его нападокъ на людей

противнаго лагеря — ожесточеніе, объясняемое, впрочемъ, его рвеніемъ къ общему благу.

— Подъ моимъ кровомъ, — такъ кончилъ онъ, подъ кровомъ Сипягиныхъ, нѣтъ ни якобинцевъ, ни клевретовъ, а есть только добросовѣстные люди, которые, однажды понявъ другъ друга, непремѣнно кончатъ тѣмъ, что подадутъ другъ другу руки!

Неждановъ и Калломѣйцевъ умолкли оба — однако руки другъ другу не подали; видно, часъ взаимнаго пониманія не наступилъ для нихъ. Напротивъ: они никогда еще не чувствовали такой сильной взаимной ненависти. Обѣдъ кончился въ непріятномъ и неловкомъ молчаніи; Сипягинъ попытался рассказать какой-то дипломатическій анекдотъ — но такъ и бросилъ его на полъ-пути. Маріанна упорно глядѣла въ свою тарелку. Ей не хотѣлось выказать сочувствія, возбужденнаго въ ней рѣчами Нежданова, не изъ трусости — о, нѣтъ, но надо было прежде всего не выдать себя Сипягиной. Она чувствовала на себѣ ея пронизательный, пристальный взоръ. И дѣйствительно, Сипягина не спускала съ нея глазъ — съ нея и съ Нежданова. Его неожиданная вспышка сперва поразила умную барыню; — а потомъ еѣ какъ-будто что озарило

— да такъ, что она невольно шепнула: А!... Она вдругъ догадалась, что Неждановъ отвернулся отъ нея, тотъ самый Неждановъ, который еще недавно шелъ къ ней въ руки. — Тутъ что-то произошло... Ужъ не Маріанна ли? Да, навѣрное Маріанна... Онъ ей нравится... да и онъ...

„Надо принять мѣры“, такъ заключила она свои разсужденія, а между тѣмъ Калломѣйцевъ — задыхался отъ негодованія. Даже играя въ преферансъ, часа два спустя, онъ произносилъ слова: пасъ! или: покупаю! съ наболѣвшимъ сердцемъ — и въ голосѣ его слышалось глухое трémоло обиды, хотя онъ и показывалъ видъ, что „презираетъ“! — Одинъ Сипягинъ былъ собственно даже очень доволенъ всей этой сценой. Ему пришлось выказать силу своего краснорѣчія, усмирить начинавшуюся бурю... Онъ зналъ латинскій языкъ, и Виргиліевское; Quos ego! (я васъ!) не было ему чуждымъ. Сознательно онъ не сравнивалъ себя съ Нептуномъ; но какъ-то сочувственно вспомнилъ о немъ.

XV.

Какъ только оказалось возможнымъ, Неждановъ отправился къ себѣ въ комнату и заперся.

— Ему не хотѣлось ни съ кѣмъ видѣться — ни съ кѣмъ, кромѣ Маріанны. Ея комната находилась на самомъ концѣ длиннаго корридора, пересѣкавшаго весь верхній этажъ. Неждановъ только разъ — и то на нѣсколько минутъ — заходилъ туда; — но ему казалось, что она не разсердится, если онъ къ ней постучится, что она даже желаетъ переговорить съ нимъ. Было уже довольно поздно, часовъ около десяти; хозяева, послѣ сцены за обѣдомъ, не считали нужнымъ его тревожить и продолжали играть въ карты съ Калломѣйцевымъ. Валентина Михайловна раза два навѣдалась о Маріаннѣ, такъ какъ она тоже исчезла скоро послѣ стола. — Гдѣ же Маріанна Викентьевна? — спросила она сперва по-русски, потомъ по-французски, не обращаясь ни къ кому въ особенности, а болѣе къ стѣнамъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ очень удивленные люди; впрочемъ, она вскорѣ сама занялась игрой.

Неждановъ прошелся нѣсколько разъ по своей комнатѣ, потомъ отправился по корридору до Маріаннинной двери — и тихонько постучался. Отвѣта не было. Онъ постучался еще разъ — попытался отворить дверь... Она оказалась запертою. — Но не успѣлъ онъ вернуться къ себѣ, сѣсть на стулъ,

какъ его собственная дверь слабо скрипнула и слышался голосъ Маріанны:

— Алексѣй Дмитричъ, это вы приходили ко мнѣ?

Онъ тотчасъ вскочилъ и бросился въ корридоръ. Маріанна стояла передъ дверью, со свѣчѣй въ рукѣ, блѣдная и неподвижная.

— Да... я... — шепнулъ онъ.

Пойдемте, — отвѣчала она и пошла по корридору; но, не дойдя до конца, остановилась и толкнула рукою низкую дверь. Неждановъ увидалъ небольшую, почти пустую комнату. — Войдемте лучше сюда, Алексѣй Дмитричъ, здѣсь намъ никто не помѣшаетъ. — Неждановъ повиновался. Маріанна поставила свѣчку на подоконникъ и обернулась къ Нежданову.

— Я понимаю, почему вамъ именно меня хотѣлось видѣть — начала она; — вамъ очень тяжело жить въ этомъ домѣ — и мнѣ тоже.

— Да; я хотѣлъ васъ видѣть, Маріанна Викентьевна, — отвѣчалъ Неждановъ; — но мнѣ не тяжело здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ я сблизился съ вами.

Маріанна улыбнулась задумчиво.

— Спасибо, Алексѣй Дмитричъ — но, скажите, неужели вы намѣрены остаться здѣсь послѣ всѣхъ этихъ безобразій?

— Я думаю, меня здѣсь не оставятъ — мнѣ откажутъ! — отвѣчалъ Неждановъ.

— А сами вы не откажетесь?

— Самъ... Нѣтъ.

— Почему?

— Вы хотите знать правду? Потому что *вы* здѣсь.

Маріанна наклонила голову и отошла немного въ глубь комнаты.

— И къ тому же, — продолжалъ Неждановъ, — я *обязанъ* остаться здѣсь. Вы ничего не знаете — но я хочу, я чувствую, что долженъ вамъ все сказать. — Онъ подступилъ къ Маріаннѣ и схватилъ ее за руку. Она ее не приняла — и только посмотрѣла ему въ лицо. — Послушайте! — воскликнулъ онъ съ внезапнымъ, сильнымъ порывомъ. — Послушайте меня! — И тотчасъ же, не сядясь ни на одно изъ двухъ-трехъ стульевъ, находившихся въ комнатѣ, продолжая стоять передъ Маріанной и держать ее руку, Неждановъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ неожиданнымъ для него самого краснорѣчіемъ, сообщилъ Маріаннѣ свои планы, намѣренія, причину, заставившую его принять предложеніе Сипягина — всѣ свои связи, знакомства, свое прошедшее, все что онъ скрывалъ, что никому не

высказывалъ! Онъ упомянулъ о полученныхъ письмахъ, о Васи́лѣ Николаевичѣ, обо всемъ — даже о Силинѣ! — Онъ говорилъ торопливо, безъ запинки, безъ малѣйшаго колебанья — словно онъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ не посвятилъ Маріанны во всѣ свои тайны — словно извинялся передъ нею. — Она его слушала внимательно, жадно; на первыхъ порахъ она изумилась... Но это чувство тотчасъ исчезло. Благодарность, гордость, преданность, рѣшимость — вотъ чѣмъ переполнялась ея душа. Ея лицо, ея глаза засіяли; она положила другую свою руку на руку Нежданова — ея губы раскрылись восторженно... Она вдругъ страшно похорошѣла!

Онъ остановился наконецъ — глянулъ на нее, и какъ будто впервые увидалъ *это* лицо, которое въ то же время такъ было и дорого ему и такъ знакомо.

Онъ вздохнулъ сильно, глубоко...

— Ахъ, какъ я хорошо сдѣлалъ, что вамъ все сказалъ! — едва могли шепнуть его губы.

— Да, хорошо... хорошо! повторила она тоже шепотомъ. Она невольно подражала ему — да и голосъ ея угасъ. — И значить, вы знаете — продолжала она, что я въ вашемъ

распоряженіи, что я хочу быть тоже полезной вашему дѣлу, что я готова сдѣлать все, что́ будетъ нужно, пойти куда прикажутъ, что я всегда, всею душою, желала того же, что́ и вы...

Она тоже умолкла. Еще одно слово — и у ней брызнули бы слёзы умиленія. Все ея крѣпкое существо стало внезапно мягко какъ воскъ. Жажда дѣятельности, жертвы, жертвы немедленной — вотъ чѣмъ она томилась.

Чьи-то шаги слышались за дверью — осторожные, быстрые, легкіе шаги.

Маріанна вдругъ выпрямилась, освободила свои руки — и вся тотчасъ перемѣнилась и повеселѣла. Что-то презрительное, что-то удалое мелькнуло по ея лицу.

— Я знаю, кто насъ подслушиваетъ въ эту минуту, — проговорила она такъ громко, что въ корридорѣ явственнымъ отзвучіемъ раздавалось каждое ея слово — г-жа Сипягина подслушиваетъ насъ... но мнѣ это совершенно все равно.

Шорохъ шаговъ прекратился.

— Такъ какъ же? — обратилась Маріанна къ Нежданову; — что́ же мнѣ дѣлать? какъ помочь вамъ? Говорите... говорите скорѣй! Что дѣлать?

— Что? — промолвилъ Неждановъ. — Я еще не знаю... Я получилъ отъ Маркелова записку...

— Когда? Когда?

— Сегодня вечеромъ. — Надо мнѣ ѣхать завтра съ нимъ къ Соломину на заводъ.

— Да... да... Вотъ еще славный человѣкъ — Маркеловъ! Вотъ настоящій другъ!

— Такой же какъ я?

Маріанна глянула прямо въ лицо Нежданову.

— Нѣтъ — не такой же.

— Какъ?...

Она вдругъ отвернулась.

— Ахъ! да развѣ вы не знаете, чѣмъ вы для меня стали и что я чувствую въ эту минуту...

Сердце Нежданова сильно забилося, и взоръ опустился невольно. Эта дѣвушка, которая любила его — его, бездомнаго горемыку — которая ему довѣряется, которая готова идти за нимъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ одной и той же цѣли — эта чудесная дѣвушка — Маріанна — въ это мгновенье стала для Нежданова воплощеніемъ всего хорошаго, правдиваго на землѣ — воплощеніемъ неиспытанной имъ семейной, сестриной, женской любви, — воплощеніемъ родины, счастья, борьбы, свободы!

Онъ поднялъ голову — и увидалъ ея глаза, снова на него обращенные...

О, какъ проникалъ ихъ свѣтлый, славный взглядъ, въ самую глубь его души!

— Итакъ, — началъ онъ невѣрнымъ голосомъ — я ѣду завтра... И когда я вернусь отсюда я скажу... вамъ... (ему вдругъ стало неловко говорить Маріаннѣ: вы) — скажу вамъ, что узнаю, что будетъ рѣшено. Отнынѣ, все, что я буду дѣлать, все, что я буду думать — все, все сперва узнаешь... ты.

— О, мой другъ! — воскликнула Маріанна — и опять схватила его руку. Я то же самое обѣщаю тебѣ!

Это „тебѣ“ вышло у ней такъ легко и просто, какъ будто иначе и нельзя было — какъ будто это было товарищеское: „ты“.

— А письмо можно видѣть?

— Вотъ оно, вотъ.

Маріанна пробѣжала письмо и чуть не съ благоговѣніемъ подняла на него взоръ.

— На тебя возлагаютъ такія важныя порученія?

Онъ улыбнулся ей въ отвѣтъ и спряталъ письмо въ карманъ.

— Странно, — промолвилъ онъ: — вѣдь мы объяснились другъ другу въ любви — мы любимъ

другъ друга — а ни слова объ этомъ между нами не было.

— Къ чему? — шепнула Маріанна и вдругъ бросилась къ нему на шею, притиснула свою голову къ его плечу... Но они даже не поцѣловались — это было бы пошло и почему-то жутко — такъ, по крайней мѣрѣ, чувствовали они оба — и тотчасъ же разошлись, крѣпко-крѣпко стиснувъ другъ другу руку.

Маріанна вернулась за свѣчей, которую оставила на подоконникѣ пустой комнаты — и только тутъ нашло на нее нѣчто въ родѣ недоумѣнія. Она погасила ее и, въ глубокой темнотѣ, быстро скользнувъ по корридору, вернулась въ свою комнату — раздѣлась, и легла въ той же для нея почему-то отрадной темнотѣ.

XVI.

На другое утро, когда Неждановъ проснулся, онъ не только не почувствовалъ никакого смущенія при воспоминаніи о томъ, что произошло наканунѣ — но, напротивъ: онъ исполнился какой-то хорошей и трезвой радостью, точно онъ совершилъ дѣло, которое, по настоящему, давно слѣдовало совершить. Отпросившись на два дня у Сипягина, который согласился на его отлучку

немедленно, но строго, — Неждановъ уѣхалъ къ Маркелову. Передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ свидѣться съ Маріанной. — Она тоже нисколько не стыдилась и не смущалась, глядѣла спокойно и рѣшительно, и спокойно говорила ему: ты. Волновалась она только о томъ, что онъ узнаетъ у Маркелова, и просила сообщить ей все.

— Это само-собою разумѣется, — отвѣчалъ Неждановъ.

„И въ самомъ-дѣлѣ, — думалось ему: — чего намъ тревожиться? Въ нашемъ сближеніи личное чувство играло роль... второстепенную — а соединились мы безвозвратно. Во имя дѣла? Да, во имя дѣла!“

Такъ думалось Нежданову, — и онъ самъ не подозрѣвалъ, сколько было правды — и неправды въ его думахъ.

Онъ засталъ Маркелова въ томъ же усталомъ и суровомъ настроеніи духа. Пообѣдавши кое-какъ и кое-чѣмъ, они отправились въ извѣстномъ уже намъ тарантасѣ — (вторую пристяжную, очень молодую и небывавшую еще въ упряжѣ лошадь, взяли на-прокатъ у мужика — Маркеловская еще хромала) — на большую бумаго-прядильную фабрику купца Фалѣева, гдѣ жилъ Соломинъ. Любопытство Нежданова было воз-

буждено: ему очень хотѣлось поближе познакомиться съ человѣкомъ, о которомъ въ послѣднее время онъ слышалъ такъ много. Соломинъ былъ предупрежденъ; какъ только оба путешественника остановились у воротъ фабрики и назвались — ихъ немедленно провели въ невзрачный флигелёкъ, занимаемый „механикомъ-управляющимъ“. Самъ онъ находился въ главномъ фабричномъ корпусѣ; пока одинъ изъ рабочихъ бѣгалъ за нимъ, Неждановъ и Маркеловъ успѣли подойти къ окну и осмотрѣться. Фабрика, очевидно, была въ полномъ расцвѣтаніи и завалена работой: отовсюду неся бойкій гамъ и гулъ непрестанной дѣятельности: машины пыхтѣли и стучали, скрипѣли станки, колеса жужжали, хлюпали ремни, катились и исчезали тачки, бочки, нагруженные телѣжки; раздавались повелительные крики, звонки, свистки, торопливо пробѣгали мастеровые въ подпоясанныхъ рубахахъ, съ волосами прихваченными ремешкомъ, рабочія дѣвки въ ситцахъ; двигались запряженные лошади... Людская тысячеголовая сила гудѣла вокругъ, натянутая какъ струна. Все шло правильно, разумно, полнымъ махомъ; но не только щегольства или аккуратности даже опрятности не было замѣтно нигдѣ и ни въ чемъ; напротивъ — всюду по-

ражала небрежность, грязь, копотъ; тамъ стекло въ окнѣ разбито, тамъ облупилась штукатурка, доски вывалились, зѣваетъ настежь растворенная дверь; большая лужа, черная, съ радужнымъ отливомъ гнили, стоитъ посреди главнаго двора; дальше торчатъ груды разбросанныхъ кирпичей; валяются остатки рогожъ, циновокъ, ящиковъ, обрывки веревокъ; шершавыя собаки ходятъ съ подтянутыми животами и даже не лаютъ; въ уголку подъ заборомъ сидитъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, съ огромнымъ животомъ и взъерошенной головой, весь выпачканный въ сажѣ — сидитъ и безнадежно плачетъ, словно оставленный цѣлымъ міромъ; рядомъ съ нимъ, замаранная той же сажей, свинья, окруженная пестрыми поросятами, пожираетъ капустныя кочерыжки; дырявое бѣлье болтается на протянутой веревкѣ — а какой смрадъ, какая духота всюду! — Русская фабрика — какъ есть; не нѣмецкая и не французская мануфактура.

Неждановъ глянулъ на Маркелова.

— Мнѣ столько натолковали объ отмѣнныхъ способностяхъ Соломина, — началъ онъ, — что, признаюсь, меня весь этотъ беспорядокъ удивляетъ; я этого не ожидалъ.

— Беспорядка тутъ нѣтъ, — отвѣчалъ уг-

рюмо Маркеловъ, — а неряшливость русская. Все-таки — миллионное дѣло! А ему приспособляться приходится: и къ старымъ обычаямъ, — и къ дѣламъ, — и къ самому хозяину. Вы имѣете ли понятіе о Фалѣевѣ?

— Никакого.

— Первый по Москвѣ алтынникъ. Буржуй — одно слово!

Въ эту минуту Соломинъ вошелъ въ комнату. Нежданову пришлось разочароваться въ немъ, такъ же какъ и въ фабрикѣ. На первый взглядъ Соломинъ производилъ впечатлѣніе чухонца или скорѣе шведа. Онъ былъ высокаго роста, бѣлобрысъ, сухопаръ, плечистъ; лицо имѣлъ длинное, желтое, носъ короткій и широкій, глаза очень небольшіе, зеленоватые, взглядъ спокойный, губы крупныя и выдвинутыя впередъ; зубы бѣлые, тоже крупные и раздвоенный подбородокъ, чуть-чуть обросшій пухомъ. Одѣтъ онъ былъ ремесленникомъ, кочегаромъ: на туловищѣ — старый пиджакъ съ отвислыми карманами, на головѣ клеенчатый помятый картузь, на шеѣ шерстяной шарфъ, на ногахъ дегтярные сапоги. Его сопровождалъ человекъ лѣтъ сорока, въ простой чуйкѣ, съ чрезвычайно подвижнымъ, цыганскимъ лицомъ и черными какъ смоль, прон-

зительными глазами, которыми онъ, какъ только вошелъ, такъ разомъ и окинулъ Нежданова... Маркелова онъ уже зналъ. Звали его Павломъ; онъ слылъ фактотумомъ Соломина.

Соломинъ подошелъ, не спѣша, къ обоимъ посѣтителемъ, давалъ, молча, руку каждому изъ нихъ своею мозолистой, костлявой рукой, вынулъ изъ стола запечатанный пакетъ и передалъ его, тоже молча, Павлу, который тотчасъ и вышелъ вонъ изъ комнаты. Потомъ онъ потянулся, крякнулъ; сбросивъ картузь съ затылка долой однимъ взмахомъ руки, — присѣлъ на деревянный крашеный стульчикъ, — и, указавъ Маркелову и Нежданову на такой же диванъ, промолвилъ: — Прошу!

Маркеловъ сперва познакомилъ Соломина съ Неждановымъ; тотъ ему снова давалъ руку. — Потомъ Маркеловъ началъ говорить о „дѣлѣ“, упомянулъ а письмѣ Василя Николаевича. Неждановъ подалъ это письмо Соломину. Пока онъ читалъ, внимательно и не торопясь переводя глаза со строки на строку — Неждановъ глядѣлъ на него. Соломинъ сидѣлъ близъ окна; уже низкое солнце ярко освѣщало его загорѣлое, слегка вспотѣвшее лицо, его бѣлокурые, запыленные волосы, зажигая въ нихъ множество

золотистыхъ точекъ. Его ноздри подрыгивали и раздувались во время чтенія и губы шевелились, какъ бы произнося каждое слово; онъ держалъ письмо крѣпко и высоко обѣими руками. Все это, Богъ вѣдаетъ почему, нравилось Нежданову. Соломинъ возвратилъ письмо Нежданову, улыбнулся ему, и опять принялся слушать Маркелова. Тотъ говорилъ, говорилъ — и умолкъ наконецъ.

— Знаете ли что, — началъ Соломинъ, и голосъ его, немного сиплый, но молодой и сильный, тоже понравился Нежданову, — у меня здѣсь несовсѣмъ удобно; поѣдемте-ка къ вамъ — до васъ всего семь верстъ. Вѣдь вы въ тавантасѣ пріѣхали?

— Да.

— Ну... мѣсто мнѣ будетъ. Черезъ часъ у меня работы кончатся, и я свободенъ. Мы и потолкуемъ. Вы тоже свободны? — обратился онъ къ Нежданову.

— До послѣ-завтра.

— И прекрасно. Мы вотъ заночуемъ у нихъ.
— Можно будетъ, Сергѣй Михайлычъ?

— Что за вопросъ! Конечно, можно.

— Ну — я сейчасъ. Дайте только пообчиститься немного.

— А какъ у васъ по фабрикѣ? значительно спросилъ Маркеловъ.

Соломинъ глянулъ въ сторону.

— Мы потолкуемъ, — промолвилъ онъ вторично. — Погодитека... Я сейчасъ... Я кое-что забылъ.

Онъ вышелъ. Если бы не хорошее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Нежданова — тотъ бы, пожалуй, подумалъ, и даже, быть можетъ, спросилъ бы у Маркелова: „Ужъ не отлыниваетъ ли онъ?“ Но ему ничего подобнаго въ голову не пришло.

Часъ спустя, въ то время, когда изъ всѣхъ этажей громаднаго зданія по всѣмъ лѣстницамъ спускалась и во всѣ двери выливалась шумная фабричная толпа, — тарантасъ, въ которомъ сидѣли Маркеловъ, Неждановъ и Соломинъ, выѣзжалъ изъ воротъ на дорогу.

— Василій Ѳедотычъ! Дѣйствовать? — закричалъ Соломину напоследяхъ Павелъ, проводившій его до воротъ.

— Попридержи... — отвѣчалъ Соломинъ. — Это насчетъ одной ночной операціи, — пояснилъ онъ своимъ товарищамъ.

Пріѣхали они въ Борзѣнково; поужинали — больше приличія ради, — а тамъ запылали

сигары и начались разговоры, тѣ ночные, неутомимые русскіе разговоры, которые въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ видѣ едва ли свойственны другому какому народу. Впрочемъ, и тутъ Соломинъ не оправдалъ ожиданій Нежданова. Онъ говорилъ замѣчательно мало... такъ мало, что почти, можно сказать, постоянно молчалъ; но слушалъ пристально, и если произносилъ какое-либо сужденіе или замѣчаніе, то оно было и дѣльно, и вѣско, и очень коротко. Оказалось, что Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ — не издали, а сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ — и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ — ибо самъ былъ изъ народа; но онъ понималъ невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго „ничего ты не подѣлаешь“, и котораго долго готовить надо — да и не такъ и не тому, какъ *тѣ*. Вотъ онъ и держался въ сторонѣ, не какъ хитрецъ и виляка, а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя, ни другихъ. — А послушать... отчего не послушать — и даже поучиться, если такъ придется. Соломинъ былъ

единственный сынъ дьячка; у него было пять сестеръ — всѣ замужемъ за попами и дьяконами; но онъ, съ согласія отца, степеннаго и трезваго человѣка, бросилъ семинарію, сталъ заниматься математикой и особенно пристрастился къ механикѣ; попалъ на заводъ къ англичанину, который полюбилъ его какъ сына — и далъ ему средства съѣздить въ Манчестеръ, гдѣ онъ пробылъ два года и выучился англійскому языку. На фабрику московскаго купца онъ попалъ недавно, и хотя съ подчиненныхъ взыскивалъ — потому что въ Англіи на эти порядки насмотрѣлся, — но пользовался ихъ расположеніемъ: свой, дескать, человѣкъ! Отецъ былъ имъ очень доволенъ, называлъ его „обстоятельнымъ“ и только жалѣлъ о томъ, что сынъ жениться не желаетъ.

Въ теченіи ночного разговора у Маркелова, Соломинъ, какъ мы уже сказали, почти все молчалъ; но когда Маркеловъ принялся толковать о надеждахъ, возлагаемыхъ имъ на фабричныхъ, Соломинъ, по своему обыкновенію, лаконически замѣтилъ, что у насъ на Руси фабричные не то, — что за границей — самый тихоня народъ.

— А мужики? — спросилъ Маркеловъ.

— Мужики? Кулаковъ межъ ними ужъ те-

перь завелось довольно, и съ каждымъ годомъ больше будетъ — а кулаки только свою выгоду — знаютъ; остальные — овцы, темнота.

— Такъ гдѣ же искать?

Соломинъ улыбнулся.

— Ищите и обрящете.

Онъ почти постоянно улыбался — и улыбка его была тоже какая-то безхитростная — но не безотчетная, какъ и весь онъ. — Съ Неждановымъ онъ обходился особеннымъ образомъ: молодой студентъ возбуждалъ въ немъ участіе, почти нѣжность.

Въ теченіи того же ночного разговора, Неждановъ вдругъ разгорячился и пришелъ въ азартъ; Соломинъ тихонько всталъ и, перейдя своей развалистой походкой черезъ всю комнату, заперъ открывшееся за головой Нежданова окошко...

— Какъ бы вы не простудились, — добродушно промолвилъ онъ въ отвѣтъ на изумленный взглядъ оратора.

Неждановъ сталъ спрашивать его о томъ, какія соціальныя идеи онъ пытается провести во ввѣренной ему фабрикѣ, и намѣренъ ли онъ устроить дѣло такъ, чтобы работники участвовали въ барышѣ?

— Душа моя! — отвѣчалъ Соломинъ — мы школу завели и больницу маленькую — да и то патронъ упирался какъ медвѣдь!

Разъ только Соломинъ разсердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло, не исключая пудовой гирки, пріютившейся возлѣ чернильницы. Ешу рассказали о какой-то несправедливости на судѣ, о притѣсненіи рабочей артели...

Когда же Неждановъ и Маркеловъ принимались говорить, какъ „приступить“, какъ привести планъ въ дѣйствіе, Соломинъ продолжалъ слушать съ любопытствомъ, даже съ уваженіемъ — но самъ уже не произносилъ ни слова. Да четырехъ часовъ длилась эта ихъ бесѣда. — И о чемъ, о чемъ, они не перетолковали! Маркеловъ между прочимъ таинственно намекнулъ на неутомимаго путешественника Кислякова, на его письма, которыя становятся все интереснѣе да интереснѣе; онъ обѣщалъ показать Нежданову нѣкоторыя изъ нихъ и даже дать ихъ ему на домъ, такъ такъ онѣ очень пространны и писаны не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ; да и сверхъ того въ нихъ много учености и даже стихи попадаются — но не какіе-нибудь легкомысленные — а съ соціа-

листическимъ направленіемъ! — Отъ Кислякова Маркеловъ перешелъ къ солдатамъ, къ адъютантамъ, къ нѣмцамъ — договорился наконецъ до своихъ артиллерійскихъ статей; Неждановъ упомянулъ объ антагонизмѣ Гейне и Бөрне, о Прудонѣ, о реализмѣ въ искусствѣ; а Соломинъ, слушалъ, вникалъ, покуривалъ — и не переставая улыбаться, не сказавъ ни одного остроумнаго слова, казалось, лучше всѣхъ понималъ, въ чемъ состояла собственно вся суть.

Пробило четыре часа... Неждановъ и Маркеловъ едва держались на ногахъ отъ усталости — а Соломинъ хоть бы въ одномъ глазѣ! — Пріятели разошлись; но прежде было сообща положено: на слѣдующій день отправиться въ городъ къ старовѣру купцу Голушкину, для пропаганды: самъ Голушкинъ былъ очень ретивъ — да и обѣщалъ прозелитовъ! Соломинъ выказалъ было сомнѣніе: стоить ли посѣщать Голушкина? Однако потомъ согласился, что стоить.

XVII.

Гости Маркелова еще спали, когда къ нему явился посланецъ съ письмомъ отъ его сестры, г-жи Сипягиной. — Въ этомъ письмѣ Валентина Михайловна говорила ему о какихъ-то хозяйствен-

ныхъ пустячкахъ, просила его прислать ей взятую имъ книгу — да кстати въ постъ-скриптумъ сообщала ему „забавную“ новость: его бывшая пассія, Маріанна, влюбилась въ учителя Нежданова — а учитель въ нее; и это она, Валентина Михайловна, не сплетни передаетъ — а видѣла все собственными глазами и слышала собственными ушами. Лицо Маркелова стало темнѣе ночи... но онъ ни слова не промолвилъ; — велѣлъ отдать посланцу книгу — и, увидѣвши сошедшаго сверху Нежданова, обычнымъ образомъ съ нимъ поздоровался — даже передалъ ему обѣщанную пачку Кисляковскихъ посланій; — но не остался съ нимъ, а ушелъ „по хозяйству“. — Неждановъ вернулся къ себѣ въ комнату и пробѣжалъ отданныя ему письма: молодой пропагандистъ въ нихъ толковалъ постоянно о себѣ, о своей судорожной дѣятельности: по его словамъ, онъ въ послѣдній мѣсяцъ обскакалъ одиннадцать уѣздовъ, былъ въ девяти городахъ, двадцати девяти селахъ, пятидесяти-трехъ деревняхъ, одномъ хуторѣ и восьми заводахъ; шестнадцать ночей провелъ въ сѣнныхъ сараяхъ, одну въ конюшнѣ, одну даже въ коровьемъ хлѣвѣ (тутъ онъ замѣтилъ въ скобкахъ съ *нотабене*, что блоха его не беретъ); лазилъ по землянкамъ, по ка-

зармамъ рабочихъ, вездѣ поучалъ, наставлялъ, книжки раздавалъ и на лету собиралъ свѣдѣнія; инья записывалъ на мѣстѣ, другія заносилъ себѣ въ память, по новѣйшимъ приемамъ мемноники; написалъ четырнадцать большихъ писемъ, двадцать-восемь малыхъ и восемнадцать записокъ (изъ коихъ четыре карандашомъ, одну кровью, одну сажей, разведенной на водѣ); и все это онъ успѣвалъ сдѣлать, потому что научился систематически распредѣлять время, принимая въ руководство Квинтина Джонсона, Сверлицкаго и Карреліуса и другихъ публицистовъ и статистиковъ. — Потомъ онъ говорилъ опять-таки о себѣ, о своей звѣздѣ, о томъ, какъ и въ чемъ именно онъ дополнилъ теорію страстей Фуріэ; увѣрялъ, что онъ первый отыскалъ наконецъ, „почву,“ что онъ „не пройдетъ надъ міромъ безо всякаго слѣда“ — что онъ самъ удивляется тому, какъ это онъ, двадцати-двухъ-лѣтній юноша, уже рѣшилъ *всѣ* вопросы жизни и науки — и что онъ перевернетъ Россію, даже „встряхнетъ“ ее! — Dixi!! — приписывалъ онъ въ строку. — Это слово: Dixi — попадалось часто у Кислякова и всегда съ двумя восклицательными знаками. Въ одномъ изъ писемъ находилось и соціалистическое стихотвореніе,

обращенное къ одной дѣвушкѣ и начинавшееся словами:

Люби не меня — но идею!

Неждановъ внутренно подивился не столько самохвальству г-на Кислякова — сколько честному добродушію Маркелова... но тутъ же подумалъ: „По боку эстетику! и г-нъ Кисляковъ можетъ быть полезенъ“. — Къ чаю всѣ три пріятели сошлись въ столовой; но вчерашнее словопреніе между ними не возобновилось. — Никому изъ нихъ не хотѣлось говорить — но одинъ Соломинъ молчалъ спокойно; и Неждановъ, и Маркеловъ казались внутренно взволнованными.

Послѣ чаю они отправились въ городъ; старый слуга Маркелова, сидя на рундучкѣ, сопровождалъ своего бывшего барина обычнымъ унылымъ взоромъ.

Купецъ Голушкинъ, съ которымъ предстояло познакомиться Нежданову — былъ сынъ разбогатѣвшаго торговца москательнымъ товаромъ — изъ старовѣровъ-Ѳедосѣевцевъ. Самъ онъ не увеличилъ отцовскаго состоянія, ибо былъ, какъ говорится, жуиръ, эпикуреецъ на русскій ладъ — и никакой въ торговыхъ дѣлахъ сообразительности не имѣлъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ

сорока, довольно тучный и некрасивый, рябой, съ небольшими свинными глазками; говорилъ онъ очень поспѣшно и какъ-бы путаясь въ словахъ; размахивалъ руками, ногами сѣменилъ, похихатывалъ... вообще производилъ впечатлѣніе парня дурковатаго, избалованнаго и крайне самолюбиваго. Самъ онъ почиталъ себя человѣкомъ образованнымъ, потому что одѣвался по-нѣмецки и жилъ хотя грязненько да открыто, знался съ людьми богатыми — и въ театръ ѣздилъ, и протезировалъ каскадныхъ актрисъ, съ которыми изъяснялся на какомъ-то необычайномъ, яко-бы французскомъ языкѣ. Жажда популярности была его главною страстью: греми, молъ, Голушкинъ, по всему свѣту! — Тó Суворовъ или Потемкинъ — а тò Капитонъ Голушкинъ! — Эта же самая страсть, побѣдившая въ немъ прирожденную скупость, бросила его, какъ онъ не безъ самодовольства выражался — въ оппозицію (прежде онъ говорилъ просто: „въ позицію“ — но потомъ его научили) — свела его съ нигилистами: онъ высказывалъ самыя крайнія мнѣнія, трунилъ надъ собственнымъ старовѣрствомъ, ѣлъ въ постъ скоромное, игралъ въ карты — а шампанское пилъ какъ воду. И все сходило ему съ рукъ; — потому, говорилъ

онъ — у меня всякое, гдѣ слѣдуетъ, начальство закуплено, всякая прорѣха зашита, всѣ рты заткнуты, всѣ уши завѣшены. — Онъ былъ вдовъ, бездѣтенъ; сыновья его сестры съ подобострастнымъ трепетомъ вились около него... но онъ обзывалъ ихъ непросвѣщенными олухами, варварами, и едва пускалъ ихъ къ себѣ на глаза. — Жилъ онъ въ большомъ, каменномъ, довольно неряшливо содержанномъ домѣ; въ иныхъ комнатахъ мебель была заграничная — а въ иныхъ ничего не было кромѣ крашеныхъ стульевъ да клеенчатого дивана. Картины висѣли вездѣ — и вездѣ прескверныя: рыжіе ландшафты, лиловые морскіе виды — „Поцѣлуй“ Моллера, толстыя голыя женщины съ красными колѣнками и локтями. Хоть у Голушкина и не было семьи — но много разной челяди и приживальщиковъ ютилось подъ его кровлей: не изъ щедрости принималъ онъ ихъ, а опять-таки изъ популярничанья — да чтобъ было надъ кѣмъ командовать и ломаться. „Мои кліенты“, говорилъ онъ, когда желалъ пыль пустить въ глаза; книгъ онъ не читалъ, — а ученія выраженія запоминалъ отлично.

Молодые люди застали Голушкина въ его кабинетѣ. Облеченный въ долгополое пальто, съ

сигарой во рту, онъ притворялся, что читаетъ газету. При видѣ ихъ онъ тотчасъ вскочилъ, заметался, покраснѣлъ, закричалъ, чтобы скорѣй подавали закуску, что-то спросилъ, чему-то засмѣялся — и все это разомъ. Маркелова и Соломина онъ зналъ; Неждановъ былъ для него новое лицо. Услышавъ, что онъ студентъ, Голушкинъ опять засмѣялся, пожалъ ему вторично руку, и промолвилъ:

— Славно! славно! нашего полку прибыло... Ученіе свѣтъ, неученіе тьма — я самъ на мѣдные гроши ученъ, но понимаю, потому достигъ!

Нежданову показалось, что г-нъ Голушкинъ робѣетъ и конфузится... да оно дѣйствительно и было такъ. — „Смотри, братъ Капитонъ! не ударь лицомъ въ грязь!“ — было его первой мыслью, при видѣ cadaго новаго лица. Онъ однако скоро оправился и тѣмъ же торопливо-шепелявымъ, спутаннымъ языкомъ началъ говорить о Василіѣ Николаевичѣ, объ его характерѣ, о необходимости про... па... ганды — (онъ это слово тоже хорошо зналъ, но выговаривалъ медленно); — о томъ, что у него, Голушкина, открылся новый молодецъ, пренадежный; что, кажется, время теперь уже близко, назрѣло для... для ланцета (при этомъ онъ глянулъ на Маркелова, кото-

рый однако даже бровью не повелъ); — потомъ, обратясь къ Нежданову, онъ принялся расписывать самого себя, не хуже чѣмъ самъ великій корреспондентъ, Кисляковъ. Что онъ, молъ, изъ самодуровъ вышелъ давно, что онъ хорошо знаетъ права пролетаріевъ (и это слово онъ помнилъ твердо), что хотя онъ собственно торговлю бросилъ и занимается банковыми операціями — для нарощенія капитала — но это только для того, чтобы капиталъ сей въ данную минуту могъ послужить — въ пользу... въ пользу общему движенію, въ пользу — такъ сказать — народу; а что онъ, Голушкинъ, въ сущности презираетъ капиталъ! Тутъ вошелъ человѣкъ съ закуской, и Голушкинъ значительно крякнулъ и попросилъ, не угодно ли пройтись по рюмочкѣ? — и самъ первый „хлопнулъ“ внушительную чарочку перцовки.

Гости принялись за закуску. — Голушкинъ запихивалъ себѣ въ ротъ громадныя куски паюсной икры и пилъ исправно, приговаривая: — Пожалуйста, господа, пожалуйста, хорошій макончикъ. Снова обратившись къ Нежданову, онъ спросилъ его, откуда онъ прибылъ, надолго ли и гдѣ обрѣтается; а узнавъ, что онъ живетъ у Сипягина, воскликнулъ:

— Знаю я этого барина! Пустой! И тутъ же

началъ бранить всѣхъ землевладѣльцевъ С...ой губерніи, — за то, что въ нихъ не только нѣтъ ничего гражданственнаго, но даже собственныхъ интересовъ они не чувствуютъ... — Только — чудное дѣло! — самъ бранится, — а глаза бѣгаютъ и видно въ нихъ безпокойство. — Неждановъ не могъ себѣ хорошенько отдать отчета, что́ это за человѣкъ — и зачѣмъ онъ имъ нуженъ? Соломинъ, по обыкновенію, помалчивалъ; а Маркеловъ принялъ такой сумрачный видъ, что Неждановъ спросилъ его наконецъ: что́ съ нимъ? — На что́ Маркеловъ отвѣчалъ, что́ съ нимъ — ничего; но такимъ тономъ, какимъ обыкновенно отвѣчаютъ люди, когда хотятъ дать понять, что, есть-моль что-то, — да не про тебя. — Голушкинъ опять принялся сперва бранить кого-то, а потомъ хвалить молодежь: какіе, дескать теперь умницы пошли! У-умницы! У! — Соломинъ перебилъ его вопросомъ: кто́, моль, тотъ молодецъ надежный, о которомъ онъ говорилъ — и гдѣ онъ его отыскалъ? Голушкинъ расхохотался, повторилъ раза два: а вотъ увидите, увидите, — и началъ спрашивать его объ его фабрикѣ, и объ ея „плутѣ“ владѣльцѣ, на что́ Соломинъ отвѣчалъ весьма односложно. Тогда Голушкинъ налилъ всѣмъ шампанскаго — и наклонясь къ

уху Нежданова, шепнулъ: — За республику: и выпилъ бокалъ залпомъ. Неждановъ пригубилъ, Соломинъ замѣтилъ, что онъ вина утромъ не пьетъ; Маркеловъ злобно и рѣшительно выпилъ свой бокалъ до дна. Казалось, нетерпѣнье грызло его: вотъ, молъ, мы все прохлаждаемся — а къ настоящему разговору не приступаемъ... Онъ ударилъ по столу, сурово промолвилъ: — Господа! — и собрался-было говорить...

Но въ это мгновеніе вошелъ въ комнату прилизанный человѣчекъ съ кувшиннымъ рыльцемъ и чахоточный на видъ, въ купеческомъ нанковомъ кафтанчикѣ, обѣ руки на отлѣтъ. Поклонившись всей компаніи, человѣкъ доложилъ что-то вполголоса Голушкину.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣчалъ тотъ торопливо. — Господа, — прибавилъ онъ, — я долженъ просить извиненія... Мнѣ Вася вотъ, мой приказчикъ, одну такую „вещію“ сказалъ (Голушкинъ выразился такъ нарочно, шутки-ради), что мнѣ безпремѣнно предстоитъ на время отлучиться; но надѣюсь, господа, что вы согласитесь у меня сегодня откусать — въ три часа; и гораздо тогда намъ будетъ свободнѣе!

Ни Соломинъ, ни Неждановъ не знали, что

отвѣтитъ; но Маркеловъ тотчасъ промолвилъ, съ той же суровостью на лицѣ и въ голосѣ:

— Конечно, будемъ; а то — что же это за комедія?

— Благодаримъ покорно, — подхватилъ Голушкинъ — и, нагнувшись къ Маркелову, присовокупилъ: — „Тыщу“ рублей во всякомъ случаѣ на дѣло жертвую... въ этомъ не сомнѣвайся!

И при этомъ онъ раза три двинулъ правой рукой съ оттопыренными мизинцемъ и большимъ пальцемъ: „вѣрно, значитъ!“

Онъ проводилъ гостей до двери, — и, стоя на порогѣ, крикнулъ:

— Буду ждать въ три часа!

— Жди! — отвѣчалъ одинъ Маркеловъ.

— Господа! — промолвилъ Соломинъ, — какъ только всѣ трое очутились на улицѣ. — Я возьму извозчика — и поѣду на фабрику. Что мы будемъ дѣлать до обѣда? Бить баклуши? Да и купецъ нашъ... мнѣ кажется — отъ него, какъ отъ козла — ни шерсти, ни молока.

— Ну, шерсть-то будетъ, — замѣтилъ угрюмо Маркеловъ, — Онъ вотъ деньги обѣщаетъ. Или вы имъ брезгаете! Намъ во все входить нельзя. — Мы — не разборчивыя невѣсты.

— Стану я брезгать! — спокойно проговорилъ Соломинъ. Я только себя спрашиваю, какую пользу мое присутствіе можетъ принести. А впрочемъ, — прибавилъ онъ, глянувъ на Нежданова и улыбнувшись: — Извольте; останусь. На людяхъ и смерть красна.

Маркеловъ поднялъ голову.

— Пойдемъ, пока, въ городской садъ; — погода хорошая. На людей посмотримъ.

— Пойдемъ.

Они пошли — Маркеловъ и Соломинъ впереди, Неждановъ за ними.

XVIII.

Странное было состояніе его души. Въ послѣдніе два дня сколько новыхъ ощущеній, новыхъ лицъ... Онъ въ первый разъ въ жизни сошелся съ дѣвушкой, которую — по всей вѣроятности — полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому — по всей вѣроятности — посвятилъ всѣ свои силы... И что же? — Радовался онъ? — Нѣтъ. — Колебался онъ? Трусилъ? Смущался? — О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли онъ по крайней мѣрѣ то напряженіе всего существа, то стремленіе впередъ, въ первые ряды бойцовъ, которое вы-

зывается близостью борьбы? — Тоже нѣтъ. Да вѣрить ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣрить ли онъ въ свою любовь? — О, эстетикъ проклятый! Скептикъ! беззвучно шептали его губы. — Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуетъ? — Какой внутренній голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ? Но Маріанна, этотъ славный, вѣрный товарищъ, эта чистая, страстная душа, эта чудесная дѣвушка, развѣ она его не любитъ? Не великое развѣ это счастье, что онъ встрѣтился съ нею, что онъ заслужилъ ея дружбу, ея любовь? И эти два существа, которыя теперь идутъ передъ нимъ, этотъ Маркеловъ, этотъ Соломинъ, котораго онъ знаетъ еще мало, но къ которому чувствуетъ такое влеченіе — развѣ они не отличные образчики русской сути, русской жизни — и знакомство, близость съ ними не есть ли также счастье? — Такъ отчего же это неопредѣленное, смутное, ноющее чувство? Къ чему, зачѣмъ эта грусть? — Коли ты рефлекторъ и меланхоликъ, — снова шептали его губы — какой же ты къ чорту революціонеръ? Ты пиши стихи, да кисни, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньицами — да копайся въ разныхъ психологичес-

кихъ соображеніяхъ и тонкостяхъ — а, главное, не принимай твоихъ болѣзненныхъ, нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣжденнаго человека! — О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выдти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?

— Алексисъ! Другъ! Россійскій Гамлетъ! — раздался вдругъ, какъ-бы въ отзвучіе всѣмъ этимъ размышленіямъ знакомый, пискливый голосъ. — Тебя ли я вижу?!

Неждановъ поднялъ глаза — и съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собою Паклина — Паклина въ образѣ пастушка, облеченнаго въ лѣтнюю одежду бланжеваго цвѣту, безъ галстуха на шеѣ, въ большой соломенной шляпѣ, обвязанной голубой лентой и надвинутой на самый затылокъ — и въ лаковыхъ башмачкахъ!

Онъ тотчасъ подковылялъ къ Нежданову и ухватился за его руки.

— Во-первыхъ, — началъ онъ, — хотя мы въ публичномъ саду, надо, по старинному обычаю, обняться... и поцѣловаться... Разъ! два! три! — Во-вторыхъ, ты знай, что если бы я тебя не встрѣтилъ сегодня, ты бы навѣрное

завтра улицезрѣлъ меня, ибо мнѣ извѣстно твое мѣстопробываніе, и я даже нарочно прибылъ въ сей городъ... какимъ манеромъ — объ этомъ послѣ; въ-третьихъ, познакомъ меня съ твоими товарищами. Скажи мнѣ вкратцѣ, кто они — а имъ — кто я — и будемъ наслаждаться жизнью!

Неждановъ исполнилъ желаніе своего друга, назвалъ его, Маркелова, Соломина — и сказалъ о каждомъ изъ нихъ, кто онъ такой, гдѣ живетъ, что дѣлаетъ и т. п.

— Прекрасно! — воскликнулъ Паклинъ; — а теперь позвольте мнѣ отвести васъ всѣхъ вдаль отъ толпы, которой, впрочемъ, нѣтъ — на уединенную скамейку, сидя на которой я, въ часы мечтаній, наслаждаюсь природой. — Удивительный тамъ видъ: губернаторскій домъ, двѣ полосатыхъ будки, три жандарма и ни одной собаки! — Не удивляйтесь, однако, слишкомъ моимъ рѣчамъ, которыми я столь тщетно стараюсь разсмѣшить васъ! — Я, по мнѣнію моихъ друзей, представляю русское остроуміе... оттого-то, вѣроятно, я и хромаю.

Паклинъ повелъ пріятелей къ „уединенной скамейкѣ“, и усадилъ ихъ на ней, предварительно согнавъ съ нея двухъ салопницъ. Молодые

люди „обмѣнялись мыслями“ ... занятіе бѣльшей частью довольно скучное — особенно, на первых порахъ — и необыкновенно безплодное.

— Стой! — воскликнулъ вдругъ Паклинъ, обернувшись къ Нежданову — надо тебѣ объяснить, почему я здѣсь. Ты знаешь, я свою сестру каждое лѣто увожу куда-нибудь; когда я узналъ, что ты отправляешься въ сосѣдство здѣшняго города — я и вспомнилъ, что въ самомъ этомъ городѣ живутъ два удивительнѣйшихъ субъекта: мужъ и жена, которые намъ доводятся съ родни... по матери. Мой отецъ былъ мѣщанинъ — (Неждановъ это зналъ, но Паклинъ сказалъ это — для *тѣхъ двухъ*) — а она дворянка. И давнымъ-давно они насъ къ себѣ зазываютъ! — Стой! думаю я... Это мнѣ на-руку. Люди они добрѣйшіе, сестрѣ у нихъ будетъ — лафа; — чего же больше? Вотъ мы и прикатили. И ужъ точно: такъ намъ здѣсь хорошо... сказать нельзя! — Но что за субъекты! Что за субъекты! — Вамъ непременно надо съ ними познакомиться! — Что вы здѣсь дѣлаете? Гдѣ вы обѣдаете? И зачѣмъ вы собственно сюда пріѣхали?

— Мы обѣдаемъ сегодня у одного Голушки-

на... Здѣсь есть такой купецъ, — отвѣчалъ Неждановъ.

— Въ которомъ часу?

— Въ три часа.

— И вы видите съ нимъ на счетъ... на счетъ... — Паклинъ обвелъ взоромъ Соломина, который улыбался, и Маркелова, который все темнѣлъ да темнѣлъ...

— Да ты имъ, Алёша, скажи... сдѣлай какой-нибудь фармазонскій знакъ, право... скажи, что со мной вѣдь чиниться нечего... Вѣдь я вашъ... вашего общества...

— Голушкинъ тоже нашъ, — замѣтилъ Неждановъ.

— Ну, вотъ и чудесно! — До трехъ часовъ еще времени много. — Послушайтесь меня — пойдите къ моимъ родственникамъ!

— Да ты съ ума сошелъ! Какъ же можно такъ...

— Объ этомъ ты не безпокойся! ужъ это я на себя беру. — Представь: оазисъ! — Ни политика, ни литература, ни что современное туда и не заглядываетъ. — Домикъ какой-то пузатенькій, какихъ теперь и не видать нигдѣ; запахъ въ немъ — антикъ; люди — антикъ; воздухъ — антикъ... за что ни возьмись — ан-

тикъ, Екатерина вторая, пудра, фижмы, XVIII-й вѣкъ! — Хозяева... представь: мужъ и жена, оба старенькіе, престаренькіе, однолѣтки — и безъ морщинъ; кругленькіе, пухленькіе, опрятненькіе, настоящіе попугайчики-периклитки; а добры до глупости, до святости, безконечно! Мнѣ скажутъ, что „безконечная“ доброта часто бываетъ сопряжена съ отсутствіемъ нравственнаго чувства... Но я въ эти тонкости не вхожу и знаю только, что мои старички — добрячки! И дѣтей никогда не имѣли. Блаженные! Ихъ такъ въ городѣ блаженными и зовутъ. Одѣты оба одинаково, въ какіе-то полосатые капоты — и матерія такая добротная: такой тоже теперь нигдѣ не сыщешь. — Похожи другъ на друга ужасно — только вотъ что у одной на головѣ чепецъ — а у другого колпакъ — и съ такими же рюшами какъ на чепцѣ; только безъ банта. Не будь этого банта — такъ и не узнаешь: кто — кто; къ тому-жъ и мужъ-то безбородый. И зовутъ ихъ: одного — Оомушка — а другую: Оимушка. — Я тебѣ говорю — деньги слѣдовало бы платить, чтобъ только посмотрѣть на нихъ. Любятъ другъ друга — до невозможности; а посѣтить ихъ кто — милости просимъ! — И такіе податливые: сейчасъ всѣ свои штучки по-

кажутъ. Только одно: курить у нихъ нельзя: не то, чтобы они были раскольники — но ужъ очень имъ табакъ мерзить... Да вѣдь въ ихъ времена кто же и курилъ? — за то и канареекъ они не держатъ — потому что птица эта тоже мало была тогда распространена... И это великое счастье — согласитесь! — Ну, что-жъ? идете вы?

— Я, право же, не знаю, — началъ Неждановъ.

— Стой! я еще не все сообщилъ. — Голоса у нихъ одинаковые: закрой глаза, такъ и не знаешь, кто говоритъ. Только у Оомушки рѣчь какъ будто почувствительнѣй. — Вотъ вы, господа, собираетесь теперь на великое дѣло, — быть можетъ, на страшную борьбу... Что бы вамъ, прежде чѣмъ броситься въ эти бурныя волны — окунуться...

— Въ стоячую воду? — перебилъ Маркеловъ.

— А хотъ бы и такъ? — Стоячая она, точно; только не гнилая. — Такіе есть степные прудки; они хотъ и не проточные, а никогда не зацвѣтають, потому что на днѣ у нихъ есть ключи. — И у моихъ старичковъ есть ключи — тамъ, на днѣ сердца, чистые, пречистые. — Ужъ одно то: хотите вы узнать, какъ жили сто, полтора

лѣтъ тому назадъ? — такъ спѣшите, идите за мною. А то придетъ вдругъ день и часъ — одинъ и тотъ же часъ непременно для обоихъ — и свалятся мои периклитки со своихъ жердочекъ — и всякій антикъ тотчасъ съ ними прекратится — и пузатенькій домъ пропадетъ — и выростетъ на его мѣстѣ то, что, по словамъ моей бабушки, всегда^{въ} вырастаетъ на мѣстѣ, гдѣ была „человѣчина“ — а именно: крапива, репейникъ, осоть, полынь и конскій щавель; самой улицы не будетъ — и придутъ люди и ничего уже больше такого не найдутъ во вѣки вѣковъ!...

— А что? — воскликнулъ Неждановъ: — и впрямь пойти?

— Я съ великимъ даже удовольствіемъ готовъ, — промолвилъ Соломинъ; — не по моей это части — а все-таки любопытно; — и коли г. Паклинъ точно можетъ поручиться, что мы своимъ приходомъ никого не обезпокоимъ, то... почему же...

— Да ужъ не сомнѣвайтесь! — воскликнулъ въ свою очередь Паклинъ: — восторгъ произведете — и больше ничего. Какія тутъ церемоніи! Говорятъ вамъ: они — блаженные; мы

ихъ пѣтъ заставимъ. — А вы, г. Маркеловъ, согласны?

Маркеловъ сердито повелъ плечами.

— Не оставаться же мнѣ тутъ одному! — Извольте вести.

Молодые люди поднялись со скамейки.

— Какой это у тебя баринъ грозный, — шепнулъ Паклинъ Нежданову, указывая на Маркелова: — ни дать ни взять Іоаннъ Предтеча, наѣвшійся акридъ... однѣхъ акридъ, безъ меда! — А тотъ, — прибавилъ онъ кивнувъ головой на Соломина — чудесный! Какъ это онъ славно улыбается! — Я замѣтилъ, такъ улыбаются только такіе люди, которые выше другихъ — а сами этого не знаютъ.

— Развѣ бываютъ такіе люди? — спросилъ Неждановъ.

— Рѣдко; но бываютъ, — отвѣчалъ Паклинъ.

XIX.

Θомушка и Θимушка, — Θома Лаврентьевичъ и Евѡимія Павловна Сѹбочевы — принадлежали оба къ одному и тому же коренному русскому дворянскому роду — и считались чуть ли не самыми старинными обитателями города С*. — Они вступили въ бракъ очень рано — и очень давно

тому назадъ, поселились въ дѣдовскомъ деревянномъ домѣ на краю города — никогда оттуда не выѣзжали — и ни въ чемъ никогда не изменили ни своего образа жизни, ни своихъ привычекъ. Время, казалось, остановилось для нихъ; никакое „новшество“ не проникало за границу ихъ оазиса“. Состояніе у нихъ было небольшое; но мужички ихъ по-прежнему привозили имъ по нѣскольку разъ въ годъ дамашнюю живность и провизію; староста въ указанный срокъ являлся съ оброчными деньгами и парой рябчиковъ, будто бы застрѣленныхъ въ господскихъ лѣсныхъ, въ дѣйствительности давно исчезнувшихъ, дачахъ; его поили чаемъ на порогѣ гостиной, дарили ему баранью шапку, пару зеленыхъ замшевыхъ рукавицъ — и отпускали съ Богомъ. — Дворовые люди по-прежнему наполняли Субочевскій домъ. Старый слуга Каліопычъ, облеченный въ камзолъ изъ необычайно толстаго сукна съ стоячимъ воротникомъ и маленькими стальными пуговицами, по-прежнему докладывалъ на-распѣвъ, что „кушанье на столъ,“ и засыпалъ, стоя за кресломъ барыни. Буфетъ былъ у него на рукахъ; — онъ завѣдывалъ „разной бакаліей, кардамонами и лимонами,“ — а на вопросъ: не слыхалъ ли онъ, что для всѣхъ крѣ-

BOOЯ BOOЯ BOOЯ
BOOЯ BOOЯ BOOЯ
BOOЯ BOOЯ BOOЯ
BOOЯ BOOЯ BOOЯ

постныхъ вышла воля — всякій разъ отвѣчалъ, что мало ли кто какія мелеть враки; это, молъ, у турковъ бываетъ воля — а его, слава Богу, она миновала. Дѣвка Пуфка, изъ карлицъ держалась для развлеченія, а старая няня Васильевна во время обѣда входила съ большимъ темнымъ платкомъ на головѣ — и рассказывала шамкавшимъ голосомъ про всякія новости: — про Наполеона, двѣнадцатый годъ, про антихриста и бѣлыхъ араповъ; — а не то, подперши рукою подбородокъ, словно горюя, сообщала, какой она видѣла сонъ и что онъ означалъ, — и что у ней на картахъ вышло. Самый домъ Субочевыхъ отличался ото всѣхъ другихъ домовъ въ городѣ: онъ былъ весь построенъ изъ дуба, и окна имѣлъ въ видѣ равностороннихъ четырехугольниковъ; двойныя рамы никогда не вынимались! И были въ немъ всевозможныя сѣнцы и горенки, и свѣтлицы и хороминки, и рундучки съ перильцами, и голубцы на точёныхъ столбикахъ, и всякіе задніе переходцы и каморки. Спереди находился полисадникъ — а сзади садъ; а въ саду — что клѣтушекъ, пúнекъ, амбарчиковъ, погребковъ, ледничковъ... — какъ есть гнѣздо! И не то, чтобы во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ сохранялось много добра — иныя уже и зава-

лились; — да заведено все это было изстари — ну, и держалось. Лошадей у Субочевыхъ было только двѣ, древнія, сѣдлистыя, косматыя; по одной отъ старости даже бѣлыя пятна выступили: звали ее Недвигой. Закладывались онѣ — много-много разъ въ мѣсяцъ — въ необычайный, всему городу извѣстный экипажъ, представлявшій подобіе земного глобуса, съ вырѣзанной спереди четвертою частью и обитый снутри заграничной желтой матеріей, сплошь усеянной крупными пупырушками въ видѣ бородавокъ. Послѣдній аршинъ этой матеріи былъ вытканъ въ Утрехтѣ или Ліонѣ еще во времена императрицы Елисаветы! И кучеръ у Субочевыхъ былъ чрезвычайно древній, пропитанный запахомъ вѣрвани и дегтя старикъ; борода начиналась у него близъ самыхъ глазъ — а брови падали маленькимъ каскадомъ на бороду. Онъ до того былъ медлителенъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, что употреблялъ цѣлыхъ пять минутъ на понюшку табаку, двѣ минуты на то, чтобы заткнуть за поясъ, и два часа слишкомъ на то, чтобы заложить одну Недвигу. А звали его Перфишкой! Если Субочевымъ случалось выѣхать и экипажу приходилось хоть чуточку подниматься въ-гору — то они непременно пугались — (спу-

= X == X =

II {} II {} II

— V — V —

скаясь съ-горы, они, впрочемъ, тоже пугались) — цѣплялись за каретные ремни и твердили оба вслухъ: „Конямъ — конямъ... сила Самуила; — а мы — а мы, легче пуха, легче духа!!...“ Субочевыхъ всѣ въ городѣ С* считали за чудаковъ, чуть не за сумасшедшихъ; — да они сами сознавали, что не подходятъ къ настоящимъ порядкамъ... но не больно объ этомъ печалились: въ какомъ быту родились они, выросли и сочетались бракомъ — въ томъ и остались. Одна только особенность того быта къ нимъ не пристала: отъ-роду они никогда никого не наказали, не взыскали ни съ кого. Коли слуга у нихъ оказывался отъявленнымъ пьяницей или воромъ — они сперва долго терпѣли и переносили — вотъ какъ переносятъ дурную погоду; а наконецъ старались отдѣлаться отъ него, спустить его другимъ господамъ: пускай же, дескать, и тѣ помаются маленько! Только эта бѣда случалась съ ними рѣдко, — до того рѣдко, что становилась въ ихъ жизни эпохой — и они говорили, наприимѣръ: „Этому очень давно; это приключилось тогда, когда у насъ проживалъ Алдошка озорникъ;“ или: „когда у насъ украли мѣховую дѣдушкину шапку съ лисьимъ хвостомъ...“ — У Субочевыхъ еще водились такіа

шапки. Другая, впрочемъ, отличительная черта стариннаго быта въ нихъ также не замѣчалась: ни Оимушка, ни Оомушка не были слишкомъ религіозными людьми. Оомушка такъ даже придерживался Вольтеріанскихъ правилъ; а Оимушка смертельно боялась духовныхъ лицъ: у нихъ, по ея примѣтамъ, глазъ былъ дурной. „Попъ у меня посидитъ, — говаривала она: — глядь! анъ, сливки-то и скислись.“ Въ церковь они выѣзжали рѣдко — и постились по-католически, т.-е. употребляли яйца, масло и молоко. Въ городѣ это знали — и, конечно, это не поправляло ихъ репутаціи. Но доброта ихъ все побѣждала; и надъ чудачками Субочевыми хоть и смѣялись, хоть и считали ихъ юродивыми и блаженными — а все-таки, въ сущности, уважали ихъ.

Да; ихъ уважали... но ѣздить къ нимъ никто не ѣздилъ. Впрочемъ, они объ этомъ также не тужили. Вмѣстѣ они никогда не скучали — а потому не разлучались никогда, и никакого другого общества не желали. Ни Оомушка, ни Оимушка ни-разу не болѣли; а если съ однимъ изъ нихъ и приключалась какая легкая немощь — то они *оба* пили настой липоваго цвѣту, натирались теплымъ масломъ по поясницѣ — или капали горячимъ саломъ на подошвы — и въ

скороности все проходило. — День они проводили всегда одинаково. Вставали поздно, кушали утромъ шоколадъ изъ крошечныхъ чашекъ въ видѣ ступокъ; „чай — увѣряли они — ужъ послѣ насъ въ моду-то вошелъ“; — садились другъ передъ другомъ — и либо бесѣдовали — (и всегда находили о чемъ!) — либо читали изъ „*Пріятнаго препровожденія времени*“, „*Зеркала Свѣта*“ или „*Аонидъ*“; либо просматривали старенькій альбомъ, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотою каёмкою, принадлежавшій нѣкогда, какъ гласила надпись, одной M-me Barbe de Kabuline. — Какъ и когда попалъ этотъ альбомъ къ нимъ въ руки — они сами не знали. Въ немъ находилось нѣсколько французскихъ и много русскихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, въ родѣ, на примѣръ, слѣдующаго „краткаго“ размышленія о „Цецеронѣ“:

„Въ каковомъ расположеніи Цецеронъ вступилъ въ чинъ квестора, объявляетъ онъ слѣдующее: Засвидѣтельствовавши богами чистосердіе своихъ чувственностей во всѣхъ чинахъ, коими дотолѣ почтенъ былъ, мнилъ себя обязанна самыми священными узами къ достойному оныхъ исполненію и въ семъ намѣреніи не попускался онъ, Цецеронъ, не токма въ сладости законо-

преступныя, — но и убѣгалъ отъ таковыхъ увеселеній, кои кажутся быть всеконечно необходимы“. — Внизу стояло: „Записано въ Сибири, въ гладѣ и хладѣ“. — Хорошо было также стихотвореніе, озаглавленное: „Тирсисъ“, гдѣ встрѣчались такія строфы:

Покой вселенной управляетъ,
Роса съ пріятностью блеститъ,
Природу нѣжитъ, прохлаждаетъ,
Ей нову жизнь собой даритъ!

Одинъ Тирсисъ съ душой унылой
Страдаетъ, мучится, груститъ...
Когда съ нимъ нѣтъ Анеты милой —
Его ничто не веселитъ!

— и экспромитъ проѣзжаго капитана въ 1790 году, „Маіія въ шестой день“:

Никогда я не забуду!
Тебя, любезное село!
И вѣчно помнить буду!
Пріятно время какъ текло!
Которое имѣлъ я честь!
У владѣлицы твоей!
Пять лучшихъ въ жизни дней!
Въ почтеннѣйшемъ кругу провести!
Среди множества дамъ и дѣвицъ,
И прочихъ антересныхъ лицъ!

На послѣдней страницѣ альбома стояло — вмѣсто стиховъ — рецепты отъ желудка, спазмовъ — и — увы! даже отъ глистовъ. Сѹбочевы

обѣдали ровно въ двѣнадцать часовъ, и ѣли всё старинныя кушанья: сырники, пигусы, солянки, разсольники, саламаты, кокурки, кисели, взвары, верченую курятину съ шафраномъ, алады съ мѣдомъ; послѣ обѣда отдыхали — часикъ, не больше; — просыпались, опять садились другъ передъ другомъ и пили брусничную водицу, а иногда и шипучку, прозванную „сорокоумомъ“, которая, однако, почти всякій разъ вылетала вся вонъ изъ бутылки и причиняла много смѣху господамъ — а Каліюшчу много досады: надо было подтирать „всюду“ — и онъ долго ворчалъ на ключницу и на повара, которые будто бы выдумали этотъ напитокъ.... „И какое въ немъ удовольствіе? Только *небель* портить!“ — Потомъ супруги Сѹбочевы опять что-нибудь читали или пересмѣивались съ карлицей Пуфкой или пѣли вдвоемъ старинные романсы (голоса у нихъ были совершенно одинакіе, высокіе, слабые, нѣсколько дрожащіе и хриплые — особенно послѣ сна; но не лишенные пріятности) — или наконецъ играли въ карты, но тоже всё въ старинныя игры: въ кребсъ, въ ламушъ или даже въ бостонъ сампрàндеръ! — Потомъ появлялся самоваръ; по вечерамъ они пили чай... *эту* уступку духу времени они сдѣлали; однако вся-

кій разъ находили, что это баловство — и что народъ отъ „оной китайской травки“ становится нарочито слабѣе. — Вообще же они удерживались отъ порицаній новаго времени и отъ восхваленій стараго: иначе они отроду не жили; но что другіе люди могли жить другимъ манеромъ — и даже лучше — это они допускали; лишь бы ихъ не заставляли мѣняться! — Часамъ къ восьми Калліопычъ подавалъ ужинъ съ неизбѣжной окрошкой; а въ девять часовъ полосатые высокіе пуховики уже принимали въ свои рыхлыя объятія утучненные тѣла Оомушки и Оимушки, и безмятежный сонъ не медлилъ спуститься на ихъ вѣжды. — И все утихало въ старенькомъ домѣ: лампадка теплилась, пахло выхухолью, мелиссой, сверчокъ трюкалъ — и спала добрая, смѣшная, невинная чета.

Вотъ къ этимъ-то юродивымъ или, какъ онъ выражался, периклиткамъ, пріютившимъ его сестру, — и привелъ Паклинъ своихъ знакомыхъ.

Сестра его была дѣвушка умная и недурная лицомъ — глаза у ней были удивительные; но несчастный ея горбъ сокрушалъ ее, отнималъ всякую самонадѣянность и веселость, сдѣлалъ ее недовѣрчивой, и чуть не злою. И имя ей попало премудренное: Снандулія! — Паклинъ

хотѣлъ-было перекрестить ее въ Софію; но она упорно держалась своего страннаго имени, говоря, что горбатой такъ и слѣдуетъ называться Снандуліей. Она была хорошая музыкантша и порядочно играла на фортепьяно — „по милости моихъ длинныхъ пальцевъ“, — замѣчала она, не безъ горечи: „у горбатыхъ они всегда такіе бываютъ“.

Гости застали Оомушку и Оимушку въ самую ту минуту, когда они просыпались отъ послѣобѣденнаго сна и пили водицу.

— Вступаемъ въ XVIII-й вѣкъ! — воскликнулъ Паклинъ, какъ только перешагнулъ порогъ Субочевского дома.

И дѣйствительно: XVIII-й вѣкъ встрѣтилъ гостей уже въ передней въ видѣ низенькихъ, синенькихъ ширмочекъ, оклеенныхъ вырѣзанными черными силуэтками напудренныхъ дамъ и кавалеровъ. Съ легкой руки Лафатера силуэтки были въ большой модѣ въ Россіи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Внезапное появленіе такого большого числа посѣтителей — цѣлыхъ четыре! — произвело волненіе въ рѣдко-посѣщаемомъ домѣ. Послышался топотъ обутыхъ и босыхъ ногъ, нѣсколько женскихъ лицъ мгновенно высунулось и исчезло — кого-то гдѣ-то приперли,

кто-то охнулъ, кто-то фыркнулъ, кто-то судорожно прошепталъ: — Ну васъ!

Наконецъ появился Калліопычъ въ своемъ шаршавомъ камзолѣ — и, растворивъ дверь въ „зало“, громогласно воскликнулъ:

— Государь, этта будетъ Сила Самсонычъ съ другими господами!

Хозяева гораздо меньше перетревожились, чѣмъ ихъ прислуга. Вторженіе четырехъ взрослыхъ мужчинъ, въ ихъ довольно, впрочемъ, просторную гостиную — нѣсколько, правда, изумило ихъ; — но Паклинъ немедленно ихъ успокоилъ, представивъ имъ поочередно, съ разными прибаутками — Нежданова, Соломина и Маркелова — какъ людей смирныхъ и не „коронныхъ“.

Оомушка и Оимушка особенно не жаловали коронныхъ, т.-е. чиновныхъ людей.

Появившаяся на призывъ брата, Снандулія гораздо больше волновалась и чинилась, чѣмъ старички Субочевы. Они попросили — оба вмѣстѣ — и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ гостей сѣсть и пожелали узнать, чѣмъ ихъ подчивать: чаемъ, шоколадомъ или шипучей водичей съ вареньемъ? Когда же узнали, что гостямъ ничего не требуется, такъ какъ они незадолго

передъ тѣмъ завтракали у купца Голушкина и скоро будутъ тамъ обѣдать — то перестали угощать ихъ — и, сложивъ одинаковымъ образомъ ручки на брюшкѣ, приступили къ бесѣдѣ.

Сперва она шла немного вяло — но скоро оживилась. — Паклинъ чрезвычайно разсмѣшилъ старичковъ извѣстнымъ Гоголевскимъ анекдотомъ о городничемъ, проникнувшемъ въ набитую биткомъ церковь — и о пирогѣ, который оказался тѣмъ же городничимъ; хохотали они до слезъ. Смѣялись они тоже одинаковымъ образомъ: очень визгливо, кончая кашлемъ и краснотой да испариной по всему лицу. Паклинъ вообще замѣтилъ, что на людей въ родѣ Субочевыхъ цитаты изъ Гоголя дѣйствуютъ весьма сильно и какъ-то порывисто; но такъ какъ ему не столько хотѣлось ихъ потѣшать самихъ, сколько показать ихъ своимъ знакомымъ, то онъ перемѣнилъ батареи и повелъ дѣло такъ, что старички вскорѣ совсѣмъ раскуражились. Оомушка достала и показала гостямъ свою любимую деревянную рѣзную табатерку, на которой когда-то можно было счесть тридцать-шесть человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ: всѣ онѣ давно стѣрлись — но Оомушка ихъ видѣла, видѣла до сихъ поръ и перечесъ ихъ могъ и указывалъ на нихъ.

— „Смотрите — говорилъ онъ — вонъ одинъ изъ окошка глядитъ — смотрите: онъ голову высунулъ“... А то мѣсто, на которое указывалъ его пухленькій палецъ съ приподнятымъ ноготкомъ — также было гладко, какъ и вся остальная крыша табатерки. Потомъ онъ обратилъ вниманіе посѣтителей на висѣвшую надъ его головой картину, писанную масляными красками: она изображала охотника въ профиль, скачущаго во весь духъ на буланой лошади — тоже въ профиль — по снѣжной равнинѣ. На охотникѣ была высокая бѣлая баранья шапка съ голубымъ языкомъ, черкеска изъ верблюжьей шерсти съ бархатной оторочкой, перетянутая кованымъ золоченымъ поясомъ; расшитая шелкомъ рукавица была заткнута за тотъ поясъ; кинжалъ въ серебряной оправѣ съ чернью висѣлъ на немъ. Въ одной рукѣ охотникъ, на видъ очень молодой и полный, держалъ огромный рогъ, украшенный красными кистями — а въ другой — поводья и нагайку; всѣ четыре ноги у лошади висѣли на воздухѣ; — и на каждой изъ нихъ живописецъ тщательно изобразилъ подкову, обозначивъ даже гвозди. „И замѣтьте“, — промолвилъ Оомушка, указывая тѣмъ же пухленькимъ пальцемъ на четыре полукруглыхъ пятна, выве-

денныхъ на бѣломъ фонѣ позади лошадиныхъ ногъ — „слѣды на снѣгу — и тѣ представилъ!“ — Почему этихъ слѣдовъ было всего четыре — а дальше позади не было видно ни одного — объ этомъ Оомушка умалчивалъ.

— А вѣдь это — я! — прибавилъ онъ, по-года немного, съ стыдливой улыбкой.

— Какъ? — воскликнулъ Неждановъ. — Вы были охотникомъ?

— Былъ... да недолго. Разъ, на всемъ скаку, черезъ голову лошади покатылся, да курпей себѣ зашибъ. Ну, Оимушка испугалась... ну, — и запретила мнѣ. Я съ тѣхъ поръ и бросилъ.

— Чтò вы зашибли? — спросилъ Неждановъ.

— Курпей, — повторилъ Оомушка, понизивъ голосъ.

Гости молча переглянулись. Никто не зналъ, чтò такое курпей, — то-есть Маркеловъ зналъ, что курпеемъ зовется мохнатая кисть на казачьей или черкесской шапкѣ; да не могъ же *это* зашибить себѣ Оомушка! А спросить его, чтò именно онъ понималъ подъ словомъ курпей — никто такъ и не рѣшился.

— Ну, ужъ коли ты такъ расхвастался, — заговорила вдругъ Оимушка, — такъ похвастаюсь и я.

Изъ крохотнаго „бонёрдюжура“, — такъ называлось старинное бюро на маленькихъ кривыхъ ножкахъ съ подъёмной круглой крышей, которая входила въ спинку бюро, — она достала миниатюрную акварель въ бронзовой овальной рамкѣ, представлявшую совершенно голенькаго, четырехлѣтняго младенца съ колчаномъ за плечами и голубой ленточкой черезъ грудку, пробующаго концомъ пальчика остріе стрѣлы. Младенецъ былъ очень курчавъ, немного косъ и улыбался. Тимушка показала акварель гостямъ.

— Это была — я... — промолвила она.

— Вы?

— Да, я. Въ юности. Къ моему батюшкѣ покойному ходилъ живописецъ-французъ, отличный живописецъ! — Такъ вотъ онъ меня написалъ ко дню батюшкиныхъ именинъ. И какой хорошій былъ французъ! Онъ и послѣ къ намъ ѣзжалъ. — Войдетъ бывало — шаркнетъ ножкой, потомъ дрыгнетъ ею, дрыгнетъ, и ручку тебѣ поцѣлуетъ, а уходя — свои собственные пальчики поцѣлуетъ, — ей-ей! — И направо-то онъ поклонится — и налѣво, и назадъ — и впередъ! Очень хорошій былъ французъ!

Гости похвалили его работу; Паклинъ даже нашелъ, что есть еще какое-то сходство.

А тутъ Оомушка началъ говорить о теперешнихъ французяхъ и выразилъ мнѣніе, что они, должно быть, всѣ презлые стали! — Почему же это такъ, Оома Лаврентьевичъ? — Да помилуйте!... Какія у нихъ пошли имена! — Напримѣръ? — Да вотъ, наприимѣръ: Ножанъ-Центъ-Лорранъ! — прямо разбойникъ! — Оомушка кста-ти любопытствовалъ: кто, молъ, теперь въ Парижѣ царствуетъ? — Ему сказали: что Наполеонъ. — Это его, кажется, и удивило — и опечалило. — Какъ же такъ?... Старика такого... — началъ-было онъ и умолкъ, оглянувшись съ смущеньемъ. Оомушка плохо зналъ по-французски и Вольтѣра читалъ въ переводѣ (подъ его изголовьемъ, въ завѣтномъ ящичкѣ, сохранялся рукописный Кандидъ) — но у него иногда вырывались выраженія въ родѣ: „это, батюшка, фоссъпаркэ!“ — (въ смыслѣ: „это подозрительно“, „невѣрно“) — надъ которыми много смѣялись, пока одинъ ученый французъ не объяснилъ, что это есть старое парламентское выраженіе, употреблявшееся въ его родинѣ до 1789 года.

Такъ какъ рѣчь зашла о Франціи да о французяхъ, то и Оомушка рѣшилась спросить о нѣ-которой вещи, которая у ней осталась на душѣ. — Сперва она подумала обратиться къ Марке-

лову, но ужъ очень онъ смотрѣлъ сердито; — Соломина бы она спросила... только нѣтъ! — подумала она, — этотъ простой; должно быть, по-французски не разумѣетъ. Вотъ она и обратилась къ Нежданову.

— Что, батюшка, я отъ васъ узнать желаю, — начала она: — извините вы меня! Да вотъ мой родственничекъ, Сила Самсонычъ, знать, трунить надо мной старухой, надъ моимъ невѣдѣньемъ бабьимъ.

— А что?

— А вотъ что. Если кто на французскомъ діалектѣ хочетъ вопросъ такой поставить: „Что, молъ, это такое?“ — должонъ онъ сказать: „Кесе кесе кесе ля?“

— Точно такъ.

— А можетъ онъ тоже сказать такъ: кесе кесе ля?

— Можетъ.

— И просто: кесе ля?

— И такъ можетъ.

— И все это — едино будетъ?

— Да.

— Оимушка задумалась и руками развела.

— Ну, Силушка, — промолвила она, нако-

нецъ, — виновата я, а ты правъ. Только ужъ французы!... Бѣдовыя!

Паклинъ началъ просить старичковъ спѣть какой-нибудь романсикъ... Они оба посмѣялись и удивились, какая это ему пришла мысль; однако, скоро согласились, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Снандулія сѣла за клавесинъ и аккомпанировала имъ — она ужъ знаетъ что. Въ одномъ углу гостиной оказалось крошечное фортепьяно, котораго никто изъ гостей сначала и не замѣтилъ. Снандулія сѣла за этотъ „клавесинъ“, взяла нѣсколько аккордовъ... Такихъ беззубенькихъ, кисленькихъ, дряхленькихъ, дрябленькихъ звуковъ Неждановъ не слыхивалъ отъ роду; но старички немедленно запѣли:

„На толь, чтобы печали —

началъ Оомушка —

„Въ любви намъ находить,

„Намъ боги сердце дали,

„Способное любить?“

„Одно лишь чувство страсти —

отвѣчала Оимушка —

„Безъ бѣдъ, безъ злой напасти

„На свѣтѣ есть ли гдѣ?“

„Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ“ —

подхватилъ Оомушка —

„Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ“ —

повторила Оимушка —

„Съ нимъ горести жестоки
„Вездѣ, вездѣ, вездѣ“ —

пропѣли они вдвоемъ —

„Вездѣ, вездѣ, вездѣ“, —

протянулъ одинъ Оомушка.

— Браво! — закричалъ Паклинъ: — это —
первый куплетъ; а второй?

— Изволь, — отвѣчалъ Оомушка: — только,
Снандулія Самсоновна, что же трель? Послѣ
моего стишка нужна трель.

— Извольте, — отвѣчала Снандулія, — бу-
детъ вамъ трель.

Оомушка опять началъ:

„Любилъ ли кто въ вселенной
„И мукъ не испыталъ?
„Какой, какой влюбленный
„Не плакалъ, не вздыхалъ?“

А тутъ Оимушка:

„Такъ сердце странно въ горѣ
„Какъ лодка гибнетъ въ морѣ...
„На что-жъ оно дано?“

„На зло, на зло, на зло!“ — воскликнулъ
Оомушка — и подождалъ, чтобы дать время
Снандуліи пустить трель.

Снандулія пустила ее.

„На зло, на зло, на зло!“ — повторила Ои-
мушка.

А тамъ оба вмѣстѣ:

„Возьмите, боги, сердце
„Назадъ, назадъ, назадъ!
„Назадъ, назадъ, назадъ!“

И все опять заключилось трелью.

— Браво! браво! — закричали всѣ, за ис-
ключеніемъ Маркелова, и даже въ ладоши за-
били.

„А что — подумалъ Неждановъ, какъ только
рукоплесканья унялись — чувствуютъ ли они,
что разыгрываютъ роль... какъ-бы шутовъ? —
Быть можетъ, нѣтъ: — а, быть можетъ, и чувст-
вуютъ да думаютъ: „что за бѣда? вѣдь зла мы
никому не дѣлаемъ. Даже потѣшаемъ другихъ!“
И какъ поразмыслишь хорошенько — правы
они, сто разъ правы!“

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ началъ
вдругъ говорить имъ любезности, въ отвѣтъ на
которыя они только слегка присѣдали, не поки-
дая своихъ креселъ... Но въ это мгновенье, изъ
сосѣдней комнаты, вѣроятно спальни или дѣ-
вичьей, гдѣ уже давно слышался шопотъ и ше-
лестъ, внезапно появилась карлица Пуфка, въ
сопровожденіи нянюшки Васильевны. — Пуфка

принялась пицать и кривляться — а нянюшка — то уговаривала ее, то пуще дразнила.

Маркеловъ, который уже давно подавалъ знаки нетерпѣнія — (Соломинъ — тотъ только улыбался шире обыкновеннаго) — Маркеловъ вдругъ обратился къ Оомушкѣ.

— А я отъ васъ не ожидалъ, — началъ онъ съ своей рѣзкой манерой, — что вы съ вашимъ просвѣщеннымъ умомъ — вѣдь вы, я слышалъ, поклонникъ Вольтѣра? — можете забавляться тѣмъ, что должно составлять предметъ жалости — а именно: — увѣчемъ... Тутъ онъ вспомнилъ сестру Паклина — и прикусилъ языкъ; — а Оомушка покраснѣла, поправилъ колпакъ на головѣ и пробормоталъ: „Да... да вѣдь не я... она сама“... За то Пуфка такъ и накинулась на Маркелова.

— И съ чего ты это выдумалъ, — затрещала она своимъ картавымъ голосомъ, — нашихъ господъ обижать? Меня убогую призрѣли, приняли, кормятъ, поютъ — такъ тебѣ завидно! Знать у тебя на чужой хлѣбъ глазъ коробить? — И откуда взялся, черномазый, паскудный, нудный, усы какъ у таракана... Тутъ Пуфка показала своими толстыми, короткими пальцами, какіе у него усы. — Васильевна засмѣялась во

весь свой беззубый ротъ — и въ сосѣдней комнатѣ слышался отголосокъ.

— Я, конечно, вамъ не судья, — обратился Маркеловъ къ Оомушкѣ, — убогихъ да увѣчныхъ призрѣвать — дѣло хорошее. — Но позвольте вамъ замѣтить: жить въ довольствѣ, какъ сыръ въ маслѣ кататься — да не заѣдать чужого вѣка, да палецъ о палецъ не ударить для блага ближняго... это еще не значитъ быть добрымъ; я, по крайней мѣрѣ, такой добротѣ, правду говоря, никакой цѣны не придаю!

Тутъ Пуфка завизжала оглушительно; она ничего не поняла изъ всего, что сказалъ Маркеловъ; но „черномазый“ бранился... какъ онъ смѣлъ! — Васильевна тоже что-то забормотала — а Оомушка сложилъ ручки передъ грудью — и повернувшись лицомъ къ своей женѣ... „Оимушка, голубушка, — сказалъ онъ, чуть не всхлиывая — слышишь, что господинъ гость говорить? Мы съ тобой грѣшники, злодѣи, фарисеи... какъ сыръ въ маслѣ катаемся, ой! ой! ой!... На улицу насъ съ тобою надо, изъ дому вонъ — да по метлѣ въ руки дать, чтобы мы жизнь свою зарабатывали — о, хо-хо!“ Услышавъ такія печальныя слова, Пуфка завизжала пуще прежняго, Оимушка съѣжила глаза, пе-

рекосила губы — и уже воздуху въ грудь набрала, чтобы хорошенько приударить — заголо-
силь....

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ Паклинъ не вмѣшался.

— Что это! помилуйте, — началъ онъ, махая руками и громко смѣясь — какъ не стыдно? — Господинъ Маркеловъ пошутить хотѣлъ: — но такъ какъ видъ у него очень серьезный — оно и вышло немного строго... а вы и повѣрили? — Полноте! — Евѳимія Павловна, милочка, мы вотъ сейчасъ уйти должны — такъ знаете что? на прощанье — погадайте-ка намъ всѣмъ... вы на это мастерица. — Сестра! достань карты!

Ѳимушка глянула на своего мужа; а ужъ тотъ сидѣлъ совсѣмъ успокоенный; — и она успокоилась.

— Карты, карты... — заговорила она: — да разучилась я, отецъ; забыла — давно въ руки ихъ не брала...

А сама уже принимала изъ рукъ Снандуліи колоду какихъ-то древнихъ, необыкновенныхъ, ломберныхъ картъ.

— Кому погадать-то?

— Да всѣмъ, — подхватилъ Паклинъ — а самъ подумалъ: — „Ну, что-жъ эта за подвигъ“

жная старушка! куда хочешь поверни... Просто прелесть!“ — Всѣмъ, бабушка, всѣмъ, — прибавилъ онъ громко. — Скажите намъ нашу судьбу, характеръ нашъ, будущее... все скажите!

Оимушка стала-было раскладывать карты — да вдругъ бросила всю колоду.

— И не нужно мнѣ гадать! — воскликнула она: — я и такъ характеръ каждаго изъ васъ знаю. — А каковъ у кого характеръ, такова и судьба. — Вотъ этотъ — (она указала на Соломина) — прохладный человѣкъ, постоянный; — вотъ этотъ — (она погрозила Маркелову) — горячій, погубительный человѣкъ... (Пуфка высунула ему языкъ); — тебѣ (она глянула на Паклина) — и говорить нечего: самъ себя ты знаешь: вертопрахъ! А этотъ...

Она указала на Нежданова — и запнулась.

— Чтожъ? — промолвилъ онъ — говорите, сдѣлайте одолженіе: какой я человѣкъ?

— Какой ты человѣкъ... — протянула Оимушка: — жалкій ты — вотъ что!

Неждановъ встрепенулся.

— Жалкій! Почему такъ?

— А такъ! Жалокъ ты мнѣ — вотъ что!

— Да почему?

— А потому! Глазъ у меня такой. — Ты

думаешь, я дура? Анъ я похитрѣй тебя — даромъ что ты рыжій. — Жалокъ ты мнѣ... вотъ тебѣ и сказъ!

Всѣ помолчали... переглянулись — и опять помолчали.

— Ну, прощайте, други! — брякнулъ Паклинъ. — Засидѣлись мы у васъ — и вамъ, чай, надоѣли. — Этимъ господамъ пора идти... да и я отправлюсь. — Прощайте, спасибо на ласкѣ.

— Прощайте, прощайте, заходите, не брезгуйте, — заговорили въ одинъ голосъ Оомушка и Оимушка... А Оомушка, какъ затянеть вдругъ:

— Многая, многая, многая лѣта, многая...

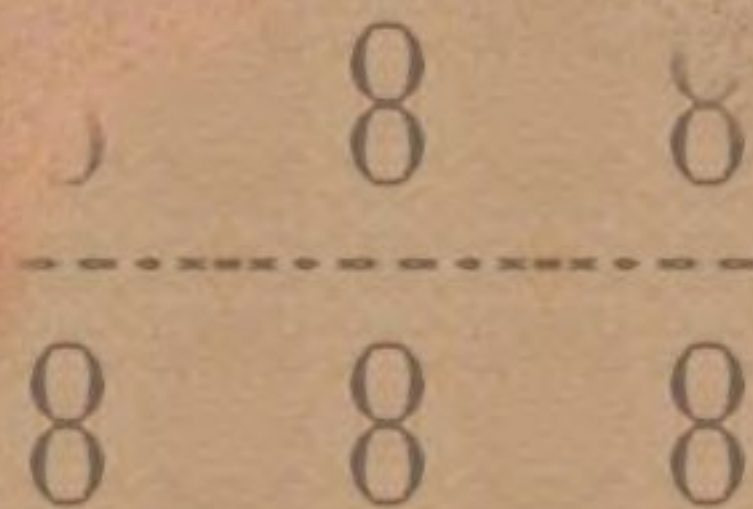
— Многая, многая, — совершенно неожиданно забасилъ Калліопычъ, отворяя дверь молодымъ людямъ...

И всѣ четверо вдругъ очутились на улицѣ, передъ пузатенькимъ домомъ; — а за окнами раздавался пискливый голосъ Пуфки.

— Дураки... — кричала она, — дураки!...

Паклинъ громко засмѣялся; но никто не отвѣчалъ ему. — Маркеловъ даже оглядѣлъ поочередно всѣхъ, какъ-бы ожидая, что услышитъ слово негодованія...

Одинъ Соломинъ улыбался по обыкновенію.

XX.

— Ну, что-жъ! — началъ, первый, Паклинъ.
— Были въ XVIII-мъ вѣкѣ — валяй теперь
прямо въ XX-ый. — Голушкинъ такой пере-
довой человѣкъ, что его въ XIX-мъ считать не-
прилично.

— Да онъ развѣ тебѣ извѣстенъ? — спро-
силъ Неждановъ.

— Слухомъ земля полнится; — а сказалъ я:
валяй! потому что намѣренъ отправиться вмѣстѣ
съ вами.

— Какъ же такъ? Вѣдь ты съ нимъ незна-
комъ?

— Вона! А съ моими периклитками вы развѣ
были знакомы?

— Да ты насъ представилъ!

— А ты меня представь! — Тайнъ у васъ
отъ меня быть не можетъ — и Голушкинъ че-
ловѣкъ широкій. — Онъ, посмотри, еще обра-
дуется новому лицу. — Да и у насъ, здѣсь въ
С*... просто!

— Да, — проворчалъ Маркеловъ, — люди у
васъ здѣсь безцеремонные.

Паклинъ покачалъ головою.

— Это вы, можетъ быть, на мой счетъ...

Что дѣлать! Я этотъ упрекъ заслужилъ. — Но знаете ли что, новый мой знакомецъ, отложите-ка на время мрачныя мысли, которыя внушаетъ вамъ вашъ желчный темпераментъ! — А главное...

— Господинъ мой новый знакомецъ, перебилъ его съ запальчивостью Маркеловъ — скажу вамъ въ свою очередь... въ видѣ предостереженія: я никогда ни малѣйшаго расположенія къ шуткамъ неимѣлъ — а особливо сегодня! — И почему вамъ извѣстенъ мой темпераментъ? (онъ ударилъ на послѣдній слогъ). — Кажется, мы не такъ давно — въ первый разъ увидали другъ друга.

— Ну, постойте, постойте, не сердитесь — и не божитесь — я и такъ вамъ вѣрю, — промолвилъ Паклинъ — и, обратившись къ Соломину: — О, вы, — воскликнулъ онъ, — вы, котораго сама прозорливая Тимушка назвала прохладнымъ человѣкомъ — и въ которомъ точно есть нѣчто успокоительное — скажите, имѣлъ ли я въ мысляхъ сдѣлать кому-нибудь непріятность — или пошутить некстати? — Я только напросился идти съ вами къ Голушкину — а впрочемъ — я существо безобидное. — Я не виновать, что у г. Маркелова желтый цвѣтъ лица.

ь, т, ед

1 'Q.P' 1 'Q.P' 1 'Q.P'

, т, ед'ь, т, ед'ь, т, ед'ь

Соломинъ повелъ сперва однимъ плечомъ — потомъ другимъ; — у него была такая повадка, когда онъ не тотчасъ рѣшался отвѣчать.

— Безъ сомнѣнія, — промолвилъ онъ наконецъ, — вы, г-нъ Паклинъ, обиды никому причинить не можете — и не желаете; и къ г-ну Голушкину почему же вамъ не пойти? Мы, я полагаю, тамъ съ такимъ же удовольствіемъ проведемъ время, какъ и у вашихъ родственниковъ; — да и съ такой же пользой.

Паклинъ погрозилъ ему пальцемъ.

— О! да и вы, я вижу, злой! — Однако же, вѣдь вы тоже пойдете къ Голушкину?

— Конечно, пойду. Сегодняшній день у меня и безъ того пропалъ.

— Ну такъ — „en avant, marchons!“ — къ ХХ-му вѣку! къ ХХ-му вѣку! — Неждановъ, передовой человѣкъ, веди!

— Хорошо; — ступай; — да не повторяй своихъ остротъ. Какъ бы кто не подумалъ, что онъ у тебя на исходѣ.

— На вашего брата еще за глаза хватить, — весело возразилъ Паклинъ — и пустился впередъ, какъ онъ говорилъ — не въ припрыжку — а „въ прихрамку“.

— Презанятный господинъ! — замѣтилъ, идя

за нимъ, подъ руку съ Неждановымъ, Соломинъ: — коли насъ, сохрани Богъ, сошлютъ всѣхъ въ Сибирь, будетъ кому развлекать насъ!

Маркеловъ шелъ, молча, позади всѣхъ.

А между тѣмъ въ домѣ купца Голушкина были приняты всѣ мѣры, чтобы задать обѣдъ съ „форсомъ“ — или съ „шикомъ“. Сварена была уха, прежирная — и прескверная; заготовлены были разные „патишó“ и „фрыкасѣи“ — (Голушкинъ, какъ человѣкъ стоящій на высотѣ европейскаго образованія, хотъ и старовѣръ, придерживался французской кухни, и повара взялъ изъ клуба, откуда его выгнали за нечистоплотность) — а главное: было припасено и заморожено нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Хозяинъ встрѣтилъ нашихъ молодыхъ людей съ свойственными ему неуклюжими ужимками, уторопленнымъ видомъ да похохатываньемъ; — очень обрадовался Паклину, какъ тотъ и предсказывалъ; спросилъ про него: вѣдь нашъ? — и не дожидаясь отвѣта, воскликнулъ: — Ну, конечно! Еще бы! — Потомъ рассказалъ, что онъ сейчасъ былъ у этого „чудака“ губернатора, который все пристаётъ къ нему изъ-за какихъ-то — чортъ его знаетъ! — благотворительныхъ заведеній... И рѣшительно нельзя было понять,

чѣмъ онъ, Голушкинъ, больше доволенъ: тѣмъ ли, что его принимаютъ у губернатора — или же тѣмъ, что ему удалось ругнуть его въ присутствіи молодыхъ передовыхъ людей? Потомъ онъ познакомилъ ихъ съ обѣщаннымъ прозелитомъ. И кто же оказался этимъ прозелитомъ? Тотъ самый прилизанный, чахоточный человѣчекъ съ кувшиннымъ рыльцемъ, который поутру вошелъ съ докладомъ, и котораго Голушкинъ звалъ Васей: — его приказчикъ. — Не краснорѣчивъ, увѣрялъ Голушкинъ, указывая на него всей пятернею — но нашему дѣлу всей душою преданъ. — А Вася только кланялся, да краснѣлъ, да моргалъ, да скалилъ зубы съ такимъ видомъ, что опять-таки нельзя было понять — что́ онъ такое: пошлый ли дурачокъ — или напротивъ — всесовершеннѣйшій выжига и плуть?

— Ну, однако, за столъ, господа, за столъ, — залотошилъ Голушкинъ. — Сѣли за столъ, закусивъ сперва вплотную. Тотчасъ послѣ ухи, Голушкинъ велѣлъ подать шампанское. Мерзлыми кусками льдистаго сала вываливалось оно изъ горлышка бутылки въ подставленные бокалы. „За наше... наше предпріятіе!“ воскликнулъ Голушкинъ, мигая при этомъ глазомъ и указывая

головою на слугу, какъ-бы давая знать, что въ присутствіи чужого надо быть осторожнымъ! Прозелить Вася продолжалъ молчать — и хотя сидѣлъ на краюшкѣ стула и вообще держался съ подобострастіемъ, уже вовсе несвойственнымъ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ онъ, по словамъ его хозяина, былъ преданъ всей душою — но хлопалъ вино отчаянно!... За то другіе всѣ говорили; то-есть собственно говорилъ хозяинъ — да Паклинъ; Паклинъ особенно. Неждановъ внутренно досадовалъ, Маркеловъ злился и негодовалъ — иначе, но такъ же сильно, какъ у Субочевыхъ; Соломинъ наблюдалъ.

Паклинъ потѣшался! — Своею бойкой рѣчью онъ чрезвычайно понравился Голушкину, который и не подозрѣвалъ того, что этотъ самый „хромушка“ то-и-дѣло шепчетъ на ухо сидѣвшему возлѣ него Нежданову — самыя злостныя замѣчанія на счетъ его, Голушкина! — Онъ даже полагалъ, что это — малый простой, и что его можно „третировать“ съ высока... оттого-то онъ ему и понравился, между прочимъ. Сиди Паклинъ возлѣ него — онъ бы давно ткнулъ его пальцемъ въ ребра или ударилъ по плечу; онъ и то кивалъ ему черезъ столъ и моталъ головою въ его направленіи... но между Нежда-

новымъ и имъ возсѣдалъ, во-первыхъ, Маркеловъ — эта „мрачная туча“; а тамъ Соломинъ. — За то Голушкинъ закатиисто смѣялся каждому слову Паклина, смѣялся на вѣру, напередъ, хлопая себя по животу, выказывая свои синеватые дѣсны. Паклинъ скоро понялъ, чего отъ него требовалось, и началъ все бранить — (оно же для него было дѣломъ подходящимъ) — все и всѣхъ: и консерваторовъ, и либераловъ, и чиновниковъ, и адвокатовъ, и администраторовъ, и помѣщиковъ, и земцевъ, и думцевъ, и Москву, и Петербургъ!

— Да, да, да, да, — подхватывалъ Голушкинъ; — такъ, такъ, такъ, такъ! — Вотъ, на примѣръ, у насъ голова — совершенный осель! Тупица непроходимая! — Я ему говорю и то — и то... а онъ ничего не понимаетъ; не хуже нашего губернатора!

— А вашъ губернаторъ — глупъ? — полюбопытствовалъ Паклинъ.

— Я-жъ вамъ говорю: осель!

— Вы не замѣтили: онъ хрипѣть, или гнусить?

— Какъ? спросилъ Голушкинъ не безъ недоумѣнья.

— Да развѣ вы не знаете? У насъ на Руси

важные штатскіе хрипятъ; важные военные гнутся въ носъ; — и только самые высокіе сановники и хрипятъ и гнутся въ одно и то же время.

Голушкинъ захохоталъ съ ревомъ, даже прослезился.

— Да, да, — лепеталъ онъ: — гнутъ... гнутъ... Онъ военный!

„Ахъ, ты, олухъ!“ — думалъ про себя Паклинъ.

— У насъ все гнило, гдѣ ни тронъ! — кричалъ Голушкинъ, немного спустя. — Все, все гнило!

Почтеннѣйшій Капитонъ Андреичъ — внушительно замѣчалъ Паклинъ — а самъ тихонько говорилъ Нежданову: „Что это онъ все руками разводитъ, точно сюртукъ ему подъ мышками рѣжетъ?“ — Почтеннѣйшій Капитонъ Андреичъ, повѣрьте мнѣ: тутъ полумѣры ничего не помогутъ!

— Какія полумѣры! — вскричалъ Голушкинъ, внезапно переставая смѣяться и принимая свирѣпый видъ: — тутъ одно: съ корнемъ вонъ! — Васька, пей, с...ъ с...ъ!

— И то пью-съ, Капитонъ Андреичъ, — от-

вѣчалъ приказчикъ, опрокидывая себѣ въ горло стаканъ.

Голушкинъ тоже „ухнулъ“.

— И какъ только онъ не лопнетъ! — шепталъ Паклинъ Нежданову.

— Привычка! отвѣчалъ тотъ.

Но не одинъ приказчикъ пилъ вино. Понемногу оно разобрало всѣхъ. — Неждановъ, Маркеловъ, даже Соломинъ вмѣшались понемногу въ разговоръ.

Сперва, какъ-бы съ пренебреженіемъ, какъ-бы съ досадой противъ самого себя, что вотъ, молъ, и онъ не выдерживаетъ характера и пускается толочь воду, Неждановъ началъ толковать о томъ, что пора перестать забавляться одними словами, пора „дѣйствовать“; упомянулъ даже объ отысканной почвѣ!! — И тутъ же, не замѣчая, что онъ себѣ противорѣчитъ, началъ требовать, чтобы ему указали тѣ существующіе, реальные элементы, на которые можно опереться, что онъ ихъ не видитъ. — „Въ обществѣ нѣтъ сочувствія, въ народѣ нѣтъ сознанія... вотъ тутъ и бейся!“ Ему, конечно, не возражали; не потому, что возражать было нечего — но каждый уже началъ говорить тоже свое. — Маркеловъ забарабанилъ глухимъ и злобнымъ

голосомъ, настойчиво, однообразно — („ни дать, ни взять — капусту рубить“, — замѣтилъ Паклинъ). О чемъ собственно онъ говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово: „артиллерія“ слышалось изъ его устъ въ моментъ затишья... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ. — Соломинъ — и тотъ замѣтилъ, что есть двѣ манеры выжидать: выжидать и ничего не дѣлать — и выжидать — да подвигать дѣло впередъ.

— Намъ не нужно постепеновцевъ, — сумрачно проговорилъ Маркеловъ.

— Постепеновцы до сихъ поръ шли сверху, — замѣтилъ Соломинъ, — а мы попробуемъ снизу.

— Не нужно, къ чорту! не нужно, — рьяно подхватывалъ Голушкинъ: — надо разомъ, разомъ!

— То-есть, вы хотите въ окно прыгнуть?

— И прыгну! — завопилъ Голушкинъ. — Прыгну! — И Васька прыгнетъ! — Прикажу — прыгнетъ! А? — Васька? Вѣдь прыгнешь?

Приказчикъ допилъ стаканъ шампанскаго.

— Куда вы, Капитонъ Андреичъ, туда и мы. — Развѣ мы разсуждать смѣемъ?

ШЫ : ШЫ

ЧПРІ : ЧПРІ

Ы : ШЫ : ШЫ : І

— А! то-то! — Въ бар-раній р-рогъ согну!

Въ скорости наступило то, что на языкѣ пьяницъ носить названіе столпотворенія вавилонскаго. Поднялся гамъ и шумъ „велій“. — Какъ первыя снѣжинки кружатся, быстро смѣняясь и пестрѣя въ еще тепломъ осеннемъ воздухѣ — такъ, въ разгоряченной атмосферѣ Голушкинской столовой закружились, толкая и тѣсняя другъ дружку, всяческія слова: прогрессъ, правительство, литература, податной вопросъ, церковный вопросъ, женскій вопросъ, судебный вопросъ; классицизмъ, реализмъ, нигилизмъ, коммунизмъ; интернаціональ, клерикаль, либераль, капиталъ, администрація, организація, ассоціація и даже кристаллизація! — Голушкинъ, казалось, приходилъ въ восторгъ именно отъ этого гама; въ немъ-то, казалось, и заключалась для него настоящая суть... Онъ торжествовалъ! — „Знай-моль, нашихъ! Разступись — убью!... Капитонъ Голушкинъ ѣдетъ!“ — Приказчикъ Вася до того, наконецъ, налился, что началъ фыркать и говорить въ тарелку; — и вдругъ, какъ бѣшенный, закричалъ: — „Что за дьяволъ такой — прогимназія?!?“

Голушкинъ внезапно поднялся, — и, закинувъ назадъ свое побагровѣвшее лицо, на кото-

ромъ къ выраженію грубаго самовластія и торжества страннымъ образомъ примѣшивалось выраженіе другого чувства, похожаго на тайный ужасъ и даже на трепетаніе — гаркнулъ: „Жертвую еще *тыщу*! — Васька, тащи!“ на что Васька вполголоса отвѣтствовалъ: — „Малина!“ А Паклинъ, весь блѣдный и въ поту (онъ въ послѣднія четверть часа пилъ не хуже приказчика), — Паклинъ, вскочивъ съ своего мѣста и поднявъ обѣ руки надъ головою, проговорилъ съ разстановкой: — Жертвую! Онъ произнесъ: жертвую! — О! оскверненіе святого слова! — Жертва! Никто не дерзаетъ возвыситься до тебя, никто не имѣетъ силы исполнить тѣ обязанности, которыя ты налагаешь, по крайней мѣрѣ никто изъ насъ, здѣсь предстоящихъ — а этотъ самодуръ, этотъ дрянной мѣшокъ тряхнулъ своей раздутой утробой, высыпалъ пригоршню рублей и кричитъ: жертвую! И требуетъ благодарности; лавроваго вѣнка ожидаетъ — па-длецъ!!“ Голушкинъ либо не разслышалъ, либо не понялъ того, что сказалъ Паклинъ, или, быть можетъ, принялъ его слова за шутку, потому что еще разъ провозгласилъ: „Да! *тыщу* рублей! Что Капитонъ Голушкинъ сказалъ — то свято!“ Онъ вдругъ запустилъ руку въ бо-

ковой карманъ. — „Вотъ они, денежки-то! — На-те, рвите; да помните Капитона!“ — Онъ, какъ только приходилъ въ нѣкоторый азартъ, говорилъ о себѣ, какъ маленькія дѣти, въ третьемъ лицѣ. Маркеловъ молча подобралъ брошенные на залитую скатерть бумажки. Но послѣ этого уже нечего было оставаться; да и поздно становилось. Всѣ встали, взяли шапки — и убрались.

На вольномъ воздухѣ у всѣхъ закружились головы — особенно у Паклина.

— Ну? — куда-жъ мы теперь? — не безъ труда проговорилъ онъ.

— Не знаю, куда вы, — отвѣчалъ Соломинъ, — а я къ себѣ домой.

— На фабрику?

— На фабрику.

— Теперь, ночью, пѣшкомъ?

— Что-жъ такое? — Здѣсь ни волковъ, ни разбойниковъ нѣтъ — а ходить я здоровъ. — Ночью-то еще свѣжѣе.

— Да тутъ четыре версты?

— А хотъ бы и всѣ пять. — До свиданья, господа!

Соломинъ застегнулся, надвинулъ картузь на

лобъ, закурилъ сигару и зашагалъ большими шагами по улицѣ.

— А ты куда? — обратился Паклинъ къ Нежданову.

— Я вотъ къ нему. — Онъ указалъ на Маркелова, который стоялъ неподвижно, скрестивъ руки на груди. — У насъ здѣсь и лошади и экипажъ.

— Ну, прекрасно... а я, братъ, въ оазисъ, къ Оммушкѣ да къ Оммушкѣ. И знаешь, что я тебѣ скажу, братъ? И тамъ чепуха — и здѣсь чепуха... Только та чепуха, — чепуха XVIII-го вѣка, ближе къ русской сути, чѣмъ этотъ XX-й вѣкъ. — Прощайте, господа; я пьянъ... не взыщите. — Послушайте, что я вамъ еще скажу! Добрѣй и лучше моей сестры... Снандуліи... на свѣтѣ женщины нѣтъ; а вотъ она — и горбатая, и Снандулія. И всегда такъ на свѣтѣ бываетъ! — А впрочемъ, ей и слѣдъ такъ называться. — Вы знаете ли, кто была святая Снандулія? — Добродѣтельная жена, которая ходила по тюрьмамъ и врачевала раны узникамъ и больнымъ. — Ну, однако, прощайте! Прощай, Неждановъ — жалкій человѣкъ! И ты, офицеръ... у! бука! прощай!

Онъ поплелся, прихрамывая и пошатываясь,

въ „оазисъ“ — а Маркеловъ, вмѣстѣ съ Неждановымъ, отыскали постоянный дворъ, въ которомъ они оставили свой тарантасъ, велѣли заложить лошадей — и полчася спустя уже катили по большой дорогѣ.

XXI.

Небо заволокло низкими тучами — и хотя не было совсѣмъ темно и накатанныя колеи на дорогѣ виднѣлись, блѣдно поблескивая, впереди, однако, на-право, на-лѣво, все застилалось и очертанія отдѣльныхъ предметовъ сливались въ смутныя большія пятна. Была тусклая, невѣрная ночь; вѣтеръ набѣгалъ порывистыми сырыми струйками, принося съ собою запахъ дождя и широкихъ, хлѣбныхъ полей. Когда, проѣхавъ дубовый кустъ, служившій примѣтой, пришлось свернуть на просѣлокъ, дѣло стало еще неладнѣе; узкая путина по временамъ совсѣмъ пропадала... Кучеръ поѣхалъ тише.

— Какъ бы не сбиться намъ! — замѣтилъ молчавшій до тѣхъ поръ Неждановъ.

— Нѣтъ! не собьемся! — промолвилъ Маркеловъ. — Двухъ бѣдъ въ одинъ день не бываетъ.

— Да какая же была первая бѣда?

— Какая? А что мы день напрасно потеряли — это вы ни за что́ считаете?

— Да... конечно... Этотъ Голушкинъ!! — Не слѣдовало такъ много вина пить. Голова теперь болить... смертельно.

— Я не о Голушкинѣ говорю. Онъ по крайней мѣрѣ денегъ далъ; — стало быть, хоть какая-нибудь отъ нашего посѣщенія польза была!

— Такъ неужели вы сожалѣете о томъ, что Паклинъ свелъ насъ къ своимъ... какъ бишь онъ называлъ ихъ... периклиткамъ?

— Жалѣть объ этомъ нечего... да и радоваться нечему. Я вѣдь не изъ тѣхъ, которые интересуются подобными игрушками... Я не на эту бѣду намекалъ.

— Такъ на какую же?

Маркеловъ ничего не отвѣчалъ — и только повозился немного въ своемъ уголку, словно кутаясь. Неждановъ не могъ хорошенько разобратъ его лица; одни усы выдавались черной поперечной чертой; но онъ съ самаго утра чувствовалъ въ Маркеловѣ присутствіе чего-то такого, до чего было лучше не касаться — какого-то глухого и тайнаго раздраженія.

— Послушайте, Сергѣй Михайловичъ, — началъ онъ, погода немного, — неужели вы, не

П П ,

П П ° П П ° П П
П П , П П , П П

шутя, восхищаетесь письмами этого г-на Кислякова, которая вы мнѣ дали прочесть сегодня? Вѣдь это... извините рѣзкость выраженія, — это — дребедень!

Маркеловъ выпрямился.

— Во-первыхъ, — заговорилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ, — я нисколько не раздѣляю вашего мнѣнія насчетъ этихъ писемъ — и нахожу ихъ весьма замѣчательными... и добросовѣстными! А во-вторыхъ, Кисляковъ трудится, работаетъ — и главное: онъ *вѣритъ*; вѣритъ въ наше дѣло, вѣритъ въ ре-во-люцію! Я долженъ вамъ сказать одно, Алексѣй Дмитричъ: — я замѣчаю, что *вы*, — вы охлаждаете къ нашему дѣлу; — вы не вѣрите въ него!

— Изъ чего вы это заключаете? — медлительно произнесъ Неждановъ.

— Изъ чего? Да изо-всѣхъ вашихъ словъ, изо-всего вашего поведенія!! — Сегодня у Голушкина, кто говорилъ, что онъ не видитъ, на какіе элементы можно опереться? — Вы! — Кто требовалъ, чтобъ ихъ ему указали? — Опять-таки вы! И когда этотъ вашъ пріятель, этотъ пустой балагуръ и зубоскаль, г. Паклинъ, сталъ, поднимая глаза къ небу, увѣрять, что никто изъ насъ не въ силахъ принести жертву,

кто ему поддакивалъ, кто одобрительно покачивалъ головою? Развѣ не вы? — Говорите о себѣ, какъ хотите, думайте о себѣ, какъ знаете... это ваше дѣло... но мнѣ извѣстны люди, которые съумѣли оттолкнуть отъ себя все, чѣмъ жизнь прекрасна — самое блаженство любви — для того, чтобъ служить своимъ убѣжденіямъ, чтобъ не измѣнить имъ! — Ну, *вамъ* сегодня... конечно, было не до того!

— Сегодня? Почему же именно сегодня?

— Да не притворяйтесь, ради Бога, счастливый Донъ-Жуанъ, увѣнчанный миртами любовникъ! — вскричалъ Маркеловъ, совершенно забывъ о кучерѣ, который хоть и не оборачивался съ козелъ, но могъ однако отлично все слышать. Правда кучера въ эту минуту гораздо болѣе озабочивала дорога, чѣмъ всѣ пререканья сидѣвшихъ за его спиною господъ — и онъ осторожно и даже нѣсколько робко отпрукивалъ коренника, который моталъ головою и садился на задъ, спуская тарантасъ съ какой-то кручи, которой и не слѣдовало совсѣмъ тутъ быть.

— Позвольте — я васъ что-то не понимаю, — промолвилъ Неждановъ.

Маркеловъ захохоталъ принужденно и злобно.

— Вы меня не понитаете! Ха, ха, ха! — Я

все знаю, милостивый госудать! Знаю, съ кѣмъ вы объяснялись вчера въ любви; знаю, кого вы плѣнили вашей счастливой наружностью и красно-рѣчіемъ; знаю, кто допускаетъ васъ къ себѣ въ комнату... послѣ десяти часовъ вечера!

— Баринъ! — обратился вдругъ кучеръ къ Маркелову. — Подержите-ка возжи... Я слѣзу, посмотрю... Мы, кажись, съ дороги, сбились... Водомоина тутъ, что-ль, какая...

Тарантасъ, дѣйствительно, стоялъ совсѣмъ на боку.

Маркеловъ ухватилъ возжи, переданныя ему кучеромъ, — и продолжалъ все также громко:

— Я васъ нисколько не виню, Алексѣй Дмитричъ! Вы воспользовались... Вы были правы. Я говорю только о томъ, что не удивляюсь вашему охлажденію къ общему дѣлу: у васъ, я опять-таки скажу — не то на умѣ. И прибавлю кстати отъ себя: гдѣ тотъ человѣкъ, который можетъ заранѣе предугадать, что именно нравится дѣвическимъ сердцамъ — или постигнуть — чего онѣ желаютъ!!...

— Я теперь понимаю васъ, — началъ-было Неждановъ: — понимаю ваше огорченіе догадываюсь, кто насъ подкараулилъ и поспѣшилъ сообщить вамъ...

— Тутъ не заслуги — продолжалъ Маркеловъ, притворяясь, что не слышитъ Нежданова, и съ намѣреніемъ растягивая и какъ-бы распѣвая каждое слово — не какія-нибудь необыкновенныя душевныя или физическія качества... Нѣтъ! Тутъ просто... треклятое счастье всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей... всѣхъ в.....ъ!

Послѣднюю фразу Маркеловъ произнесъ отрывисто и быстро — и вдругъ умолкъ, словно замеръ.

А Неждановъ даже въ темнотѣ почувствовалъ, что весь поблѣднѣлъ, и мурашки забѣгали по его щекамъ. Онъ едва удержался, чтобы не броситься на Маркелова, не схватить его за горло... „Кровью надо смыть эту обиду, кровью...“

— Призналъ дорогу! воскликнулъ кучеръ, появившись у праваго передняго колеса — маленько ошибся, влѣво взялъ... теперь ничего! — духомъ представимъ; и версты до насъ не будетъ. Извольте сидѣть!

Онъ взобрался на облучокъ, взялъ у Маркелова возжи, повернулъ коренника въ сторону... Тарантасъ сильно тряхнуло раза два — потомъ онъ покатился ровнѣе и шибче — мгла какъ-будто разступилась и приподнялась — потянуло дымкомъ — впереди выросъ какой-то бугоръ.

Вотъ мигнулъ огонёкъ... онъ исчезъ... Мигнулъ другой... Собака залаяла...

— Наши выселки, — промолвилъ кучеръ; — эхъ, вы, котята любезные!

Чаще и чаще неслись на встрѣчу огоньки.

— Послѣ такого оскорбленія, — заговорилъ наконецъ Неждановъ: — вы легко поймете, Сергѣй Михайловичъ, что мнѣ невозможно ночевать подъ вашимъ кровомъ; а потому мнѣ остается просить васъ, какъ это мнѣ ни непріятно, чтобы вы, пріѣхавши домой, дали мнѣ вашъ тарантасъ, который довезетъ меня до города; завтра я уже найду способъ, какъ добраться до дому; — а тамъ вы получите отъ меня увѣдомленіе, котораго, вѣроятно, ожидаете.

Маркеловъ не тотчасъ отвѣчалъ.

— Неждановъ, — сказалъ онъ вдругъ негромкимъ, но почти отчаяннымъ голосомъ: — Неждановъ! Ради самого Бога, войдите ко мнѣ въ домъ — хоть бы только для того, чтобы я могъ на колѣняхъ попросить у васъ прощенія! — Неждановъ! Забудьте... забудь, забудь мое безумное слово! Ахъ, еслибъ кто-нибудь могъ почувствовать, до какой степени я несчастливъ! — Маркеловъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь — и въ ней словно что застонало. — Неждановъ!

будь великодушенъ! Дай мнѣ руку... Не откажись простить меня!

Неждановъ протянулъ ему руку — нерѣшительно, но протянулъ. — Маркеловъ стиснулъ ее такъ, что тотъ чуть не вскрикнулъ.

Тарантасъ остановился у крыльца Маркеловскаго дома.

— Слушай, Неждановъ, — говорилъ ему Маркеловъ, четверть часа спустя у себя къ кабинетѣ... — Слушай! (Онъ уже не говорилъ ему иначе какъ: „ты“, и въ этомъ неожиданномъ: *ты* — обращенномъ къ человѣку, въ которомъ онъ открылъ счастливаго соперника, котораго онъ только-что оскорбилъ кровно, котораго онъ готовъ былъ убить, разорвать на части — въ этомъ „ты“ было и безповоротное отреченіе — и моленіе смиренное, горькое — и какое-то право... Неждановъ это право призналъ тѣмъ, что самъ началъ говорить Маркелову: *ты*).

— Слушай! Я тебѣ сейчасъ сказалъ, что я отъ счастья любви отказался, оттолкнулъ его, чтобы только служить своимъ убѣжденіямъ... Это вздоръ, бахвальство! Никогда мнѣ ничего подобнаго не предлагали, нечего мнѣ было отталкивать! Я какъ родился безталаннымъ, такъ и остался имъ... Или, можетъ быть, оно такъ

и слѣдовало. — Потому руки у меня не туда поставлены — мнѣ предстоитъ дѣлать иное! Коли ты можешь соединить и то и другое... любить и быть любимымъ... и въ то же время служить дѣлу... ну, такъ ты молодецъ! — я тебѣ завидую... но самъ я — нѣтъ. — Я не могу. Ты счастливецъ! Ты счастливецъ! — А я не могу.

Маркеловъ говорилъ все это тихимъ голосомъ, сидя на низкомъ стулѣ, понуривъ голову и свѣсивъ обѣ руки какъ плети. Неждановъ стоялъ передъ нимъ, погруженный въ какое-то задумчивое вниманіе; и хотя Маркеловъ и величалъ его счастливцемъ — онъ не смотрѣлъ и не чувствовалъ себя такимъ.

— Меня въ молодости обманула одна... — продолжалъ Маркеловъ: — была она дѣвушка чудесная — и все-таки измѣнила мнѣ... для кого же? Для нѣмца! для адъютанта!! — А Маріанна...

Онъ пріостановился... Онъ въ первой разъ произнесъ ея имя, и оно какъ-будто обожгло его губы.

— Маріанна не обманула меня: она прямо объявила мнѣ, что я не нравлюсь ей... Да и чему тутъ нравиться? — Ну — отдалась она

тебѣ... Ну, что-жъ? Развѣ она не была свободна?

— Да постой, постой! — воскликнулъ Неждановъ. — Что ты такое говоришь?! — Какое: отдалась! — Я не знаю, что тебѣ написала твоя сестра; — но увѣряю тебя...

— Я не говорю: физически; но нравственно отдалась — сердцемъ, душою, — подхватилъ Маркеловъ, которому почему-то видимо понравилось восклицаніе Нежданова. — И прекрасно сдѣлала. А моя сестра... Конечно, она не имѣла намѣренія меня огорчить... То-есть, въ сущности это ей все равно; но она, должно быть, тебя ненавидитъ — и Маріанну тоже. — Она не солгала... а впрочемъ, Господь съ ней!

„Да“, — подумалъ про себя Неждановъ: — „она насъ ненавидитъ“.

— Все къ лучшему, — продолжалъ Маркеловъ, не перемѣняя положенія. — Теперь съ меня послѣднія путы сняты; теперь — уже ничего мнѣ не мѣшаетъ! Ты не смотри на то, что Голушкинъ — самодуръ: это ничего. И письма Кислякова... они, можетъ быть, смѣшны... Точно; но надо обращать вниманіе на главное. По его словамъ... вездѣ все готово. — Ты вотъ, пожалуй, и этому не вѣришь?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ.

— Ты, можетъ быть, правъ; — но вѣдь если ждать минуты, когда все, рѣшительно все будетъ готово — никогда не придется начинать. — Вѣдь если взвѣшивать напередъ *всѣ* послѣдствія — навѣрное между ними будутъ какія-либо дурныя. Напримѣръ: когда наши предшественники устроили освобожденіе крестьянъ — что-жъ? могли они предвидѣть, что однимъ изъ послѣдствій этого освобожденія будетъ появленіе цѣлаго класса помѣщиковъ-ростовщиковъ, которые продаютъ мужику четверть прѣлой ржи за шесть рублей — а получаютъ съ него (тутъ Маркеловъ пригнулъ одинъ палецъ): во-первыхъ, работу на всѣ шесть рублей, да сверхъ того — (Маркеловъ пригнулъ другой палецъ) — цѣлую четверть хорошей ржи — да еще (Маркеловъ пригнулъ третій) съ прибавкомъ! т.-е. высасываютъ послѣднюю кровь изъ мужика! Вѣдь это эманципаторы наши предвидѣть не могли — согласись! И все-таки, если даже они это предвидѣли, хорошо они сдѣлали, что освободили крестьянъ — и не взвѣшивали всѣхъ послѣдствій! А потому я... рѣшился!

Неждановъ вопросительно, съ недоумѣніемъ, посмотрѣлъ на Маркелова; но тотъ отвелъ свой

взглядъ въ сторону, въ уголъ. Его брови сдвинулись и закрыли зрачки; онъ кусалъ губы и жевалъ усы.

— Да, я рѣшился! — повторилъ онъ, съ размаху ударивъ по колѣну своимъ волосатымъ, смуглымъ кулакомъ. — Я вѣдь упрямый... Я не даромъ наполовину малороссъ.

Потомъ онъ всталъ и, шаркая ногами, точно онѣ у него ослабѣли, пошелъ въ свою спальню и вынесъ оттуда небольшой портретъ Маріанны подъ стекломъ.

— Возьми, — промолвилъ онъ печальнымъ, но ровнымъ голосомъ; — это я когда-то сдѣлалъ. Рисую я плохо; но ты посмотри, кажется, похожъ — (портретъ, сдѣланный карандашомъ въ профиль, былъ дѣйствительно похожъ). — Возьми, братъ; это мое завѣщаніе. вмѣстѣ съ этимъ портретомъ я тебѣ передаю — не мои права... у меня ихъ не было... а, знаешь — все! Я тебѣ все передаю — и ее. Она, братъ, хорошая...

Маркеловъ помолчалъ; грудь его замѣтно поднималась.

— Возьми. Вѣдь ты на меня не сердишься? Ну, такъ возьми. А мнѣ теперь ужъ ничего... этакое... не нужно.

Неждановъ взялъ портретъ; но странное

чувство стѣснило его грудь. Ему казалось, что онъ не имѣлъ права принять этотъ подарокъ; что если бы Маркеловъ хорошо зналъ, что у него, Нежданова, на-сердцѣ, онъ бы, можетъ быть, ему этого портрета не отдалъ. Неждановъ держалъ въ рукѣ этотъ маленькій круглый кусочекъ картона, тщательно обведенный по черной рамкѣ узкой полоской золотой бумаги — и не зналъ, что дѣлать съ нимъ. — Вѣдь это тутъ цѣлая жизнь человѣка въ моей рукѣ, — думалось ему. Онъ понималъ, какую жертву приносить Маркеловъ, но зачѣмъ, зачѣмъ именно ему? — А отдать портретъ? Нѣтъ! Это было бы оскорбленіе еще злѣйшее... И, наконецъ, вѣдь ему дорого это лицо, вѣдь онъ любитъ ее?

Неждановъ не безъ нѣкотораго внутренняго страха возвелъ глаза на Маркелова... не глядитъ ли тотъ на него — не старается ли уловить его мысли? — Но Маркеловъ опять уставился на уголь и жевалъ усы.

Старикъ слуга вошелъ въ комнату со свѣчкой въ рукѣ.

Маркеловъ встрепенулся.

— Спать пора, братъ Алексѣй! — воскликнулъ онъ. — Утро вечера мудренѣе. Дамъ тебѣ завтра лошадей — ты покатишь домой — и прощай!

— Прощай и ты, старина! — прибавилъ онъ вдругъ, обратившись къ слугѣ и ударивъ его по плечу. — Не поминай лихомъ!

Старикъ до того изумился, что чуть не выронилъ свѣчки, и взглядъ его, устремленный на своего барина, выразилъ нѣчто другое — и бѣльшее, чѣмъ обычную его унылость.

Неждановъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Ему было нехорошо. Голова его все еще болѣла отъ выпитаго вина, въ ушахъ звенѣло — въ глазахъ мерещилось, хотя онъ и закрывалъ ихъ. Голушкинъ, Васька приказчикъ, Оомушка, Оимушка — вертѣлись передъ нимъ; вдали образъ Маріанны, какъ-бы не довѣряя, не рѣшался приблизиться. Все, что онъ дѣлалъ и говорилъ самъ — казалось ему такою фальшью и ложью, такимъ ненужнымъ и приторнымъ вздоромъ... а то, что надо дѣлать, къ чему надо стремиться, — неизвѣстно гдѣ, недоступно, за десятью замками, зарыто въ преисподнюю...

И безпрестанно ему хотѣлось встать, сойти къ Маркелову, сказать ему: возьми свой подарокъ — возьми его назадъ!

— Фу! Какая скверность — жизнь, — воскликнулъ онъ наконецъ.

На другое утро онъ уѣхалъ рано. Марке-

Н

Н

Н

Н

Н

Н

Н

ловъ уже былъ на крыльцѣ, окруженный крестьянами. Созвалъ ли онъ ихъ, пришли ли они сами собою — Неждановъ такъ и не узналъ; Маркеловъ очень односложно и сухо простился съ нимъ... но, казалось, что онъ собирался сообщить имъ нѣчто важное. Старый слуга тутъ же торчалъ съ своимъ неизмѣннымъ взоромъ.

Тарантасъ скоро проскочилъ городъ — и, выбравшись въ поля, покатиъ лихо. Лошади были тѣ же самыя; но кучеръ — потому ли, что Неждановъ жилъ въ богатомъ домѣ, по другимъ ли соображеніямъ, рассчитывалъ на хорошую „на водку“... а извѣстно: когда кучеръ вышилъ водки или съ увѣренностью ждетъ ея — лошади бѣгутъ отлично. Погада была самая іюньская, хоть и свѣжая: высокія, рѣзвыя облака по синему небу, сильный, ровный вѣтеръ, дорога не пылитъ, убитая вчерашнимъ дождёмъ, ракиты шумятъ, блестятъ и струятся, — все движется, все летитъ, — перепелиный крикъ приносится жидкимъ посвистомъ съ отдаленныхъ холмовъ, черезъ зеленые овраги, точно и у этого крика есть крылья, и онъ самъ прилетаетъ на нихъ, — грачи лоснятся на солнцѣ, — какія-то темныя блохи ходятъ по ровной чертѣ обнаженного небосклона... это мужички двоятъ поднятый паръ.

Но Неждановъ пропускалъ все это мимо... мимо... онъ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Сипягинскаго имѣнья, — до того имъ овладѣли думы...

Однако онъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ крышу дома, верхній этажъ, окно Маріанниной комнаты. — „Да, — сказалъ онъ себѣ — и тепло ему стало на-сердцѣ: — *онъ* правъ — она хорошая — и я люблю ее“.

XXII.

Онъ наскоро переодѣлся и пошелъ давать урокъ Колѣ. — Сипягинъ, котораго онъ встрѣтилъ въ столовой, поклонился ему холодно и учтиво — и, процѣдивъ сквозь зубы: „Хорошо ли съѣздили?“ — прослѣдовалъ въ свой кабинетъ. — Государственный человѣкъ уже рѣшилъ въ своемъ министерскомъ умѣ, что, какъ только кончатся вакаціи, онъ немедленно отправитъ въ Петербургъ этого — „положительно слишкомъ краснаго“ учителя — а, пока, будетъ наблюдать за нимъ. — „Je n'ai pas eu la main heureuse cette fois-ci“, подумалъ онъ про себя; а впрочемъ... „j'aurais pu tomber pire“. — Чувства Валентины Михайловны къ Нежданову были гораздо энергичнѣе и опредѣленнѣе. Она его уже

совсѣмъ терпѣть не могла... Онъ, этотъ мальчишка! — онъ оскорбилъ ее. — Маріанна не ошиблась: это она, Валентина Михайловна, подслушивала ее и Нежданова въ корридорѣ... Знатная барыня этимъ не побрезгала. — Въ теченіи тѣхъ двухъ дней, въ которые продолжалось его отсутствіе — она, хотя ничего не сказала своей „легкомысленной“ родственницѣ — но безпрестанно давала ей понять, что ей все извѣстно; что она негодовала бы, еслибъ не удивлялась — и удивилась бы еще болѣе — еслибъ частью не презирала, частью не сожалѣла... Сдержанное, внутреннее презрѣніе наполняло ея щеки, что-то насмѣшливое и въ то же время сожалительное приподнимало ея брови, когда она глядѣла на Маріанну, говорила съ нею; ея чудесные глаза съ мягкимъ недоумѣньемъ, съ грустной гадливостью останавливались на самонадѣянной дѣвушкѣ, которая, послѣ всѣхъ своихъ „фантазій и эксцентричностей“ — кончила тѣмъ, что цѣ... лу... ет... ся... въ темныхъ комнатахъ съ какимъ-то недоучившимся студентомъ!

Бѣдная Маріанна! Ея строгія, гордыя губы не вѣдали еще ничьихъ лобзаній.

Впрочемъ, мужу своему Валентина Михай-

ловна не намекнула о сдѣланномъ ею открытіи; она удовольствовалась тѣмъ, что сопровождала немногія слова, обращенныя ею къ Маріаннѣ въ его присутствіи — значительной усмѣшкой, которая нисколько не обусловливалась ихъ содержаніемъ. — Валентина Михайловна даже нѣсколько раскаявалась въ томъ, что написала письмо брату... Но въ концѣ-концовъ она предпочла: раскаяваться — и чтобъ это было сдѣлано — чѣмъ не раскаяваться — и чтобъ письмо осталось не написаннымъ.

Съ Маріанной Неждановъ увидѣлся мелькомъ, въ столовой, за завтракомъ. Онъ нашелъ, что она похудѣла и пожелтѣла: она была нехороша собой въ тотъ день; но быстрый взглядъ, который она бросила на него, какъ только онъ вошелъ въ комнату, проникъ въ самое его сердце. — За то Валентина Михайловна посматривала на него такъ, какъ будто постоянно внутренно твердила: „Поздравляю! Прекрасно! Очень ловко!“ — и въ то же время ей хотѣлось вычитать на его лицѣ: „показалъ ли ему Маркеловъ ея письмо или нѣтъ?“ — Она рѣшила наконецъ, что показать.

Сипягинъ, узнавъ, что Неждановъ ѣздилъ на фабрику, которою завѣдывалъ Соломинъ, началъ

разспрашивать его объ этомъ „во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ промышленномъ заведеніи“; — но, въ скорости убѣдившись изъ отвѣтовъ молодого человѣка, что онъ собственно тамъ ничего не видѣлъ, умолкъ величественно, какъ-бы упрекая самого себя въ томъ, что могъ ожидать какихъ-либо дѣльныхъ свѣдѣній отъ такого еще незрѣлаго субъекта! — Выходя изъ столовой, Маріанна успѣла шепнуть Нежданову: — „Жди меня въ старой березовой рощѣ, на концѣ сада; я приду туда — какъ только будетъ возможно“. — Неждановъ подумалъ: „и она говоритъ мнѣ: „ты“ — такъ же какъ тотъ“. — И какъ это было ему пріятно, хоть и нѣсколько жутко!... и какъ было бы странно — да и невозможно — еслибъ она вдругъ снова начала говорить ему: „вы“ — еслибъ она отодвинулась отъ него...

Онъ почувствовалъ, что это было бы для него несчастьемъ. — Былъ ли онъ влюбленъ въ нее — этого онъ еще не зналъ; но что она стала ему дорогою — и близкой — и нужной... главное: нужной — это онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ.

Роща, куда послала его Маріанна, состояла изъ сотни высокихъ, старыхъ, бóльшей частью

плакучихъ березъ. Вѣтеръ не переставалъ; длинныя пачки вѣтвей качались, метались какъ распущенныя косы; облака по прежнему неслись быстро и высоко; — и когда одно изъ нихъ налетало на солнце, все кругомъ становилось — не темно, но одноцвѣтно. — Но вотъ оно пролетѣло — и всюду, внезапно, яркія пятна свѣта мятежно колыхались снова: они путались, пестрѣли, мѣшались съ пятнами тѣни... шумъ и движеніе были тѣ же; но какая-то праздничная радость прибавлялась къ нимъ. Съ такимъ же радостнымъ насиліемъ врывается страсть въ потемнѣвшее, взволнованное сердце... И такое именно сердце принесъ въ груди своей Неждановъ.

Онъ прислонился къ стволу березы — и началъ ждать. — Онъ собственно не зналъ, что онъ чувствовалъ — да и не желалъ это знать; ему было и страшнѣе — и легче, чѣмъ у Маркелова. Онъ хотѣлъ прежде всего ее видѣть, говорить съ нею; тотъ узелъ, который внезапно связываетъ два живыхъ существа, уже захватилъ его. — Неждановъ вспомнилъ веревку, которая летитъ на набережную съ парохода, когда тотъ собирается причалить... Вотъ ужъ она обвилась около столба — и пароходъ остановился...

Въ пристани! Слава-Богу!

Онъ вдругъ вздрогнулъ. Женское платье замелькало вдали по дорожкѣ. Это она. Но идетъ ли она къ нему, уходитъ ли отъ него — онъ не зналъ, пока не увидѣлъ, что пятна свѣта и тѣни скользили по ея фигурѣ *снизу вверхъ*... значитъ, она приближается. Они бы спускались *сверху внизъ*, еслибъ она удалялась. Еще нѣсколько мгновений — и она стояла возлѣ него, передъ нимъ, съ привѣтнымъ, оживленнымъ лицомъ, съ ласковымъ блескомъ въ глазахъ, съ слабо, но весело улыбавшимися губами. — Онъ схватилъ ея протянутыя руки — однако тотчасъ не могъ вымолвить ни слова; — и она ничего не сказала. Она очень скоро шла и немного задыхалась; но видно было, что она очень обрадовалась тому, что онъ обрадовался ей.

Она первая заговорила.

— Ну, что́, — начала она — сказывай скорѣй, чѣмъ вы рѣшили?

Неждановъ удивился.

— Рѣшили... да развѣ надо было теперь же рѣшить?

— Ну, ты понимаешь меня. — Разсказывай, о чемъ вы говорили? Кого ты видѣлъ? Познакомился ли ты съ Соломинымъ? — Разсказывай

все... все! Пстой, пойдѣмъ туда, подальше. Я знаю мѣсто... тамъ не такъ видно.

Она повлекла его за собою. Онъ послушно шелъ за ней цѣликомъ по высокой, рѣдкой, сухой травѣ.

Она привела его куда хотѣла. Тамъ лежала, поваленная бурей, большая береза. Они усѣлись на ея стволѣ.

— Разсказывай! — повторила она, но тотчасъ же прибавила! — Ахъ, какъ я рада тебя видѣть! Мнѣ казалось, что эти два дня никогда не кончатся. Ты знаешь, я теперь убѣждена въ томъ, что Валентина Михайловна насъ подслушала.

— Она написала объ этомъ Маркелову, — промолвилъ Неждановъ.

— Ему?!

Маріанна помолчала и понемногу покраснѣла вся, — не отъ стыда, а отъ другого, болѣе сильнаго чувства.

— Злая, дурная женщина! — медленно прошептала она: — она не вправѣ была это сдѣлать... Ну, все равно! Разсказывай, разсказывай!

Неждановъ началъ говорить... Маріанна слушала его съ какимъ-то окаменѣлымъ вниманіемъ — и только тогда прерывала его, когда она за-

мѣчала, что онъ спѣшитъ, не останавливается на подробностяхъ. — Впрочемъ, не всѣ подробности его поѣздки были одинаково интересны для нея: надъ Оомушкой и Оимушкой она посмѣялась, но они ея не занимали. Ихъ быть было слишкомъ отъ нея далеку.

— Ты мнѣ точно о Навуходоносорѣ свѣдѣнія сообщашь, — замѣтила она.

А вотъ, что говорилъ Маркеловъ, что думаетъ даже Голушкинъ (хотя она тотчасъ поняла, что это за птица) — а главное: какого мнѣнія Соломинъ — и что онъ самъ за человекъ — вотъ что ей нужно было знать, вотъ, о чемъ она сокрушалась. „Когда же? когда?“ — этотъ вопросъ постоянно вертѣлся у ней въ головѣ, просился на уста во все время, пока говорилъ Неждановъ. А онъ какъ будто избѣгалъ всего, что могло дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ самъ сталъ замѣчать, что налегаетъ именно на тѣ подробности, которыя менѣе интересовали Маріанну... нѣтъ-нѣтъ — да и возвратится къ нимъ. Юмористическія описанія возбуждали въ ней нетерпѣніе; тонъ разочарованный или унылый ее огорчалъ... Надо было постоянно обращаться къ „дѣлу“ къ „вопросу“. Тутъ никакое многословіе ее не утомляло. Вспо-

мнилось Нежданову время, когда онъ, еще не будучи студентомъ, и живя лѣтомъ на дачѣ у однихъ хорошихъ знакомыхъ, вздумалъ разсказывать ихъ дѣтямъ сказки: — и они также не цѣнили ни описаній, ни выраженія личныхъ, собственныхъ ощущеній... они также требовали дѣла, фактовъ! — Маріанна не была ребенкомъ, но прямою и простою чувства она походила на ребенка.

Неждановъ искренно и горячо похвалилъ Маркелова — и съ особеннымъ сочувствіемъ отозвался о Соломинѣ. Говоря о немъ чуть не въ восторженныхъ выраженіяхъ, онъ спрашивалъ самого себя: что собственно заставляло его быть такого высокаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ? Ничего особенно-умнаго онъ не выказалъ; иныя его слова даже какъ-будто шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями его, Нежданова... „Уравновѣшенный характеръ, — думалось ему: — вотъ что; обстоятельный, свѣжій, какъ говорила Оимушка; — крупный человѣкъ; спокойная, крѣпкая сила; знаетъ, что ему нужно, и себѣ довѣряетъ — и возбуждаетъ довѣріе; тревоги нѣтъ... и равновѣсіе! равновѣсіе!... Вотъ это главное; именно, чего у меня нѣтъ“. Неждановъ умолкъ, предавшись размышленію... Вдругъ

онъ почувствовалъ прикосновеніе руки на своемъ плечѣ.

Онъ поднялъ голову: Маріанна глядѣла на него заботливымъ и нѣжнымъ взоромъ.

— Другъ! Что съ тобою? — спросила она.

Онъ снялъ ея руку съ плеча и въ первый разъ поцѣловалъ ее. Она слегка засмѣялась, какъ-бы удивившись: съ чего могла ему придти въ голову такая любезность? — Потомъ она въ свою очередь задумалась.

— Маркеловъ показалъ тебѣ письмо Валентины Михайловны? — спросила она наконецъ.

— Да.

— Ну... и что же онъ?

— Онъ? — Онъ благороднѣйшее, самоотверженное существо! Онъ... — Неждановъ хотѣлъ было сказать Маріаннѣ о портретѣ — да удержался и только повторилъ: — благороднѣйшее существо!

— О, да, да!

Маріанна опять задумалась — и вдругъ, повернувшись къ Нежданову на стволѣ березы, служившей имъ обоимъ сидѣньемъ, съ живостію промолвила:

— Ну, такъ чѣмъ же вы рѣшили?

Неждановъ пожалъ плечами,

— Да я тебѣ сказалъ уже, что — пока — ничѣмъ; надо будетъ еже подождать.

— Подождать еще... Чего же?

— Послѣднихъ инструкцій („А вѣдь я вру“ — думалось Нежданову).

— Отъ кого?

— Отъ того... ты знаешь... отъ Василья Николаевича. Да вотъ еще надо подождать, чтобы Остродумовъ вернулся.

Маріанна вопросительно посмотрѣла на Нежданова.

— Скажи, ты когда-нибудь видѣлъ этого Василія Николаевича?

— Видѣлъ раза два... мелькомъ.

— Чтò онъ... замѣчательный человѣкъ?

— Какъ тебѣ сказать? Теперь онъ голова — ну, и орудуетъ. А безъ дисциплины въ нашемъ дѣлѣ нельзя; повиноваться нужно. („И это все вздоръ“ — думалось Нежданову).

— Какой онъ изъ себя?

— Какой? — приземистый, грузный, чернявый... Лицо скуластое, калмыцкое... грубое лицо. Только глаза очень живые.

— А говоритъ онъ какъ?

— Онъ не столько говоритъ, сколько командуетъ.

— Отчего же онъ сдѣлался головою?

— А съ характеромъ человѣкъ. Ни предъ чѣмъ не отступить. Если нужно — убьетъ. Ну — его и боятся.

— А Соломинъ каковъ изъ-себя? — спросила Маріанна, погода немного.

— Соломинъ тоже не очень красивъ; только у этого славное лицо, простое, честное. Между семинаристами — хорошими — такія попадаются лица.

Неждановъ подробно описалъ Соломина. Маріанна посмотрѣла на Нежданова долго... долго... потомъ промолвила, словно про себя:

— У тебя тоже хорошее лицо. Съ тобою, думаю, можно жить.

— Это слово тронуло Нежданова; онъ снова взялъ ея руку — и поднесъ-было ее къ губамъ...

— Погоди любезничать, — промолвила, смѣясь, Маріанна — она всегда смѣялась, когда у ней цѣловали руку; — ты не знаешь: я передъ тобой виновата.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какъ. — Я въ твоёмъ отсутствіи вошла къ тебѣ въ комнату — и тамъ, на твоёмъ столѣ, увидала тетрадку съ стихами... (Не-

ждановъ дрогнулъ: онъ вспомнилъ, что онъ точно забылъ эту тетрадку на столѣ своей комнаты) — и каюсь передъ тобою: не съумѣла побѣдить свое любопытство — и прочла. — Вѣдь это твои стихи?

— Мои; и знаешь ли что, Маріанна? Лучшимъ доказательствомъ, до какой степени я къ тебѣ привязанъ и какъ я тебѣ довѣряю — можетъ служить то, что я почти не сержусь на тебя.

— Почти? Стало-быть, хоть немного, да сердишься? — Кстати, ты меня зовешь Маріанной; не могу же я тебя звать Неждановымъ! Буду звать тебя Алексѣемъ. А стихотвореніе, которое начинается такъ: „Милый другъ, когда я буду умирать“... тоже твое?

— Мое... мое. — Только, пожалуйста, брось это... Не мучь меня.

Маріанна покачала головою.

— Оно очень печально, — это стихотвореніе... Надѣюсь, что ты его написалъ до сближенія со мною. Но стихи хороши — насколько я могу судить. Мнѣ сдается, что ты могъ бы сдѣлаться литераторомъ; только я *навѣрное* знаю, что у тебя есть призваніе лучше и выше лите-

ратуры. Этимъ хорошо было заниматься — прежде, — когда другое было невозможно.

Неждановъ кинулъ на нее быстрый взглядъ.

— Ты думаешь? Да, я съ тобой согласенъ. Лучше гибель тамъ — чѣмъ успѣхъ здѣсь.

Маріанна стремительно встала.

— Да, мой милый, ты правъ! воскликнула она — и все лицо ея просіяло, вспыхнуло огнемъ и блескомъ восторга, умиленіемъ великодушныхъ чувствъ: — ты правъ! — Но, можетъ быть, мы и не погибнемъ тотчасъ; мы успѣемъ, ты увидишь, мы будемъ полезны, наша жизнь не пропадетъ даромъ, мы пойдемъ въ народъ... Ты знаешь какое-нибудь ремесло? Нѣтъ? Ну, все равно — мы будемъ работать, мы принесемъ имъ, нашимъ братьямъ, все, что мы знаемъ — я, если нужно, въ кухарки пойду, въ швеи, въ прачки... Ты увидишь, ты увидишь... И никакой тутъ заслуги не будетъ — а счастье, счастье...

Маріанна умолкла: но взоръ ея, устремленный въ даль, не въ ту, которая разстилалась передъ нею — а въ другую, невѣдомую, еще небывалую, но видимую ей, — взоръ ея горѣлъ...

Неждановъ склонился къ ея стану...

— О, Маріанна, — шепнулъ онъ, — я тебя не стою!

Она вдругъ вся встрепенулась.

— Пора, домой пора! — промолвила она, — а то сейчасъ опять насъ отыскивать станутъ. Впрочемъ, Валентина Михайловна, кажется, махнула на меня рукой. Я въ ея глазахъ — пропащая!

Маріанна произнесла это слово съ такимъ свѣтлымъ радостнымъ лицомъ, что и Неждановъ, глядя на нее, не могъ не улыбнуться и не повторить: пропащая!

— Только она очень оскорблена тѣмъ, — продолжала Маріанна, — какъ же это ты не у ея ногъ? — Но это все ничего — а вотъ что... Вѣдь здѣсь оставаться мнѣ нельзя будетъ... Надо будетъ бѣжать.

— Бѣжать? — повторилъ Неждановъ.

— Да, бѣжать... Вѣдь и ты не останешься? — Мы уйдемъ вмѣстѣ. — Намъ надо будетъ работать вмѣстѣ... Вѣдь ты пойдешь со мною?

— На край свѣта! — воскликнулъ Неждановъ — и голосъ его внезапно зазвенѣлъ отъ волненія и какой-то порывистой благодарности. — На край свѣта! — Въ эту минуту онъ точно ушелъ бы съ нею, безъ оглядки, куда бы она ни пожелала!

Маріанна поняла его — и коротко и блаженно вздохнула.

— Такъ возьми же мою руку... только не цѣлуй ея — а пожми ее крѣпко, какъ товарищу, какъ другу... вотъ такъ!

Они пошли вмѣстѣ домой, задумчивые, счастливые, — молодая трава ластилась подъ ихъ ногами, молодая листва шумѣла кругомъ; пятна свѣта и тѣни побѣжали проворно, скользя по ихъ одеждѣ — и оба они улыбались и тревожной ихъ игрѣ, и веселымъ ударамъ вѣтра, и свѣжему блистанью листьевъ — и собственной молодости, и другъ другу.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕРГАРДЪ книгопродавецъ, издатель и комиссіонеръ для иностранцевъ, предлагаетъ свои услуги Г. г. авторамъ для напечатанія ихъ произведеній на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

- Томъ I. Стихотворенія ПУШКИНА, РЫЛѢЕВА, ЛЕРМОНТОВА и другихъ лучшихъ авторовъ. М. 2.25.
- Томъ II. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. М. 1.50.
- Томъ III. РОВИРА ИЛИ РАБСТВО. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ Ивана Головина. М. 1.50.
- Томъ IV. ЛЕКЦІИ О ФРЕНОЛОГІИ съ иллюстраціями Ивана Головина. М. 2.00.
- Томъ V. ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АНГЛІИ Ивана Головина, съ портретомъ автора. М. 4.50.
- Томъ VI. ЗАПИСКИ Ивана Головина. М. 4.50.
- Томъ VII. МОЛОДАЯ РОССІЯ Ивана Головина. М. 2.40.
- Томъ VIII. НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Пушкина и Шевченки. М. 0.75.
- Томъ IX. ЗАПИСКИ ФОНЪ-ВИЗИНА. М. 3.00.
- Томъ X. Стихотворенія Н. НЕКРАСОВА. М. 2.25.
- Томъ XI. Стихи СП.....АГО и П. П. М. 1.50.
- Томъ XII. ОНА ТОЛЬКО ДУША! Вильгельма Вольф-зона. М. 3.00.
- Томъ XIII. РИМЪ И С.-ПЕТЕРБУРГЪ. М. 0.75.
- Томъ XIV. КТО ПРАВЪ? М. 1.50.
- Томъ XV. О СВОБОДѢ. Соч. Д. С. Милля. М. 4.00.
- Томъ XVI. ДУХОВНАЯ Василія Никитича Татищева. М. 0.75.
- Томъ XVII. О ЮНОСТИ АЛЕКСАНДРА Іго, кн. Ав. Голицына. М. 1.00.
- Томъ XVIII. РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА о 14 Декабрѣ 1824, кн. Ав. Голицына. М. 0.75.
- Томъ XIX. БІОГРАФІЯ АРСЕНІЯ МАЦѢВИЧА, Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, кн. Ав. Голицына. М. 0.75.
- Томъ XX. О МНИМОЙ КНЯЖНѢ ТАРАКАНОВОЙ, кн. Ав. Голицына. М. 0.75.
- Томъ XXI. О СОСТОЯНІИ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ. — О ЗЛОЙ САЛТЫЧИХЪ. М. 0.75.

- Томъ ХХІІ. ДОКЛАДЪ о управленіи государствомъ, поданный Екатеринѣ ІІ въскорѣ по восшествіи ея на престолъ. — ЗАПИСКА князя Михаила Никитича Волконскаго о необходимыхъ улучшеніяхъ (1775). М. 0.75.
- Томъ ХХІІІ. ИСТОРІЯ О ОЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ СОЛОВЕЦКИХЪ: Иже за благочестіе и святыя церковныя законы и преданія, въ настоящая времена, великодушно пострадала. М. 1.50.
- Томъ ХХІV. ДЫМЪ. Соч. Ив. Тургенева. Второе изданіе. М. 5.00.
- Томъ ХХV. НЕСЧАСТНАЯ. Соч. Ив. Тургенева. М. 2.00.
- Томъ ХХVІ. ОТЦЫ И ДѢТИ. Соч. Ив. Тургенева. М. 5.00.
- Томъ ХХVІІ—ХХІХ. ПАНУРГОВО СТАДО. Соч. В. В. Крестовскаго. М. 15.00.
- Томъ ХХХ. ПЕМБЕ. Разсказъ изъ эпиро-албанской жизни. Соч. К. Н. Леонтьева. М. 1.50.
- Томъ ХХХІ. ВЕШНЯЯ ВОДА. Соч. Ив. Тургенева. М. 3.50.
- Томъ ХХХІІ. СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИРЪ. Соч. Ив. Тургенева. М. 1.80.
- Томъ ХХХІІІ. СТУКЪ! СТУКЪ! СТУКЪ! Студія, и Странная исторія, разсказъ. Соч. Ив. Тургенева. М. 1.50.
- Томъ ХХХІV, ХХХV. ЗАПИСКИ ОХОТНИКА. Соч. Ив. Тургенева. М. 10.0.
- Томъ ХХХVІ. ЧАСЫ. Соч. Ив. Тургенева. М. 1.20.

МИНИАТЮРНЫЯ ИЗДАНИЯ.

- СТИХОТВОРЕНІЯ КОЛЬЦОВА. М. 2.00, въ переп. М. 3.00.
- СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. М. 5.50, въ переп. М. 7.00.
- СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПУШКИНА. М. 6.00, въ переп. М. 7.00.
- СТИХОТВОРЕНІЯ К. Ѳ. РЫЛѢВА. М. 3.00, въ переп. М. 4.00.

-
- ЗАМѢЧАНІЯ о чувствахъ высокаго и прекраснаго Капта. М. 1.60.
- МІРЪ И ЕГО ЗАКОНЫ какъ нравственное начало высшаго существа. Гипотетической взглядъ на мірозданіе. А. Н. Старикова. М. 4.00.
-

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

Turgenev, Ivan Sergeevič,

Nov (Neuland)

Leipzig 1877

P.o.rel. 2910-37/38

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11360213-9